Костанай
«Костанайский печатный двор»
2008

АНАТОЛИЙ ТАРАСЕНКО

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ ТРЕТИЙ

Целинная хроника
(повесть)

Рассказы и очерки

Костанай
2008

ББК 84 (5Каз-Рус)-4

Т-19 **Тарасенко Анатолий**
Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 3: Целинная хроника: Повесть; Рассказы и очерки. – «Костанайский печатный двор», 2008, – 248 с.

ISBN 978-601-227-005-1 - (Т.3)
ISBN 9965-760-28-4

В третьем томе собрания сочинений переиздана автобиографическая повесть «Целинная хроника», а также рассказы и очерки, посвященные тому незабываемому романтическому времени.

ББК 84 (5Каз-Рус)-4

© Издательство

“Костанайский печатный двор”, 2008
© Оформление, 2008
© А. Тарасенко, автор, 2008

Целинная хроника
(затянувшийся контракт)

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
ЦЕЛИНЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Глава первая

ВЕРСИЯ.
Октябрь, 2003 год.

Версия, как один из взглядов на существо дела, есть универсальное свойство литературы, более того, всякая книга, кроме Книги книг, предстает миру именно в таком виде. Как заглавие вступительное «Версия» в этом значении мною здесь употреблена вместо привычного «К читателю», под которым какие только обращения не встречаются, иногда даже вовсе и не от автора.

Есть у меня небольшой рассказ «Сбывшийся и несбывшийся сон». То ли мистика, то ли аллегория, но – автобиография. О том, как по невнимательности судьбы к моей персоне – нас на планете много – все значительное в моей жизни происходило с опозданием. И о том, что такое отношение ко мне судьба затем возвела в закон.

Двадцать лет назад я знал, что напишу книгу под названием «Целинная хроника». Об одном из великих созидательных событий весьма драматичного двадцатого века. Таковым оно рано или поздно будет официально признано не только нами (хотя нам самим это пока дается с трудом), ибо не было еще в истории столь масштабных аграрных баталий. И не будет уже теперь, для них просто не осталось места на земле...

Начинал писать даже... Но судьба держала за руку: – Не спеши! Потом. Пропусти других, они социальный заказ получили и худо-бедно его выполняют… Знала, конечно, судьба, что придут иные времена, когда навьюченный мешками социальных и политических заказов, с подкосившимися ногами ишак освободится от тяжелого груза стереотипов и снова воспарит Пегасом.

Громыхание поклажи социалистического ишака до сих пор в ушах стоит. Мина замедленного действия в его ноше была... Безусловно, объединенные силы интернационального десанта, высаженного в северных малолюдных областях, где общий потенциал Казахстана выражался крайне слабо, своей мощью потрясали. Тем не менее, определенный потенциал у республики к тому времени был, во всяком случае, в недавно выигранной войне к ней как к базе фронта вопросов не было… На собственные силы, в основном, и рассчитывали в Алма-Ате, составляя по предложению Москвы планы освоения северных территорий. И, конечно же, такого десанта – по оснащенности своей, по численности и психологической подготовке – здесь всерьез не ждали. А если и ждали, то не сразу, не в момент… Еще не восстановлены бывшие в оккупации районы страны, да и прожектов-однодневок всяких тогда объявлялось много… Помнившее не только святое дело мобилизации солдат во имя победы, но и, в надрыве сил, продовольствия армии, стали на броню, свинца для пуль, лошадей для кавалерии, казахстанское руководство просто не верило, что ему уже под будущий урожай такие немереные ресурсы дадут. И рассуждало так: чем

дерзновеннее планы мы начертаем, тем энергичнее нам будут выкручивать руки в мирное время…

Короче, не сориентировалось оно, и это были его проблемы, стоившие кресел и карьеры. Но оппоненты и критики кампании до сих пор апеллируют якобы к житейской мудрости этих людей и даже тихому саботажу, чего там как раз и не было. Была недооценка ситуации.

Целина распахивалась ради хлеба. Но не только. Это была часть амбициозного советского проекта, которая осуществилась.

Осуществилась не только эта часть сталинского курса на мировое лидерство в послевоенном раскладе. Генералиссимус лично руководил космическими заделами и созданием оружия, до наших дней, как говорится, актуального, делающего войны бессмысленными и позволяющего дать простор невиданной доселе движущей силе социализма.

Обустройство земного, почти космического пространства в самом центре страны – в географическом центре, а не административном – уже давно было главным пунктом программы.

Начиналось оно еще со времен последних Романовых, о чем свидетельствует хотя бы кустанайский конезавод. Зачем бы он триста лет правившей династии понадобился за Тоболом? Чтобы на Сенатской площади на азиатском тулпаре перед Европой погарцевать? Но кустанайской лошадке промозглая столичная погода не подойдет, а в сырой Европе своих пород не пересчитать...

Но и европейская лошадь в экстремальных условиях Зауралья и Сибири не работник, целину пахать не сможет. Копыта отбросит... Так что, по нынешним параллелям, цари построили здесь как бы тракторный завод. Завели не только лошадь, но и город Кустанай, до этого в урочище между логами Абильсай и Майлисай было всего лишь хибарное поселение. На герб города гнедую родоначальницу никакие власти не помещают именно из-за ее монархических связей.

Лошадь, однако, в борозду не пошла: ее в армию забрали – на турецкую, японскую, мировую первую, гражданскую, финскую... После второй мировой войны третья, с американцами, всерьез не рассматривалась, и последним прериям на земле – степям России и Казахстана – пришел конец. И тому казахстанскому руководству – тоже.

Его как не осознавшего глобальных планов громадьё (оно лишь несколько новых совхозов предлагало открыть) по уставу коммунальной партийной кухни заменили, и с тех пор инициатива прочно принадлежала Москве. Казахстанцы оставались как бы на ролях второго плана. Среди самых первых эшелонов алма-атинские, с добровольцами Юга, были тоже, но сути это не меняло. Впрочем, по тем временам, как и в отгремевшие военные, мобилизованный человеческий ресурс являл собою наднациональное образование, важнее любой отдельно взятой республики… Степь захлестнула лавина извне и стратегические директивы Центра.

…Независимый казахский тулпар затарахтел поклажей с осколками имперских горшков и упреками Москве. Во всех колониальных грехах. Тиражировались глубокомысленные соображения о преступном попустительстве верхов при подавлении традиционного уклада жизни степняков да потравах железными конями тучных пастбищ табунов тургайских и выводы о глобальной непоправимости совершенного…

О целине тогда, кажется, писали одни «доброжелатели». Это люди особой природы: с генетическим комплексом реванша за все, что было, есть и будет, и с чувством самосохранения одновременно. Существующие, в основном, анонимно, они предстают на сцене в антрактах, когда главный режиссер ушел, актеры готовятся к следующему акту, а редкие, первыми напившиеся чаю и справившие нужду зрители благодушно расположились в зале…

Интересно, как в те времена, уже в мире ином, Хрущев в глаза Буденному с Ворошиловым смотрел? Говорили ведь усатые, в лампасах маршалы ему, лысому и безусому, в вышитой украинской сорочке, цивильному: по целине тракторами молодежь будет пахать и сеять, а в старых селах и деревнях черноземных – на лошадях бывшей легендарной буденновской кавалерии. С легендарными ворошиловскими стрелками, согбенными теперь ветеранами, в борозде.

Так оно ведь тогда и было… И рванул оттуда в вольные степи всякий люд – по зову партии и без зова, на новую технику и на приличные, хоть нелегкие деньги… «Деньги, не горбатясь, – как заметил великий Николо Амати, – заработать нельзя». Легко и непринужденно они, дармовые, уплывают из казны только в руки аферистов, но их скрипичных дел мастер за граждан не считал… Сентенция эта, похоже, переживет его знаменитые, застрахованные на все виды риска виолончели.

Опять-таки судьба: на первый призыв целинников я ростом не вышел. Но поспел ко второму. Он так и назывался – второй этап целины. В самых неземледельческих и глухих пастушеских степях тургайских, без железных и асфальтовых или хотя бы грейдером профилированных дорог… Без аэропортов, линий связи и коммуникаций. И открылось мне, запоздавшему...

Я увидел кризис обширного региона, обжитого на первом этапе. Когда беспрецедентные затраты уже, казалось, должны были воздаться сеятелю сполна… Но воздались они неблагодарно: засухами, неурожаем, страшной ветровой эрозией почв… От пыльных бурь день становился ночью, а миллионы тонн поднятого вверх казахстанского чернозема мощным слоем оседали в цветущих южно-украинских садах. Почти таким же потоком, как пятилетие назад, ехали новоселы. Кто в обратном направлении, кто в возводившиеся окрестные города…

Именно тогда знаменитая, напеваемая всей страной попутная песня целинников, этот своеобразный марш энтузиастов той волны, сработанный Евгением Родыгиным на слова Николая Солохина:

Едут новоселы
По земле целинной,
Песня молодая
Далеко летит,

на ту же музыку стал демаршем, уже со словами народными:

Едут новоселы –
Морды невеселы,
Песня матерная
Далеко летит…

С кризисом целины наступил кризис власти. Старые житницы, обескровленные живой силой и техникой, прозябали, новые – в Сибири и Казахстане – не состоялись. Английский премьер Черчилль оценивал плоды деятельности Хрущева на этом поприще как феноменальные: это при нем в громадную земледельческую державу, испокон веков подкармливавшую мир, начали завозить хлеб.

На всякие выпады буржуазной пропаганды официальная Москва плевала во все времена. Но, впервые после Сталина, она стушевалась и вдалась во внутренние распри под напором доморощенных критиков, противников и упоминаемых уже доброжелателей, которые при всех властях со своими лозунгами – «Мы вас предупреждали!» – всегда наготове на любом повороте. Столицу обвиняли за навязанный окраинам (в центре страны!) эксперимент, за ломку местных укладов и смешение языков, за игнорирование уроков саскачеванского пыльного котла, закурившего несколько десятилетий тому назад не только на всю Канаду, но и на соседние Соединенные Штаты... Хотя канадцев, между прочим, тоже серьезно предупреждали. И не доброжелатели, а тамошние переселенцы из украинской Таврии, эмигрировавшие за океан вместе со своими буккерами, плугами для безотвальной противоэрозийной пахоты…

Это был период, когда целинная эпопея могла завершиться, приобретя иронический смысл и печальные аналогии с прочими грандиозными, но пустыми затеями человеческими. Осталась бы непокоренной степь. Зализывая раны и вновь обрастая ковылем, она, изувеченная, сумела бы

вернуться в свое почти первозданное состояние. С островками жилищ третьего отряда крестьян-переселенцев среди таких же редких аулов исконных здешних обитателей.

Решение насчет второго этапа целины стало в этот критический момент переломным. Инициатива его целиком исходила от самих казахстанцев, они продемонстрировали напор, грамотный расчет, готовность довести дело до конца и свои исконные пастбища перепахать, что вывело Центр из нерешительности, а ситуацию из тупика. И если первые волны в ковыльных степях шли по ветру из Москвы, то тот самый «второй этап» был буквально затребован из степи.

Лишь после него – то ли по совпадению, то ли закономерно – сеятелям воздалось. Пыльная смерчами и пустая закромами седьмая советская пятилетка сменилась обильной восьмой… И последующими, как правило, стабильными годами…

Негоже книги, полкой выше телефонного справочника, цифрами нагружать. Поэтому прописью можно указать: хлеба элитного качества, Kostanaj, Republik Kazakhstan, в восьмой пятилетке взял втрое больше предыдущей. Латиница употреблена в связи с общепринятым обозначением торговых координат: в наши дни прагматичный мир позабыл свою прежнюю критику того «авантюрного» проекта (на кой ляд она ему теперь, это лишь мы продолжаем) и начал интересоваться заметной оттуда, из-за горизонта, кучей зерна: – Отдаете почем?..

В океане тех распаханных казахских ковылей тургайские степи были лишь внутренним Саргассовым морем тюльпанов, доля собранных на их месте хлебов достаточно скромна в миллиардах казахстанских пудов. Но не все на свете измеряется аршином. Целина – не просто вновь нарезанное поле. Борозда пролегла через колыбель древних кочевий. И уже не по планам из далеких штабов. Она стала лакмусовой бумажкой надежд и ожиданий степи от самых отдаленных ее уголков. Я все это видел. Я присутствовал при здешней, можно сказать, уникальной встрече в обнимку двух ветвей евразийской цивилизации на равнинах бескрайней Тургайской столовой страны. Когда-то, тысячелетие назад, еще до монгольского нашествия, они длительное время сожительствовали географически наоборот. Там, в Поднепровье, оставив яркие страницы истории и свой неизгладимый в ней след…

Киевская Русь и Великая Степь, Дешт-и-Кипчак…

* * *

…А между терминами «Версия» и «К читателю» есть существенная разница. Последнее есть обращение изъяснительное, допускающее, а возможно, и предполагающее обратную корреспонденцию – к писателю, – что не всегда входит в творческие планы авторов. Или даже роковым образом обрывает их, как в случае с «Утопией» Томаса Мора (царство ему небесное), открывающейся вступлением, по древнеримским традициям как бы в виде письма другу Петру Эдигию. Или Джордано Бруно (этому тоже) вовлекавшего читателя в свои «Диалоги»… Конечно, обоих обуяла гордыня чрезмерная: один государство обрисовал, якобы в устройстве справедливее своего собственного, где он, неблагодарный, еще и должность при короле занимал. Другой вообще в небесные материи вторгся. Поэтому и прегрешения их великие, и дискуссии с тех времен на предмет их обращения к широкой публике не утихли. Скорее, наоборот…

У нас же просто скромная, без всяких обращений, – какие тут дискуссии, – хроника. В виде чисто субъективной версии. Версия, как правило, просто излагается… И точка.

Глава вторая

БЛАГА ЦИВИЛИЗАЦИИ.

1999 год.

Что такое блага цивилизации? Только, пожалуйста, без высоких материй…

Благо – вот это самое авто. За тонкими стеклами его под минус сорок, а тебе, в белой сорочке, при галстуке, с сигаретой в зубах и рулем в руках, хоть бы что... Под капотом полторы сотни лошадей, да не в поголовном пересчете, а более хитром порядке сложения их эталонных сил. Девять кобылиц за месяц жеребенка не родят, а табун даже в тысячу лошадей до нашей скорости не разгонится. Не говоря уже о таком транспорте, как гужевой, хоть каким цугом его не запрягай…

Благо – вот эта асфальтовая дорога. Не мировых стандартов, но необходимой нам длины. На стандартах, между прочим, во имя длины сэкономили. Пятый час едем... Есть время о плодах цивилизации рассуждать. И насчет того, что позвонить отсюда хоть куда можно по спутниковому телефону, и телевизор – вот он, выключенный, впереди. За рулем ты не телезритель, так что слушай лучше радио. И так уже много по обочинам мнимых могилок, памятников погибшим…

Раньше на этот маршрут уходила тьма времени.

А на радио слово взял кандидат. Голосование (из-за него я возвращаюсь домой) послезавтра. Стало быть, слово у него заключительное. Баллотируется он в нашем регионе и, если победит, займет там, наверху, одну из ключевых должностей. Поэтому и начал он нагнетать страсти по всем правилам предвыборной демагогии, брать на испуг обывателя сложностями развития и остротой момента. Налегал на известные всем проблемы, которые, в случае избрания, брался радикально разрешить. Он знает, как это сделать. У него большой опыт и политическая воля.

…На этот маршрут тьма времени уходила в первоцелинные годы и тысячелетия до них, когда вместо дорог были направления. К удаленным кочевьям по одному богу да старожилам известным приметам на голой местности. К затерянным в степи аулам и деревенькам столыпинских переселенцев по едва заметной в летней траве тележной колее, а зимой по вехам – воткнутым в сугробы черенком вниз камышитовым метлам.

Наш сегодняшний путь вдоль русла Тобола. Прямое направление, если миновать Кустанай, приведет к ночи в российский Курган. Дальше, по тюменским болотам, не разгонишься, хотя и лежит там бесконечная, до самого Ледовитого океана, Сибирь. К западу – челябинское Зауралье, а на восток – такая же бесконечная, как вселенная, степь. В пространстве и во времени, в глубину веков.

Девственности своей степь лишилась всего несколько десятков лет назад. Возраст к тому времени вызрел, и пробил час. Стала она земледельческой нивой, возделанным полем, а плодородие его напрямую зависело от мощи родовспомогательных служб. И превратилась на наших глазах недавно еще редконаселенная территория в высокоразвитый регион, в житницу, по старинке именуемую степью. Хотя перепахано всё. Абсолютно всё. Когда киностудия имени Горького хватилась искать место для своего, ставшего бешено знаменитым «Ивана Бровкина на целине», не то что ковыльных морей, но даже мало-мальски пригодного клочка для имитации акта первой борозды в Казахстане не осталось. В соседнем Оренбуржье снимали.

Мы с Иваном – не Бровкиным, а Купцовым (он спит на заднем сиденье), – в этом деле тоже участие принимали. Как говорится, и мы пахали. А когда ты пахал, то отношение к возделанному полю, к его плодам, к плодам цивилизации совершенно иное. Ты не равнодушный безучастный потребитель благ, а их созидатель. У тебя ощущение реальной ценности вещей, чувство собственного достоинства и осознание важности исполненной миссии: не просто камни таскал, а, как библейский строитель, здание возводил…

Тот безымянный ветхозаветный, кажется, работяга, пожалуй, был одним из тех, кто на стройплощадку попал по призванию. Напарников его, во всяком случае, нужно было гнать оттуда в три шеи: без гордости за дело ни в какие зодчие, ни в какие созидатели и близко нельзя. Это я понял по молодости, когда соорудил на отцовском подворье летнюю кухню, дорожкой связанную

с домашним крыльцом. То лето выдалось дождливым, и подходило оно уже к осени с ее непременными атрибутами – слякотью да грязью, а и у слякоти, и у грязи тамошней свойства исключительные. Обнаженные некогда пахарями из-под буйного разнотравья таврической степи южно-украинские земли в распутицу непроходимы. В полуметровом их черноземе все движущееся вязнет по колени. Не раз застигнутый непогодой в стороне от редких булыжных проселков, я испытывал сильнейшее раздражение по поводу уникальности плодородного слоя и недоразвитости признаков цивилизации в виде нормальных дорог... Первозданностью дикой природы хорошо любоваться из салона вот такого авто, а еще лучше из окон пассажирского экспресса, там обзор панорамный. На охоте, рыбалке или пикнике, нанося всему всяческий вред, – это вообще неописуемо. Или, если у тебя такая идиллия, бегать по солнечным полянам с сачком, а затем в тепле составлять подробную опись засушенных, возможно, неизвестных еще миру козявок. Тоже неплохо, за вклад в науку деньги платят.

А если замерзать здесь, в промозглой степи, так перед смертью проклянешь ты эту природу. Всю дикость эту. Эту окружающую среду. Равнодушную, безмолвную, самодовлеющую…

Обрывались жизни на этих маршрутах. Попадали и мы не раз в переделки. С оживленной трассы заснеженная степь величественна, но один на один она страшна и сейчас. А тогда...

Помню свое бессилие перед ней: как-то зимой, в непогоду я бросил в пути сломавшуюся машину, но потерял ориентиры, эти жалкие, натыканные по обочинам маяки. В буранные ночи не так холодно, как в ядреный морозный день, но под двадцать градусов было. Можно продержаться до утра, хотя это, пожалуй, предел. А может, чуть дольше, если знаешь, куда идешь и когда придешь. Но когда движешься в неизвестность… Сидел бы на своей Украине, так нет, поперся в эту Тмутаракань…

Я рассчитывал упереться в озеро Карасор, окаймленное жидким камышом. На другой его стороне ютилось небольшое поселение Балыкты, хотя до него, невидимого в снежной пелене, потом надо добираться по ледовой кромке окружности, а это километров десять вдобавок. Озеро – не как тот священный Байкал, но довольно-таки «славное море».

Сволочное мое положение заключалось в том, что его я мог миновать: и ориентиром, и раздражителем для меня теперь была только Луна. Время от времени она тускло проглядывала сквозь разрывы снежной кутерьмы, а однажды прямо-таки блеснула круглым ликом, выхватив из темноты странные движущиеся тени. Я достал карманный нож и продолжал свой путь, оглядываясь… Впрочем, что толку с этого ножичка, если на волков наткнулся… Некролог будет, как тургайскому экспедитору: не стало нашего товарища, лодыжки его были обнаружены...

Ночное светило демонстративно показалось вновь, весь парадокс состоял в том, что из этой погибельной глуши я видел тогда американских астронавтов. Видел предположительно, по врезавшемуся в голову видеоряду: вот они там, в оспине слабо просматривающегося кратера. Транслировало Интервидение репортаж оттуда, с Луны, как раз накануне той, будь она проклята, поездки. Находясь вниз головой ко мне, американцы, должно, приступили, как запланировано, к бурению на предмет пробы недр…

Лучше бы наши высадились там вместо своих луноходов. Глядишь, может, приземлились сейчас рядом, и дикторы торжественно сообщили: «В Казахстане, западнее города Аркалыка…» Насмотрелся в том Аркалыке я на эти спускаемые аппараты, там их прямо по городским улицам возили…

А так граждане Штатов флаг свой на Луне водрузили. Первым делом, как же: весь мир теперь звездно-полосатое полотнище видит, а я эти чертовы шесты, вехи прогресса здешнего, к своему великому, может, последнему в жизни сожалению, потерял… И ни души вокруг, ближе всего вот эти лунатики. Есть, есть уже жизнь на других планетах, а мы на своей Земле погибаем…

На нее, грешную, меня вернули волки. Два, огромные, они проскочили сбоку и развернулись… Звери в открытую идут, лицом к лицу… Вернее, мордами к лицу, хотя какое это имело сейчас значение…

Неожиданно звери дружелюбно завиляли хвостами… Знал я, что крупные, уверенные в себе дворовые собаки на метель уходят покуражиться в степи. Теперь, скорее всего, возвращались. Резвиться им еще не надоело, не покидая меня, они, играючи, кружили вокруг карусель, а затем, минуя камыши, повели прямиком по льду. Говорят, что вместо озера здесь была сенокосная низина, но в годы войны она внезапно заполнилась водой. Даже лобогрейки колхозные убрать не успели, где-то они тут, под ногами… Не очень даже верится…

Лаем нас встретили поселковые шавки, эти на прогулки в степь не отваживаются. А мои поводыри, лизнув руку, удалились. Собак я и до этого уважал, отвечал, можно сказать, от имени человечества взаимностью. У них наш менталитет.

…Тогда к осеннему ненастью летнюю кухню там, на родине, я соорудил. В ней дровами потрескивал камин. Высунувшись в окно, я пускал в промозглый мир кольца сигаретного дыма из отвоеванного мною пространства. Мелкий дождь упорно трамбовал двор до серой асфальтовой глади, дул пронизывающий ветер, а я, словно Господь Бог после очередного дня творения, подытоживал дела свои одобрительно. У Бога тогда еще не было собеседников, а ко мне с улицы подошел отец. С плаща его, длиной до кончиков сапог, с фуражки и с рукава на учительский портфель текли струйки дождя. Счищая комья грязи с ног о трость в другой руке, отец спросил: «Любуешься?» – «А что, нечем?» – «Если считаешь, что есть чем, иди после школы в строители. Посмотри, сколько вреда от тех, которые не любуются… Сварганят и с глаз долой… А ты все свой футбол гоняешь…»

Не совсем точно напророчил отец, но с большой долей вероятности...

…Кандидат перешел на персональное общение с местным электоратом, с его возрастными, так сказать, и социальными группами. …»Обращаюсь накануне сорок пятой годовщины целины к ее покорителям. Создание мощной зерновой базы в северной части страны стало велением времени… Освоение новых земель можно смело называть подвигом поколения… Мы воздадим должное всем ее участникам и ветеранам…»

Это уже нас касается…

– Иван, подъем! С тобой люди разговаривают, а ты дрыхнешь.

Кряхтя, потягиваясь и зевая, друг мой нечленораздельно говорит:

– Да слышу я по голосу, кто выступает. О чем базар идет?

Я прибавил звук. А базар пошел и вашим, и нашим: кандидат решил сделать адресный жест приверженцам патриархальщины. Есть такой контингент, оставшийся в раскоряке: опорная нога уже на почве реалий, вторая, бывшая толчковая, где-то сзади увязла… Вытащить ее можно только без застрявшего изношенного сапога, бросив его там вместе с портянками, но как это так – распрощаться…

Ну и стоял бы себе контингент этот, потому что стояние у него чисто психологическое и сугубо в переносном смысле. На самом деле у этой части интеллектуального социума нога на ногу в тепле городских квартир. Они давно, от самого рождения, не дары природы, но исключительно блага цивилизации потребляют, раздраженно понося маргинальное пространство под собою и кляня неумолимую всеобщую тенденцию смещения центра тяжести в сторону опорной ноги. Но именно так – минутная к часовой, а не наоборот – соединяются стрелки часов на циферблате истории, чтобы затем двинуться дальше…

А кандидат расшаркивается перед ними. Зря, все они конъюнктурщики. Не считая стариков, конечно, эти как раз молодцы… У них здоровая ностальгия по временам, когда, как говорят, зубы все свои имелись, девчата поглядывали и травостой был шелковистый… А остальные, так точно,

конъюнктурщики. Из тех, которые не созидали, кому абсолютно нечего окидывать взглядом после трудов праведных. Кто не имеет ни чувства сопричастности, ни понятия о реальной стоимости вещей и этих вот благ цивилизации...

«...Нельзя не сказать и об отрицательных последствиях кампании, не обошлось, к сожалению, без перегибов и даже необратимого характера процессов в экономике, социальной сфере и культуре, – продолжал поддакивать им кандидат. – Необдуманно перепаханы пастбища, что негативно сказалось на традиционных отраслях животноводства, испокон веков являвшегося основным занятием народа… Историческая наука склоняется к тому…»

Зря об этом кандидат сейчас, зря! Тут, если какие голоса и выудишь, то больше растеряешь. Нужных оттолкнешь… Да и зачем ты об такую науку опереться пытаешься, если она стержня не имеет. Опереться можно на то, что не гнется, сопротивляется. На то, что тебя в вертикальном положении держать сможет...

– Я его послезавтра вычеркну к монахам, – пообещал Иван. – Что он запел пасторали средневековые? Каких пастбищ не хватает? Художественный свист! ...Кхе-кхе, а кое-кто диссертацию писал об историческом значении целины, – сделал он намек уже в мою сторону и снова стал моститься спать.

Когда кандидат возложил ответственность за все ошибки целинной эпопеи на Центр, на инициатора и стратега грандиозной кампании, я тоже для себя решил… Как же это: тактику ведь целиком здесь, на местах, определяли… Мы с ним как раз прямые свидетели… Мы участники. Теперь, выходит, соучастники. В общем, вычеркну. Не окажу доверия. Дружба – дружбой…

Более того: я ведь избиратель не рядовой. Я, елки зеленые, сейчас и. о. председателя участковой комиссии. Председателя неожиданно госпитализировали, а меня срочно попросили прибыть для исполнения обязанностей. Ну что же, прибудем, исполним, не впервой. Опыт имеется, опыт наработан: наши кандидаты никогда меньше девяноста девяти процентов не набирали. Опыт позволил мне даже сделать открытие в области политологии. Свой универсальный мировой закон я сформулировал так: «Успех выборов, равно как и авиационного полета, целиком зависит от человеческого фактора, от людей: в решающей степени от единиц в кабине, а также нулей без палочек в салоне».

По жизни на выборах мне места доставались то за штурвалом, то пассажирские, я был то нулем, то палочкой. Но я всегда чувствовал высокую ответственность своей миссии перед собой.

Неожиданно мы остановились, впереди какой-то затор. Магистрали у нас оживленные, хотя это и не лавины европейские. Пробки – редкость, в основном из-за неполадок в дорожном хозяйстве. Или крупных аварий.

Мы вышли на свежий воздух размять суставы, разогнать Ивану перед городом сон, понюхать стужу и узнать, в чем дело.

…Снаружи, однако, было чрезвычайно свежо. Сорочка, обжигая, хрустящей фольгой липла к телу, свинцовый сизый гравий на обочине глухо стучал под ногами… По камню слышно запредельные температуры. И мы скоро юркнули назад, в теплый, комфортный салон.

Заиндевелый полисмен поочередно пропускал машины со встречных направлений, мы миновали узкое место, толком не поняв, что произошло.

– Что-то серьезное, видимо, – всматривался в окно Иван. – Людей в мундирах по такому колотуну вон сколько согнали…

На автозаправочной станции дорожное событие уже живо обсуждалось. Вроде бы разборка на наших дорогах каких-то уральских братков состоялась. И будто бы расстрелян очень крутой джип. Никаких сожалений по поводу случившегося слышно не было: известно, кто на них ездит. Все они там под прицелом. С автоматами их караулят. Поэтому разговоры больше шли по поводу дорожной пробки, о том, что залетной братве уже своих ресторанов для выяснения отношений не хватает, так они движение парализуют.

Иван позвонил среди ночи.

– Ты, конечно, еще ничего не знаешь, а то бы уже звонил. Среди тех братков, похоже, убили Бориса!

– Как это, похоже?…

– Машина его… По внешности опознать бесполезно… Искорежено, изрешечено все и сожжено… У Светки эксперт знакомый, говорит, что скелет еле от баранки оторвали… Как бы на днях ехать не пришлось…

– Во-первых, кончай предполагать, а во-вторых, у меня голосование в воскресенье.

– Ну и голосуйте, я пока созваниваться со всеми буду... А насчет предположений – бумаги его на месте гибели валялись.

...Роковое совпадение: фамилия Бориса – Братко. Она у него вторая, по отцу, когда тот к ним вернулся. До этого он был по матери – Яценко. Вместе мы – Борис, Иван и я – здесь с тех далеких теперь лет. Вообще-то прибыло нас тогда одиннадцать, но наша тройка – из запорожского будивельного, или, по-русски, строительного института. Все мы пережили зиму, оставшуюся в памяти навсегда. Делились табаком и скудным провиантом, планами и надеждами, постигали законы общежития. Узнавали, кто есть кто и что почем. Но незаметно поодиночке судьба разбросала нас по белу свету. Борис тоже в прошлом году уехал в соседний Челябинск, туда уже давно переместился его бизнес… На то она и судьба: не сидеть же рядом, не киснуть вместе молодым людям десятилетиями… Связи поддерживаем, знаем друге о друге все, и каждый ведь где-то там у себя при деле… У каждого свой мир и свой интерес... Все мы вроде бы те же, но уже другие…

Глава третья

УЗКАЯ КОЛЕЯ. КУСТАНАЙ.
1961 год.

На целину ввиду поднявшейся вокруг нее всеобщей шумихи и международного резонанса, а главное, из-за широкого дефицита в степи специалистов нашего узкого профиля разрешалось ехать после третьего курса. И, компенсируя пробелы в теории наличием практического опыта, сдавать экзамены, вплоть до защиты диплома, экстерном. Мы воспользовались моментом, досрочно спихнули осенний семестр и заключили контракт на строительство в сжатые сроки какого-то элеватора в Тургае. Завербовались, выражаясь тогдашним рабоче-крестьянским сленгом, хотя все было гораздо романтичнее. На торжественном собрании нам вручили комсомольские путевки, сам ректор лично пожал всем руки и выразил твердую уверенность в том, что родной ВУЗ мы не осрамим.

Специальность у нас редкая, но для Украины на то время неактуальная. Мы еще недоучились толком, а последний элеватор там уже был достроен. Для возведения жилья монолитное строительство применялось тогда довольно редко. По столичным городам главным образом, куда нам не светило…

Светил нам уже при поступлении Казахстан, где затевалось создание новой зерновой базы, так что рано или поздно… И мы подписались втроем: Борис решил подзаработать, Иван подался вслед за невестой, распределенной туда после здешнего педагогического, хотя говорил, что в знак несогласия с колхозной системой на Украине... А я – у меня тогда все набекрень пошло… Мне неудачно сделали операцию мениска, но врачи по-иезуитски ободрили: жить будешь… Без футбола, конечно…

Я попрощался с Петром Тищенко, тренером «Металлурга», подобравшим меня еще с первого курса. В институте я все это время, собственно, пребывал в статусе заочника или вольнослушателя. Команда играла в первенстве страны – с длительными поездками, тренировочными сборами и международными турнирами. Тем не менее, как мог, я грыз гранит наук и подвиг студента совершил. Сдал «сопромат», или теорию сопротивления материалов, без всякой помощи тренера… Петр Григорьевич при расставании огорчился: у меня, по его словам, в футболе ресурс большой был, и он на него рассчитывал. «Впрочем, – заметил он философски, – у тебя оказался ускоренный вариант. Как ни крути, на эту игру судьба дает нам десяток лет, а потом пинка под зад и право выбора путевки на всю оставшуюся жизнь…»

О чем он говорил, прости господи… Десять лет для меня и была тогда вся оставшаяся жизнь. А без футбола в ней ничего не просматривалось вообще. И ради максимальной чистоты эксперимента с лотереей судьбы я решил усугубить ситуацию до конца. Еще и географическим, как Чацкий, фактором: в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов… Даже дальше… Я готов был ехать к черту на кулички…

Наш декан Радецкий возмущался «разбазариванием» студентов: зачем, дескать, тогда институты вообще нужны, вполне бы техникума хватило.

– Впрочем, работа у вас, к вашему сведению, будет большей частью практическая. Руками...

– Вы, Станислав Тадеушевич, давно оттуда. Там за несколько лет целины все уже перепахано…

– Да не так давно. Нескольких лет для намеченных там свершений маловато, малолюдные выбраны места. Но полигон подходящий, поэтому живая сила нужна…

Он провожал нас до аэропорта, напутствуя и наставляя, делясь казахстанским опытом, нажитым в карагандинских лагерях, на территории знаменитого Карлага в составе печально известного архипелага ГУЛАГа… Просил нас при возможности хоть что-нибудь узнать о судьбе сестры своей, которая в те годы потерялась там же, в Казахстане. И вроде бы кто-то ее в Кустанае видел... От него за каких-нибудь полчаса мы узнали про бешбармак, бураны тамошние, а также о том, что появляться в Западной Сибири к рождеству в туфлях и без шапки – самоубийство. «Но ничего, – успокоил он нас, прощаясь. – Народ там отзывчивый, обогреет… Запомните – Радецкая Ядвига, как и я же по отчеству, – Тадеушевна… Там у Ивана на конверте все записано…»

10 декабря 1961 года, пятница

Самолет у нас транспортный. Прыгает он, натужно рыкая каждый раз, как штангист перед отчаянным рывком, из города в город: Харьков, Воронеж, Саратов.… Прет, бедолага, надрываясь, компрессоры и домкраты из Мелитополя в дальние края и не спрашивает, зачем ему это надо... И нас везет, запорожских строителей и мелитопольских техников для монтажа системы гидравлического возведения крупного линейного элеватора на одной из степных железнодорожных станций. Словом, ехали мы ставить, как выражались тогдашние газеты, последние достижения современной техники на службу всему советскому народу. И тоже поэтому не спрашивали, зачем нам это надо.

11 декабря

В Кустанае садились утром в субботу. Рассвело моментально – мы и солнце в тот день двигались навстречу. Я думал, что мы летим над облаками, но то были бесконечные снега. Так много их я еще никогда не видел.

– Штук пятнадцать двухэтажных домов, кажется, – сообщил Борис, уткнувшись в иллюминатор. – Остальные – хаты… Приземляемся вроде как в центре поселения…

Не в центре, но почти. Сразу за железнодорожной веткой. Аэровокзал со шпилем виднелся среди высоких, пушистых, в инее тополей. Не так уж и холодно было, как нас пугали… Это потом мы поняли, что на самом деле нам, в туфлях и без шапок, крупно повезло: стояла пока еще по здешним меркам теплая погода и мягкая зима.

– Кто среди вас старший? – встретила нас девушка с микрофоном. – Несколько слов для местного радио, какие перед вами поставлены задачи и как вы собираетесь…

– Задача у нас конкретная, товарищи радиослушатели, – отвечал в микрофон Борис, пытаясь забрать его себе в руки. Девушка не отдавала; так они, сцепившись, как рабочий и колхозница в известной скульптурной группе, и застыли. – Предельно конкретная задача, – продолжал Борис, – мир покорять. Там у нас, в Европе, насчет этого толкотня, так мы решили с дальних подступов, где крылья можно расправить. Вот они, птенцы оперяющиеся…

– Так вы что, не монтажники? – смутилась девушка.

– Как зовут вас, товарищ корреспондент?

– Людмила зовут нас…

– А нас – Борис. Монтажники мы, а кто же еще. И что мы вам такого сказали подозрительного?

– Сюда летать едут, а не оперяться…

А сзади к этой монументальной группе мужик подошел. Не из простых, одет по последнему крику моды поколения, давненько покинувшего ряды молодежи: черный полушубок и белый шарф, черная из китайского бобра шапка с кожаным верхом и белые фетровые бурки. Такой наряд, как армейский мундир, говорил в те времена о человеке все. Это был какого-то ранга начальник.

– Здесь, которые монтажники? Я бригадир ваш буду, Осадчий Иван Иванович. Тридцать лет стажу…

– Приятно иметь дело с профессионалами…

Бригадир взглядом прошелся по нашей толпе:

– Это мы потом выясним… Сейчас располагаться поедем.

В автобусе мы узнали, что немедленно к основной работе, на каком-то семнадцатом разъезде, не приступим: не готова площадка для монтажа из-за корректировки проекта.

– Отдохнем на выходных да на какой-нибудь недоделанный объект подадимся, – предположил бригадир. – Не сидеть же без дела, пока они там вошкаться будут…

От Ивана Ивановича мы узнали также, что начальник нашего треста – Смагулов. Работать с ним, Ильясом, можно, человек он толковый, интеллигентный. Вроде не строгий, но все равно, если что не так, по-азиатски потом вмонтирует... А трест у нас с цифрой через тире после названия. А что без цифры, без тире, то в Целиноградe. Самое верховное начальство. Там Ковырняга... Тоже толковейший, но если на мать-перемать перейдет, то не поймешь, Европа тут или Азия… Под горячую руку ему лучше не попадаться…

* * *

– Антон, все комнаты на три человека, – подошел ко мне Борис. – Я наших уже определил, пока ты тут со списком возишься. А мы с тобой пойдем по одному на подселение к аборигенам.

...Жильцы моей, спартанского интерьера комнаты лежали на аккуратно заправленных кроватях по обе стороны голого стола. Три тумбочки, три табуретки. И больше ничего. Моя кровать, должно быть, та, за столом, перемычкой к изголовьям этих, занятых. Но тоже застелена…

– Мы мягкий инвентарь на тебя получили. Нас предупреждали, что с утра приедете. Сморило, небось, с дороги, отдыхай, пока мы туда-сюда... В выходные вечером тут дрыхнуть не дадут, тут программы культурные, брат…

– Спасибо. Меня Антоном зовут.

Соседями были Игорь Ботнарь и Олег Лопушняк. Этот – русоволосый, зачес набок, с золотой фиксой. А Игорь – типичных цыганских кровей – повыше ростом, черный и кудрявый, с массивным золотым перстнем. Пока я располагался, они собрались на местный зеленый базар.

– Он как, собственно, местный? – объясняет более говорливый Лопушняк. – Наш район города от него – у черта на куличках, глухомань. Узкая колея называется. Сюда и широкая колея подведена, но в виде тупика. Общественный здесь тупик, так сказать… Таксисты только услышат куда ехать, так сразу же отказываются. Потому как финку им покажут по прибытию на место, вот и весь расчет за проезд… А автобусы через полчаса – ровно и в половину. Но только до десяти вечера. Иногда на культурные программы воротиться не успеваем…

– А что за название такое?

– Ты же читал, как у вас на Украине Павка Корчагин узкоколейку построил. А мы тут его подвиг в первый год целины повторили. Для вывоза хлеба из глубинок. Нам вот с ним, – указал Олег пальцем на Ботнаря, – лично Хрущев давал команду первый костыль забить. А затем эту дорогу разобрали…

– Зачем?

– Паровозики маленькие, казахстанскими ветрами сдуваются с колеи…

* * *

Борис учился на два курса старше. Мы его догнали, когда он в институт вернулся. После полутора лет колонии за драку: поставил кому-то под глазом фингал на танцах в Дубовой роще. В таких спешных делах социальный статус не выясняют, а пострадавший оказался милиционером. В штатском, но успел сбегать переодеться в форму – жил где-то рядом – и поднял шум, что подвергся при исполнении… Фингал, конечно, мягко сказано… Срок за решеткой, по словам Бориса, вознес все его мировоззрение выше университетской планки, не то что какого-то там будивельного института, но восстановился он исключительно из-за диплома...

– Где соседи твои? – окинул взглядом комнату Борис. Он зашел ко мне за списком.

– Уехали на зеленый рынок…

– Так-так, – пнул Братко бутылку из-под вина за тумбочкой. – Огнетушитель опорожнили и на дело пошли, на фига им тот зеленый базар сдался. Домохозяйки… Знаешь, кто они такие?

– Да у тебя все забулдыги…

– Если бы забулдыги… Уголовники! Как и большинство обитателей здешних, по-моему…

– Да прекрати ты!.. Так тебе и ходят уголовники в золоте…

– Ну, ты как вчера народился! По лагерям все золото из стерилизаторов для медицинских шприцев добывается. Кастрюльки медицинские такие, никелированные, а под никелем желтый сплав, рондоль называется… Держится лучше золота на зубах, между прочим. Потверже и не окисляется…

Разговору помешал комендант общежития:

– Давайте, где ваши списки… А то до самого понедельника будете на птичьих правах.

Я отдал. Комендант покрутил бумагу в руках.

– Что-то не так?

– У вас вот первым Шевц записан. Швец, наверное… И жнец, и на дуде игрец… Вы вслух зачитайте мне всех поименно для ознакомления… А то скажете, что мы русские фамилии коверкаем.

– Все правильно, – забрал я листок назад. – Это украинская фамилия – Шевц. Не жнец, и не игрец, а самый что ни на есть портной. Хотя точно не знаю, он из мелитопольской группы. Там еще, пожалуйста, Беспалько, Першин, Макаев, Заболотный, Звягинцев, Трегуб, Вишняков. Мы с ними только в дороге познакомились. А мы запорожские – Братко, Купцов и я, Антон Билай. А вас как, товарищ комендант, величать?..

– Меня?.. Меня – Амадей Истлеуович… А с уголовниками, как вы сказали, чтобы все нормально было… Сто пятьдесят человек в двух корпусах и около половины из тех мест… Тебя вот, к примеру, Билай, такая гоп-компания не пугает? Не настораживает, так сказать, окружение нештатное?

– Если говорить честно, то у нас дома таких тоже хватает. И урки есть, и политические. Одни сидели за то, что у Махно воевали, другие за то, что против него не воевали. Но таким скопом сразу я пока что столько их не встречал…

– Понятно, – взял список комендант. – Только не берите у наших моду называть корпуса бараками. Это, конечно, не дворцы, но и не тюрьма…

Он положил бумаги в папку и ушел.

– Фронтовик, – предположил я. – Одет, как мой отец, в галифе и хромачи. И выправка…

– Как, он сказал, его зовут? Ты что-нибудь уразумел? – спросил Борис.

– Нет, не уразумел. На досуге по слогам разучим…

– Кхм... – вернулся комендант. – Отдохнете – определитесь со старшим, чтобы вопросы было с кем решать оперативно.

– Кто старший – по списку видно. Борис Братко у нас по возрасту…

– Возраст – это козырь серьезный, – записал фамилию комендант. И посмотрел на меня выразительно. Видимо, оценил юмор насчет своего имени…

* * *

Весь наш запорожский десант уже «гудел» в самой большой комнате. При обмере рулеткой таковым оказались угловые покои той тройки мелитопольцев, где басом и весом выделялся Виктор Першин. Он и «батьковал» за столом.

– Налить штрафные чарки для опоздавших! – приказал он. – И где вас носит – мы тут голосовали, сколько в общий котел сброситься… А то просвистим все деньги, потом лапу сосать будем. Знаю я эту систему. Короче, опрокидывайте за новоселье и гоните по четвертаку, меня казначеем избрали…

Если человек не скупердяй, но деньгам учет знает, может с толком их расходовать, то это уже рейтинг организованности. Тотальной, так сказать, личной мобилизации. Першин, видимо, из таких. Весьма кстати оказалась у него и записная книжка – календарь знаменательных дат на каждый день, им же творчески доработанный. За то или иное событие, внесенное в замусоленные скрижали, он, как хозяин, предлагал очередной тост для активизации застолья.

Пили за выпавший на этот декабрьский день юбилей битвы под Москвой, потом за очередную годовщину первой победы мало кому еще известного Наполеона над мятежными роялистами… Пили серьезно, без паясничества. За Москву в войне с немцами – известно почему, а за Наполеона – как за могильщика европейских монархий. В связи с чем помянули столетие кончины крепостного права в России, благодаря чему прадед Першина сего числа в декабре того же года выкупил земельный надел, за который потом уже деда Першина большевики сослали сюда, в Северный Казахстан. Кто-то предложил тост за Столыпина, вдохновителя отмены крепостничества.

Поняв, что выпито достаточно, внимания потребовал Борис.

– Столыпин во времена той реформы как раз пешком под стол ходил. А имя его на слуху оттого, что он позже земли людям раздавать стал. В том числе и здесь, ну его к чертям собачим, поселений понасоздавал, а мы теперь как бы его линию продолжаем. Вроде нам дома делать было нечего… Ну, ладно, за него, за Столыпина, уже выпили свое те, кого он сюда отправил. А нас – направили… Никто не заставлял, культурно попросили, как говорится, на патриотические чувства надавили… Поэтому предлагаю выпить за направляющего нашего Хрущева и за принимающую сторону – Кустанай. И дружненько отдыхать. До вечера, до культурной программы…

– Откуда ты про Столыпина столько знаешь? – спросил Купцов. – Лично я только про его галстуки виселичные слышал…

– А лично я в тюрьме сидел, а ее лично Столыпин в Саратове построил для тех, кого на этих галстуках вздернуть не успели, – сказал ему на ухо Борис. – А ты почему не у невесты?

– Завтра с утра сразу собираюсь.

…Мы с Иваном договорились навестить Светку вместе.

* * *

Ботнарь с Лопушняком возились у электроплиты с трехлитровой банкой вина. В алюминиевых армейских кружках, заправляя кусочками рафинада, они такими порциями доводили его почти до кипения. Сырого, не кипяченого, как было видно, оба уже попробовали там, на зеленом базаре.

– Садись с нами, – пригласил Олег.

– Да я только из-за стола. И не пью…

– А почему красный такой?

– Штрафную дали… А вам я не советую…

– Баптист?

– Почему баптист, если из застолья…

– Потому что они, чуть что, сразу: советую, не советую… И не пьют.

– Нет, я спортсмен. Профессиональный… Был, теперь уже… А не советую я вам вино кипятить, спирт испарится при семидесяти градусах. А вы оставшуюся бурду выпьете. Глинтвейны готовятся…

Аборигены общежития озадачено посмотрели на меня.

– Если правда твоя, – рассудил наконец Ботнарь, – то получается, что в Молдавии у нас одни дураки набитые. Но почему они тогда под градусом после горячего вина ходят?

– От бурды распаренной у них помутнение…

– Ну, даешь, Антон! Так бы сразу и сказал, – облегченно вздохнул Лопушняк. – А то мы подумали, что ты серьезно. Конечно же, для кайфа все, для помутнения. У нас в зоне… Ты что, спишь?..

– Говори, я днем спать вообще не могу.

…За грабеж ювелирного магазина в Бендерах мои новые товарищи отсидели в Красноярске, теперь определены сюда на поселение. Получили они тогда, как несовершеннолетние, гораздо меньший срок, чем их старшие подельщики. Но все равно под завязку – по восемь лет…

– А что, много награбили, что сроки такие? Или, как там у вас говорят, по ходу пришили кого?

– Взяли мы втихую, чисто и очень много, – с азартом удачливого рыбака предается воспоминаниям Лопушняк. – Сгребли все, что лежало. Затем закапывали до утра. По домам, с ног валясь, уже засветло разошлись. И только я в коридор, а меня сзади – цап за шкирку. Потом до обеда бодренько раскапывали под стволами…

– Получается, что у вас в Молдавии, кроме дураков, умные есть. В милиции…

– Получается! Менты почти все с образованием…

– А чего ты свистел, что Хрущев тебе, уголовнику, почести воздавал?..

– Какие еще почести?.. Ты костыль имеешь в виду? Игорь, найди газету…

Игорь достал из чемодана старую, судя по примитивизму печати, местную газетенку «Ленинский путь». В центре размазанного снимка в светлом плаще и шляпе стоял действительно сам Никита Сергеевич, но вот кто вокруг него – не понять.

– Ну и где тут вы?

– Да где-то в этом углу должны быть…

– Так вас туда и пустили…

– Обижаешь, – забрал газету Лопушняк. – Клянусь, его свита вся в грязи под Киевским поселком засела, он вообще был один. С водителем и кем-то еще из Алма-Аты… С Брежневым каким-то… Вот трое их и было, остальные потом подскочили… А к тому времени фуфла всякого набилось, как тараканов у параши… Действительно, не поймешь, где тут чье хавало…

– Ты посмотри на этого типа, – апеллировал ко мне Ботнарь. – Послушай, чего он гонит? У него Брежнев – какой-то…

– А у тебя он какой?

– Тебя когда за шкирку брали, какой хрен, из Москвы присланный, нашей Молдавией правил, по-твоему? Пушкин?..

– Не знаю, нам тогда лет-то было… А Хрущев молодец. Поняв, что мы сроки тянем, говорит: братва, тяните на совесть, чтобы мне за ваш вывод на поселение не стыдно было… И если что не так – дайте знать лично. Я всех гнид тут к ногтю моментально…

– Брежнева вам не из Москвы, а от нас из Украины прислали. При нем Днепрогэс из руин подняли и новое Запорожье построили. Умно, на чистом месте, за бывшим старым Александровском и окольными селами… Самый длинный проспект в мире, квадраты кварталов… Старый город свое лицо сохранил, квартиры там дороже, чем в новом… А в других городах строители крутятся, как ведро в проруби… Не знают, что снести, в какие еще щели сунуть краны свои...

– Так ладно бы у нас в Молдавии, – встал на мою сторону Ботнарь. Он посерьезней своего фиксатого друга. – У нас земли пустой нет. А здесь, смотрю, то же самое: одно снесут, другое воткнут… Огороды, что ли, китайцам вокруг резервируют…

* * *

Два симметрично выстроенных здания-близнеца наших общежитий украшали центральные входы, выполненные в едином стиле с явно выраженными архитектурными излишествами в виде крашеных корабельным суриком помпезных многоступенчатых крылечных платформ под навесами на фигурных деревянных колоннах. Разделяла сооружения по торцам невысокая спрофилированная насыпь к переезду через узкоколейку на Челябинский тракт, его точнее было

бы назвать обыкновенным проселком, если бы эти села там по пути попадались… Нет, одна голая степь!.. Наш корпус левой стороной выходил на эту полевую магистраль козырьком магазинчика, противоположное правое крыло общежития с пятью занавешенными широкими фасадными окнами занимали женщины. Точнее – девушки. Оттуда прибыли уполномоченные:

– Мужики! На танцы к семи, и чтобы все, как стеклышко… Смотри, они уже вино цедят…

– Да в том вине градусов после кипячения – человека вон послушайте – кот наплакал…

– И вы, новые, чтобы все были тоже… Вы, говорят, запорожские…

– А вы что, тоже?…

– Нет, мы местные. Хозяйки поля, как выражаются спортсмены. Из деревень здешних. Я Оля, а это Алма, штукатуры мы...

И Оля протянула руку…

А в вине градусы все-таки остались. Когда штукатуры ушли, Лопушняк принялся наглаживать к танцам стрелки. На своих брюках у него это получилось великолепно, а штанину ботнаревых он спалил. Рыжее пятно на ней при первом же встряхивании моментально рассыпалось, образовав дыру, в точности повторяющую контур подошвы утюга.

– Придется тебе пойти в моих, – озадаченно почесал голову Лопушняк. – А завтра купим новые.

– За какие шиши? – удивился Игорь. – Трусы у нас и те, как говорится, с чужого плеча…

Я предложил ему бежевые джинсы из своего чемодана, последний крик американской моды, купленные в Будапеште, в лавке тамошних цыган. Продавец божился насчет подлинности товара. А цыганенок вызвался провести нас назад, к гостинице, через свой двор. Сквозь распахнутые окна видно было тыльную сторону их магазина. Там, в духоте, кипело производство заокеанского эксклюзива.

* * *

Девчата слово сдержали и за своими кавалерами зашли… Мы тоже обещали подойти, но позже, после ужина…

Сто пятьдесят человек в двух корпусах общежития, приращенные пришлым людом в выходные дни, – это столпотворение. Критическая масса. Из-за них, девчат этих, критическая масса в тот досужий вечер взорвалась, и танцы в нашем корпусе досрочно завершились батальной дракой.

Мы еще ужинали, когда нарастающая ее полифония вторглась и в тему нашего разговора о планете Целине, и в абстрактно громыхавшую рок-музыку танца, которую до сих пор гулким тактом, в резонансе расшатывания всей конструкции здания очеловечивал топот отдыхающих. А затем нечеловеческий крик отразил драматизм ситуации...

Страшны драки небольших групп – стенка на стенку. Там всегда с кровью. А когда вся Куликовская рать сгрудилась на танцевальном пятаке, где и повернуться толком негде... Прицелится, замахнется кто-нибудь, а девки сзади за руку схватят… Лишь бы подлец какой-нибудь исподтишка не воспользовался моментом…

Дерущихся, пока мы прибежали, растащили. На полу, держась за живот и свесив голову, сидел Ботнарь. Откуда-то появившийся Амадей задрал ему рубашку. Крови не было, но что-то было…

– Вызовите медсестру, – сказал комендант и пошел по кругу. – Кто?..

– Я знаю его, – прохрипел мертвецки бледный Ботнарь. – Он, сволочь, из Киевского поселка…

И снова поник головой…

Мы затащили Игоря в нашу комнату на кровать. Колотую рану его, похожую на родимое пятно – видно вся кровь вовнутрь пошла, – кто-то облил зеленкой. И лежал он, скорчившись, на зеленой простыне, в моих, теперь уже зеленых брюках.

– От шила или заточки из шиферного гвоздя рана, – констатировала медсестра. – Не проникающая. Так что не надо умирающего лебедя изображать… А какой дурак его зеленкой окатил всего?

Не получив ответа, медсестра удалилась. Видно было – профессионал.

– А почему разговор насчет зеленки никто не поддержал? – тактично осведомился я.

– Да, с нею поговоришь… Санитарка, звать Тамарка… Конь!

…С дороги выспаться не дали: ишь, чего захотел в общежитии для молодежи… Монотонный гул, приглушенный смех и прочие шумы стояли всю ночь. Можно было уснуть, но ворочался и

кряхтел Игорь. Не умирал уже, но задели ему болезненное в солнечном сплетении место. И мешала доносившаяся откуда-то невнятная заунывная песня. Я вначале принял ее за вой. Потом понял – мотив человеческий.

– Выпей полстакана, – предложил я Ботнарю. – Заснешь…

– А что, есть?

Я пошел за водкой к Першину. Там спать пока никто не собирался. Вишняков со Звягинцевым боксировали в перчатках и колотили привезенную с собой грушу, которую успели прицепить, остальные тоже занимались спортом – играли на высадку в дурака. Среди картежников был Амадей. Я быстро отнес бутылку водки Игорю и вернулся. Поиграть, послушать начальство местное.

…Амадей не спал, когда бодрствует вверенный ему народ. Такой у него стиль работы. Фронтовик, я не ошибся, при штабе самого Конева служил. За словом в карман не лезет и горячий. Таких, видно, тут джигитами и зовут. Правда, из-за характера у него – это мы после узнали – сплошные недоразумения и проблемы.

– А у вас имя в честь композитора Моцарта?

– Нет, меня Мадием вообще-то назвали. А в сельсовете немец сидел, сочинял не хуже композитора. На свой лад и записал – Амадей Кантуаров…

– Так он же мог и фамилию перепутать запросто, а вы его писарем держали. Вкатал бы Кентавров, к примеру…

– Так фамилия же у него перед носом была… Смотри-ка, Кентавров… Я же не первый под нею… С именами у нас, так сказать, вольности некоторые допускаются, а с отцовством-дедовством шуток не шутят. Тут у нас, брат, до седьмого колена всё расписано. А у вас вот – не всё…

– Но у вас до седьмого колена ведь только главы родов или семей, – уточнил я. – У нас в футбольной команде Байталиев играл, между прочим, классно, так он всех своих предков только по одному человеку отсчитывал – Кайрат, Булат, Мулат там, скажем, какой-нибудь… А прабабушки где?..

– О-о-о, прабабушки… Их на одного прадедушку… У вас хотя бы все так, как мы, прадедушек почитали…

– Извините, – возражает Першин, доставая свой поминальник.

– Я говорю – хотя бы все, а не кое-кто! – Амадей сердито просматривает книжку Виктора. – О, годовщина поимки сома на Днепре… А ты это ловко придумал. Могу точно сказать – для ежедневного употребления…

12 декабря

Разошлись под утро. Сорок раз дураками оставались Шевц с Трегубом. Шевц психовал, как будто деньги продул. Интересная логика – у него карта битая, а проигрывать должны другие. Бандеровец…

Я проводил Амадея до выхода, он жил где-то неподалеку.

– Кто это волком всю ночь воет?

– О… Это большой человек… Главный бухгалтер всего второго треста, Никогосян… Соломон Самвелович…

– У него что-то случилось?

– Об этом, если узнаешь, то и мне сообщи… Не разговаривает он ни с кем.

Комендант достал папиросу.

– Из репрессированных, долго сидел при Сталине. Говорят, из какой-то семьи революционеров армянских, вроде как самого Камо родственник… О Камо слышал, о Тер-Петросяне?.. Да, из той обоймы… Вот и живет теперь Никогосян – ни семьи, ни кола, ни двора. Выходные у него все такие: выпьет и поет, выпьет и поет… И так всю ночь. Слова непонятные, а по мелодии все ясно…

– Значит, с нами исторические личности живут…

– А чего ты смеешься… Недавно только барак снесли, где ссыльная жена Молотова, Полина Жемчужина, проездом на Урицк останавливалась. А я там комендантом был.

Мы попрощались и разошлись. В тускло освещенном коридоре весь абсолютно зеленый, с пластырем на животе, мерцая рондолевым перстнем, шатался голый Ботнарь. От него шарахнулась было дежурная:

– Господи, я думала, привидения мерещатся…

Я забрал его и уложил. И тоже весь перемазался – потный Игорь густо выкрасился от постели и одежды. А вспотел и разделся он оттого, что выпил всю бутылку водки.

* * *

Утром, когда мы с Купцовым собрались в город, к нам пристал Николай Заболотный. С огромным мешком – это об него мы, да о баул с боксерской экипировкой Вишнякова, в самолете спотыкались. Думали, что-то из оборудования... У Николая, оказывается, здесь сестра, тоже учительница по распределению. Прямо-таки пуп земли этот Кустанай.

Дело осложнялось тем, что сестра недавно замуж вышла, и где живет, неизвестно. Ищи-свищи теперь в областном центре, это с самолета все мелким кажется… А искать нужно, тот мешок для молодоженов отец Николая ему прямо в аэропорт привез – сын хотел ускакать в Кустанай налегке, без громоздкой поклажи.

Первый же попавшийся дворник, расчищавший под густым пухом снегопада школьный двор, у которого остановился автобус, сообщил о Заболотной все. Фамилия у нее теперь Павловей, а живут они в доме мужа на Колесных рядах, за третьим перекрестком… То ли счастливое совпадение, то ли город небольшой, где друг друга знают в лицо… Но ведь улицы поименованы рядами, а это признак больших городов. В Москве еще и Зарядье было…

– А Зарядье есть у вас? – спросили мы у дворника.

– Улица, что ли, такая?.. Нет, за Колесными сразу через мост – Затоболовка. Но то уже другое село…

– А как проехать на эти ряды?

– Да туда по прямой идти десять минут. Вы москвичи, небось? Так метра подземного у нас тута нету. В нашем городе его в аккурат полторы остановки вышло бы…

Купцов, с приветом от меня, отправился к невесте в район заводской бани, а мы с Заболотным – к дому за третьим перекрестком. Один он свой мешок туда бы не донес…

…Конечно, наш внезапный приезд стал логическим завершением прошедшей осенью свадьбы. С явившимися, наконец, родственниками из Украины. С подарками оттуда, самогоном и салом. Моментально сбежались соседи. Мы даже не поговорили толком, а все кругом закипело…

Сестра Николая – это да, учительница! Видная, уверенная, основательная. В очках... Одним словом, это вам не стрекоза Сташенко Светка, Купцова ненаглядная, а преподаватель математики Надежда Петровна. Муж Федя – прораб, ростом поменьше и суетливый. Но как не суетиться – не жених уже, хозяин… Надежду знает еще с Украины, из Крыма сам…

Нам отвели почетные места сбоку, высказали много хвалебных слов и здравиц. Больше чем молодоженам во главе стола. Правильно, мы народ свежий, а они между собой наговорились... Слегка хмельная женщина напротив, заглянувшая сюда, скорее всего, мимоходом, тоже оказывала нам знаки внимания. Она сняла линялую, чистую, правда, куртку, время от времени расправляла поношенную, но опрятную кофту и, жеманно подбивая ладонями белые волосы, пыталась что-то сказать… Во всеобщем шуме-гаме разговор не вязался, к тому же Федор на том краю ей на ухо шепнул…

Перекурить и размяться разгоряченный народ выходил на открытую веранду. Под ногами трещоткой скрипел свежеструганный дощатый пол. Невесомо колеблясь, оседали последние снежинки, набирал силу мороз.

– Так, значит, это вы те самые монолитчики с оборудованием, – констатировал Федор.

– А в чем у вас тут загвоздка?

– Насколько я знаю, меняют проект. Завод железобетона запустили и часть силовых корпусов хотят делать сборными, а не цельнотянутыми... А как много времени потребуется, кто их знает…

– А сам ты где работаешь? – спросил Николай зятя.

– Да я отсюда подальше, «во глубине сибирских руд», – ответил Федор. – Поселок строю в Тургае, у аула Тыныштал. Теперь туда эпицентр целинной кампании перемещается, в том углу

новые совхозы и зернохранилища сооружают. Пока ваши с бумагами разберутся, можем поехать ко мне, у меня там электростанция не достроена. К новому году по плану – ввод в эксплуатацию. Надо сдать, а по весне разбирать будем…

– Это что еще за мартышкин труд? – удивился Николай. – Кто же за такие пируэты платить будет…

– Вот такой труд… Строили под два советских двигателя, а приперли из-за бугра дизельную электростанцию... Машина втрое больше по мощности, размером почти как само здание... Даже с наружной системой охлаждения… Градирню-то мы быстро весной состряпаем, а вот как станцию втолкать – ума не приложу. Да еще импортная, кучу денег стоит... Стены и крышу разбирать придется, краны мощные гнать за полтыщи верст… А всё для срочного энергоснабжения нового целинного хозяйства и межсовхозной хлебоприемной базы затеяно. Стройки на контроле Центрального Комитета… К аулу, его в этот совхоз реорганизуют, уже линию протянули.

– А как вы по морозу кладку ведете?

– Да так и ведем… Греем воду, в раствор соль добавляем. Но там кладки уже нет, только внутренняя отделка осталась. Хоть и на морозе, но не на ветру... А мне всех людей авралом на Аркалык пришлось отправить…

– Кавалеры покидают дамов, – пропела нам светловолосая соседка кусочек одесской песни. Вблизи она оказалась намного старше, все лицо в паутине мелких морщин, но сколько лет – непонятно…

– Дуся, дай людям акклиматизироваться…

Дуся, гордо подняв голову, удалилась.

– Да, из дамов… Жалко… Алкоголичка… Вон дом на бугре. Но дама, с манерами…

Малознакомый город сюрприз все-таки преподнес. В веселом расположении духа мы отправились забирать Ивана, потому что с утра всем нам нужно ехать в контору для оформления на работу. Дом мы нашли сразу, но Купцова там уже не было. Он, по мудрому совету хозяина Светкиной квартиры, отбыл последним автобусом часа два назад. Госпожа Сташенко, невеста, уже спать изволят… Дал хозяин-немец мудрый совет и нам – быстро бежать на последний рейс до микрорайона Строительный. Если успеем, то от него, мимо тюрьмы, недалеко до Киевского поселка. – «Оттуда уже будут видны огни колеи вашей»…

– А как насчет такси…

– Не теряйте времени даром…

В том микрорайоне строители к зиме успели только котлованы под фундаменты нарыть, и мы долго петляли по всяким ямам и траншеям… А дальше шла снежная целина. Лишь часам к трем уставшие, голодные и холодные, мы ввалились в нашу, ближнюю по ходу движения, комнату.

Лопушняк как раз переклеивал пластырь на ране зеленого Ботнаря.

– Ты прости, я тебе такие брюки испортил, – тихим голосом извинился Игорь.

– Ладно тебе, выкинь их… Хорошо, что этим закончилось, прирезать ведь могли… Слушай, а что, если ты эти брюки вообще себе выкрасишь в зеленке? В один тон. Смотри, какие пятна красивые, изумрудные…

– Идея! – согласился Игорь. – Зеленки еще бутылка есть…

– Пешком, насколько я понял, шли, – взглянув на нас, определил Олег. – Стало быть, сильно кушать хочется…

– Ого! Есть разве что-нибудь…

– Обижаешь, начальник… У меня же лежачий на руках…

И поставил Олег перед нами огромную, зеленого цвета эмалированную кастрюлю с ломтями мяса в бульоне:

– Доставайте прямо оттуда…

Мы досыта наелись белого, похожего на куриное мяса на крупных костях и запили сорпой.

– Индюшатина, что ли?..

– В натуре…

– Вот она, та самая знаменитая солидарность и взаимовыручка лагерная, – патетически обобщил происходящее Николай. – Для друга в беде – всё!

13 декабря

Первый рабочий день закончился тем, что Осадчий сдал нас как простую строительную бригаду в распоряжение Павловея на месяц-полтора. Его самого оставляли на месте для привязки нового плана.

– Парни подзаработают у тебя, пока я смету сделаю, – наказывал Федору при нас, демонстрируя все строгости внутреннего распорядка, Иван Иванович. – Да понюхают пороху, без винограда и груш-яблок поживут немного на картошке, а мы поглядим на них… Вдруг на Аркалык пошлют, а там, хоть и большие деньги лежат, так их еще взять надо. Можно браться за гуж, но со стрелянным и проверенным народом… Ты сам знаешь этого хитрого Смагулова... А Ковырняга?.. Тот сразу голову и тебе, и мне оторвет и выбросит…

После обеда в трестовской столовой мы вернулись, теперь уже, выходит, в свой дом при снаряжении. Спецовка – фуфайка и ватники – были с большим запасом даже на Першина, и наши шустрые знакомые штукатуры вечером взялись их подгонять. Еще каждый из нас получил рукавицы, валенки и солдатские шапки. Жаль, без красных звезд…

Алма и Ольга то и дело прибегали на примерки и находили нас похожими на легендарных челюскинцев. Уходя, они забрали свою зеленую кастрюлю:

– В гости вы так и так нас позовете, вот мы с галушками украинскими и вернемся…

– Видел, какие? – спросил Лопушняк, обжаривая остатки индюка в глубокой сковороде.

– Нормальные… С манерами почти благородных девиц…

– Да, они здесь королевы! Их немного, цену себе знают…

Стол у нас и без галушек обильный, но мясом девчат не благодарят, и я пошел за конфетами и вином в торцевой магазин нашего караван-сарая. Чтобы не именовать свое жилище, как просил Амадей, бараком, мы так прозвали его за длину и азиатское местонахождение…

Выбор вин и деликатесов оказался исключительным. Для целинников, с дорогой душой – дефицитные крымские мадеры, хересы, марсалы… Привоза исторического 1954 года, вместе с консервированным крабом и банановым вареньем, в полкулака шоколадными трюфелями и прочей экзотикой они, в засиженных мухами ценниках, так и не были востребованы в эпоху широкого спроса на водку «сучок» из древесины и кильку в томате… Вот и мужик какой-то подвыпивший, из местных, поселковых, берет именно этот «джентльменский набор»:

– Пойду Черняка поминать… Съели сволочи…

Смахнув слезу, он ушел, распихивая по карманам консервы и бутылку.

Я купил трюфели, варенье и крабов, весьма приличное мускатное вино и поинтересовался, что это за сволочи тут до смерти человека довели…

– Собаку его ваши уголовники съели вчера. Шкура с головой на помойке валялись...

Из магазина за мною увязались водители – два крупных, с фактурой бурых медведей, здоровяка, в шерстяном покрове дох искусственного меха. Просили на пару минут стакан. Взяли они в нашем магазине водки в дальний путь мимо этой колеи куда-то на Челябинск, и теперь вот могут выпить в кабине спокойно да из своей котомки перекусить, никакой милиции вокруг и близко нет.

…Я дал им два стакана под возврат, но Лопушняк усадил гостей за стол и водрузил перед ними сковороду… Конечно, откуда у индюка в натуре такие ребра…

– Садитесь как люди, чего за углами пить…

– Так давайте и вы по чуть-чуть с нами, – смущенно предложили гости.

– Нет, вам распыляться нельзя, – отказался Олег, – у вас дорога дальняя впереди. По голой степи, без магазинов.

Водители, крякнув, выпили по два граненых стакана и со словами: «Мы вас сильно объедать не будем» от души поблагодарили за вкусную крольчатину. Мясо тогда было в большом дефиците.

– Да вы больше крякали, чем закусывали, – отозвался с кровати Игорь.

– Всяк пьет, да не всяк крякает, – заметил один из них. И спросил:

– Порода крупная, видать, шиншилла?

– Она самая.

– Ну, конечно, больным рекомендуется. Только ведь дорогое, бляха-муха...

Пожелав скорейшего выздоровления Игорю и пожав нам руки, водители уехали в безмолвную белую степь…

– А если бы, – предположил я, – этот мужик своим волосатым кулачищем за шиншиллу тебе врезал меж глаз… Я бы вам двоим затем лечебное мясо здесь ловил?

– Ты что, глухой? – искренне возмутился Олег. – Не слышал, как люди благодарили?..

…Что у нас странного, так эти мужики… Богатыри, работяги – какой хиляк или сачок в такую даль отправится. А как преуспели? В неближний путь – одна котомка какая-нибудь скудная… Сталин, что ли, и вправду, во всем виноват…

Я заставил Олега убрать с глаз долой сковороду, выставил на стол угощение, но девчата задерживались. Видать, с тестом для галушек возились… И, прилегши, взялся читать Сталина, этого всемогущего, ныне посмертно низвергнутого бога. Томик его трудов я прихватил в дорогу из библиотеки отца. В моем чемодане было три книги: «Слово о полку Игореве», казахско-русский словарь и этот сборник речей репрессивной эпохи генсека, становившийся бестселлером по законам скандальной славы.

Я почти уже задремал, начитавшись полемических, логически отточенных оплеух Сталина троцкистам, когда в комнате с треском эмали и матерщиной девицы Ольги громыхнула о пол вместе с крышкой зеленая кастрюля:

– Подавитесь вы этой псиной… Еще в гости хватило совести приглашать… Тьфу, собакоеды несчастные…

Потом пришла медсестра и сделала укол Ботнарю.

– А почему вы шприцы не в стерилизаторах приносите? – поинтересовался я.

– А ты что, медбрат? Или зубиков золотых захотелось? Поздно, эти вот всё подтибрили, один стационарный, неподъемный в медпункте остался. Лучше скидывай штаны, я тебе укол против бешенства сделаю.

– А что, есть вероятность? – не понял юмора я.

– Да вы что, первыми собаку съели? Тут целый корейский поселок ими бешбармачит.

...Из коридора слышался голос Амадея.

– Антон, запри дверь, – попросил Ботнарь. – И посидим тихо, а то зайдет про эту собаку на ночь разбираться. Неудобно…

– Так он же вроде ваш надзиратель, отчего же неудобно?..

– Он у нас в авторитете. У него из-за нас пистолет именной отобрали и самого уже было замели … Какой-то маршал из Москвы заступился…

– Как это?..

– Да посиди тихо… Уйдет, потом расскажу…

…А случилось якобы следующее. Привезли Ботнаря с Лопушняком и еще целую армию приравненных к ним строителей коммунизма в эти вот саманные бараки. Жилье неплохое: теплое, сухое, просторное, с роскошными входами да профилированными наличниками на окнах, и крыша над головой… Но, как обычно, с недоделками – крыша только в виде стропил, без шифера еще пока… А тут осенние дожди на беззащитные глиняные сооружения… А в них полным полно уголовников грозных, а в общем, также беззащитных.

Писал-хлопотал команданте Амадей, разъясняя властям, что люди перед богом, а граждане перед государством равны абсолютно, а если не равны, то это либо не тот бог, либо не то государство. Удивлялся, почему эту очевидную незыблемую истину вновь и вновь приходится повторять. Затрагивал тему преступления и наказания в том широком ее смысле, из которого вытекало, что все мы в конечном счете и в какой-то мере грешны и рано или поздно держим за все ответ. Поднадзорные его на Узкой колее свою вину искупают, а сколько подлецов, кары заслуживающих, живут себе и не думают о покаянии...

Но всякие строительные дела вершатся под воздействием совершенно иной философии и абсолютно других движущих сил... Почистил Амадей в воскресенье утром именной пистолет и,

размахивая им, подогнал со станции по широкой колее вагон с шифером. В тот же день, на глазах наведавшихся, в конечном счете, сюда властей, уголовники в мокрых космах тумана дружно устраняли последнюю прореху на своем объекте. Вооруженный Амадей держал круговую оборону во дворе и именем Всевышнего просил никого близко не подходить, в переговоры не вступать, потому что последняя пуля у него будет для себя.

Амадея решили брать в понедельник, но утром он сдался с пистолетом сам. Весь шифер был к тому времени приклепан наглухо, и даже гвозди, для верности, загнуты изнутри, что кровельными технологиями как раз и не предусматривается.

И дома, и на работе у него искали патроны.

– Я солдат, – заявил им Амадей, – и много именного оружия перевидал. Но насчет наградных патронов даже не слышал…

14 декабря

Утром мы собирались в неизвестную нам путь-дорогу. Позавтракали, вернулись в ожидании машины за вещами. Сумка моя стояла на месте, а книг на тумбочке не видно.

– Их воспитательница конфисковала, – доложил Ботнарь, выхаживая по комнате в ярких изумрудных джинсах. – Как брючки-то, назад не заберешь?

– Не заберу, но вышло лучше, чем от Кардена.

– Я бы твои книги не отдал, так штаны и помешали. Мне наша айболитша как раз укол в задницу делала. А эта тем временем – хвать… Посмотрю, говорит, и верну все. Кроме Сталина…

– Как это, кроме Сталина? Это же моя, даже не моя, а отцовская книга. Из подписного собрания сочинений…

– Не знаю… Сказала, что есть решения партии насчет культа личности. И чтобы в публичных местах такие сочинения не фигурировали. Вы, говорит, не в частных апартаментах находитесь…

– Ерунда какая-то… А откуда воспитатель? Что у нас – детский сад?

– Примерно. Комендант, видишь ли, больше по нашей части. А к вам, сопливым, наставница прикреплена. Тоже сопливая... Для проформы. Ее редко кто видит, она жена какого-то начальника городского, и, кажется, на сносях.

Подошел транспорт, и мы загрузились. Комендант пришел нас проводить.

– Амадей Истлеуович, у меня воспитательница книжку Сталина забрала…

– О, а говорил, не разучишь имя мое. Когда приспичит, вспомнишь еще не то… А зачем тебе Сталин?

– Вообще-то в нашей фамилии репрессированных и расстрелянных за его подписью много. Я решил изучить остальное литературное наследие… То, что говорят о нем другие – это комментарии, а неправильных комментариев не бывает. Они всего лишь субъективны, и нам просто приходится чью-то сторону занимать. Я хочу определиться сам…

– Молодец! – похвалил меня Амадей, – далеко пойдешь… Я у нее книжку заберу. У меня лично от Верховного Главнокомандующего пять благодарностей, так что, тоже сдать в утильсырье прикажете? Живу-то я тоже не в своих апартаментах, а в ведомственной квартире… В казенном, как говорят, доме… А вы в Тыныштал отправляетесь?

– Вроде бы да, я не очень еще в ваших названиях понимаю… А что, самая глухомань небось?

– Да! Хотя нет, теперь они на коне: с весны к ним по аркалыкской линии телефон и радио проволочное пробросили. Только вы на задах этого прогресса будете… Чуточку подальше, за рекой… Но, как Прометеи, оттуда им факел зажжете!..

– Словом, у черта на куличках…

– Ну, шайтана там, быть может, и нет, там ему ловить некого… А вот завскладом вашего, Тимура, там нету точно, я только вчера его в городе пьяного видел… Вы что, без него едете?

– Мне передали, что он отчалил на место, – сказал Павловей.

– Ты, Федор, убери его куда-нибудь подальше, – посоветовал Амадей. – Там же кому-то на хозяйстве нужно быть, а он у тебя уже месяца два в городе околачивается.

– Он мне не подотчетен, – ответил Павловей. – Склады трестовские.

– Склады трестовские, да цемент в них твой...

Глава четвертая

ОРЫСАУЛ.
1961 год.

15 декабря

Куда завез нас Федор Павловей на крытом вездеходе – один бог святой знает. Ехали мы почти сутки и выгрузились в метельной степи среди недоделанных, но уже огораживающих квадрат внутреннего двора строений. В доме со стропилами, но пока без шифера (Амадея бы с пистолетом сюда) нам предстояло жить. Серой цитаделью справа боковиной к нам возвышалось здание под электростанцию, напротив – похожий на вагон деревянный контейнер с самой электростанцией, а посредине торчал одинокий столб на пасынке с подпоркой и репродуктором. От него куда-то вдаль, в затерянный аул, через цепочку индустриальных опор тянулись провода, но уже второго столба не видно – метель. Аульные подавали признаки жизни: по бездействующей пока линии они транслировали сюда местное радио от какого-то своего маломощного движка. Никого из слушателей, правда, с осени тут не было… Законченный вид островку цивилизации, замыкая квадрат по периметру слева, придавал утонувший в сугробах приземистый глинобитный склад, бывший когда-то отгонной овчарней с колодцем-журавлем.

На крыльце жилого дома, маятником разметая себе пространство от снега, скрипела незапертая дверь...

– Здесь что, вообще людей нет? – спросил Звягинцев у Павловея. – А кому мы тогда помогать приехали?..

Он, горожанин густонаселенной Украины, воспринимал все разговоры на эту тему с известной долей преувеличения. В переносном смысле – люди есть, но мало… Но чтобы в прямом смысле – ни души…

Павловей уже суетился с вещами и, не поняв вопроса, успокоил:

– Нет-нет, тут кругом никого, тут ничего не надо закрывать, тут не от кого прятать…

– Что прятать-то? – не понял в свою очередь ответа Виталий…

Оставшаяся часть дня ушла на обустройство.

Дом по проекту был на две квартиры, соединенные для общежития внутренней дверью. В дальней части находились двухэтажные кровати. До этого я понятия не имел (так познается мир!), что все они, самые обычные, бытовые, специально для таких дел приспособлены. Стоит лишь снять блестящие никелем верхние дуги спинок и наставляй их одна на одну хоть в три этажа. Водитель вездехода Витька Лунев завалился на самую дальнюю из них прямо в полушубке…

Разгрузили инструмент, постели, продовольствие на первый случай, бочонок селедки – его нам запихнули как неделимый товар. Керосиновые лампы. Ящик укупоренных сургучом бутылок с проштампованными чернильной мастикой этикетками «Спирт питьевой потребительский, 96 %, цена 6-00 рублей». Новый год на носу, а всякое добро тут ценится компактное, концентрированное. Все остальное, в том числе картофель, которым нас грозился закормить Осадчий, планировалось завезти следом…

Я расчищал вход. Возле крыльца получался тоннель в человеческий рост. По мере моего продвижения вперед, сзади его, такими же темпами, засыпало. Работа была почти бесполезная, эдакое вращение в замкнутом пространстве… Но трудоемкое.

– Вот тебе Тургайские ворота те самые, о них вам в школе на уроках географии рассказывали. Если в одно ухо влетело, а в другое вылетело, то тут будет основательное закрепление пройденного материала – объяснял карабкающийся сугробами в обход Павловей... – Прогиб тектонический, и ветер гоняет по нему снег туда-сюда… А если еще верховой пойдет… Мало никогда не кажется…

– В школе нам говорили о прогибе с ударением на последнем слоге…

– Тут тебе будет немножко другая школа, – балансировал надо мною сверху прораб. – Более высокой ступени, тоже мало не покажется… Запомни, строитель настоящий говорит: про-о-огиб!

Дом быстро и скоро нагрели соляркой из емкости под электростанцией. Лунёв снял полушубок, постелился и снова захрапел. Хлопотал у печи Морис Вишняков – наливал пустой консервной банкой через конфорку топливо на раскаленную сковороду внутри. Печь вообще-то под уголь сделана, и куча угля в коридоре заготовлена, но дров нет. Все строительные отходы сожгли осенью наши предшественники.

– Ерунда, так дело не пойдет, – понюхав гарь, объявил прораб кочегару. – Ты уже на негра похож... Пробьемся на станцию, там есть дрова для подогрева раствора…

На ужин была сельдь. Великолепная атлантическая сельдь, жирная и малосольная. К ней – в результате голосования – две бутылки спирта. И застольная «планерка»: завтра нужно будет откопать склад и саму станцию, а оно уже видно, как тут копается.

Прораб наш то ли после спирта, то ли забыл уже, что и где ему строить доверено, запутался при каганце в чертежах. Впрочем, за плечами у него строительный техникум, а у нас троих больше, чем по пол-института на брата, что заметно перевешивало багаж его знаний. Техническое образование, между прочим, у всех мелитопольцев. Но перед всеми нами у Федора Павловича козырь – его величество опыт. Вместе с этими самыми прогибами…

Затем тянули жребий – кто завтра будет на кухне, кто на хозяйстве, кто на какой объект… Разморило всех основательно, Вишняков натопил на совесть… Он еще грушу прицепить успел. Молниеносно атаковал ее серией ударов, звуком схожих с каскадом шлепающего кизяка, и тоже лёг спать.

А к утру каждый тащил на себя все, что мог, тепло ушло в незаделанные окна-двери. Ветер местный его унес, всю ночь, ворюга, выл…

16 декабря

При легкой метели с верховым снежком холода, как ни странно, отступают. Так что начали мы на новом месте в щадящем режиме. Конец света тут в сильные морозы. Ветер в здешней аэродинамической трубе никогда не утихает, а лишь меняет направление на противоположное. При тридцати градусах он пронизывает насквозь, сжигает кожу лица, сыплет иголками снежного наста, срывая его и сгоняя сюда со всей степи…

Наша взопревшая четверка двигалась к серой коробке станции. Ее хоть видно было, а склад, тот вместе с крышей занесло. Рядом со мной орудовал лопатой небольшого роста шустрый Вишняков. Вчерашний негр был красный, как рак, снег таял на лице…

– Морис, я тебя только сегодня, пунцового, и припомнил. Летом я на соревнованиях по боксу был, все вы на ринге такими вот начищенными физиономиями сияли…

– Я тебя тоже где-то видел, но не на боксе. Там я знаю всех…

– Так ты, брат, чемпион среди «мухачей»!.. А сюда зачем приперся?

– Я родился в Кустанае, мать эвакуировали туда вместе с фабрикой. Теперь родину, так сказать, посмотреть приехал…

– О, здесь есть что посмотреть… Особенно после Мелитополя, после Крыма, – заметил подошедший к нам Павловей.

Незаметно, за разговорами, мы, оказалось, уже добрались до огромных, чуть ли не на всю стену станции, ворот. В них была маленькая служебная дверка, через которую мы за прорабом и вошли. Освоились в полумраке. Коробка как коробка, с машинным залом, основанием под дизель и ящиками разных причиндалов к нему. А сама машина на улице. Что они тут думали, это ведь не шифоньер внести…

– Заканчивать будем внутри… Песок и соль – вот они под рукой… Там в углу печь для нагрева воды. На базе армейской кухни, с колесами. Без резины, ее в Кустанае на грузовик сняли… Цемент сейчас откопают… Отделаем, сдадим и пошлем всех, куда в таких случаях посылают: за размеры машины мы не в ответе… Вот она какая, – показал пальцем на фундамент Федор Павлович. Основание только и успели по чертежам выполнить. С закладкой анкеров…

Размашистые жесты прораба остановил подошедший Братко:

– Ты, Федор Павлович, складами не ошибся случайно?

– Как это ошибся, если он тут один…

– Но он совершенно пустой… Только ломы да прочий хлам в кладовке…

– А как вы вскрыли его?..

– Так ты же вчера говорил, что тут ничего не запирается… Не было там замка, только дужка от него в скобе висела…

Побледневший прораб кинулся из двери прямо в сугроб, как пловец в бассейн, и баттерфляем замельтешил по снежным заносам. Только вместо рук над снегами, выше головы, вымахивали его ноги… Мы заметно отстали… Склад был не просто пустой, а как бы выметен под метелку. И только посредине, на чистом месте, напоминая основание для коня медного всадника, императора Петра Первого в северной столице, возвышалась громадная бетонная глыба, образовавшаяся при протекании крыши от осенних дождей…

На ужин снова была селедка. Хорошая селедка, жаль только, что картофеля, обещанного взамен винограда, нет. Но ничего, следующим рейсом… Кто-то предлагал вынести на голосование вопрос насчет спирта, но прораб попросил прекратить баловство. Ему было явно не до того. Составили акт о вскрытии склада и полного отсутствии в нем наличия. Подписались все, в том числе оживший Лунев.

– Может, аульные забрали, – предложил свою версию кто-то…

– Исключено, – отверг прораб. – Они там цементом ничего не делают… Я утром сразу в трест вернусь, пока погода и дорога… А вы отдохните… Тут уголовщиной пахнет, из органов приедут: и кража крупная, и срыв объекта, и чего тут только не будет… А Ковырняга узнает – гаси свет… Неужели Тимур, сволочь горбатая… Амадей предупреждал…

– Да кто же еще? – хмыкнул Лунев. – Он в кустанайских кабаках не просыхал…

– Нам тоже отсюда когти рвать надо! – твердо решили мы. – Воры тут есть или нет, но материальных ценностей – точно не имеется... И не заработаем ничего…

– Мужики, слово даю, через неделю-полторы вернусь. Прошу вас, подождите… Может, не обратно поедем, а в Аркалык, там заработки сейчас начина-а-а-ются, ма-а-ать честная, – покачал головой в створе плеч Федор Павлович… Новый год там встретим… А насчет зарплаты – решим. Заактируем нерабочие дни да простои… Хотя конечно, все это мелочь, не то… Станцию бы пустить, так это же рябой кобылы сон. А на нее деньги тоже немереные, но бездарно по крохам и разойдутся… То на перестройку, то на доставку крана, то на актирования всякие… Цемент, если не найдут, кто забрал, на себестоимость забухают сюда же… Вот такие здесь заработки порою…

И уехал срочно с отоспавшимся водителем Павловей, – скандал, видимо, нешуточный получался. Надежда у него теплилась: может, кто-то помимо него с осени насчет склада распорядился. Отбыл с рассветом, по метели, вдоль столбов через аул, оставив нам сумку с чертежами. Наверное, действительно, в совете нуждался…

17-23 декабря

Недельная безработица разрушила весь уклад нашей жизни. Мы почти не выходили во двор, делать там было нечего. Утром и вечером расчищал тропинки в никуда Звягинцев, но лишь ради спортивного интереса. Перекидывать снег в этих краях с места на место бесполезно, он все время назад возвращается… Не бросались дружно за стол. Зато топили по-белому, углем – на станции, возле закопченной и разутой полевой кухни, лежал штабель дров. Топили с умом, чтобы не выдувало, и гоняли из ведерного чайника кипяток.

Транзисторный приемник мелитопольцев, кроме свирепого рыка и хаотического треска космического реликтового излучения от Большого Взрыва Вселенной, эхо которого двадцать миллиардов лет все еще аукается, никаких радиоволн не ловил. Временами из репродуктора во дворе сквозь завывание метели доносились обрывки звуков непонятного местного языка...

Словом, мертвая тишина. Нуль информации. Кажется, что мы зависли в невесомости, вне времени и пространства.

Впервые подобные ощущения возникли у меня за границей: несмотря на сумасшедшую суматоху – пустота… Сначала во Франции, затем... Это чувство ходит с нами, похоже, на правах экстерриториальности. Когда-то парижанин Блез Паскаль, наоборот, из Франции в мир вырвавшись, тоже горестно сокрушался: «Сколько держав даже не подозревают о моем существовании!»

…Где-то оставалась твоя страна, которая без тебя уже не та страна, потому что та существует лишь в твоих мыслях и ощущениях, а ты, носитель образа ее, теперь сам как бы не существуешь… Ты – паутинка ее нервной системы, молекула структуры, клеточка звена, но она даже не почувствовала твоего отторжения. И чужая земля – непонятная, ничем вообще для твоего бытия немотивированная – на тебя ноль внимания… И только поздно вечером, на стадионе, в лучах прожекторов она нас заприметила – на зеленом европейском газоне мы надрали уши сынам ее… А по приезду, оказалось, что и дома нас не забывали…

Выезды за границу стали привычным делом, и это паршивое чувство прошло, но теперь вот здесь появилось снова. Видимо, оттого, что решительно нечем напомнить о себе ни этой, ни той стране, по-советски именуемых «братскими республиками». Даже весточки – ни туда, ни оттуда…

– Письмо от матери! – объявил со второго яруса Заболотный.

– Декламируй! – крикнули лежащие снизу мелитопольцы.

– Она мне пишет:
«Если можешь ты,
То приезжай, голубчик,
К нам на святки,
Купи мне шаль,
Отцу купи порты.
У нас в дому
Большие недостатки».

– Пиши, что у нас такая же ерунда, – советует Беспалько. – Помочь не можем ничем, разве что рыбою бочковой... Пусть погодят…

– А он так и отвечает:

«Забудь про деньги ты,
Забудь про всё...»

– А кто это так непочтительно с матерью общается? – возмутился Купцов. –Тоже мне, деятель… Амикошонствующий...

Заболотный приподнялся и даже ноги спустил, выглядывая на него сверху.

– Лучше бы тебя Светка стихам научила, чем вывертам французским...

– Амикошон – это уже, считай, русское. Друг плюс свинья означает, тундра! – растолковал ему Иван.

…Украинский наш менталитет, надо сказать, на вольности всякие относительно фамильной субординации реагировал остро, ибо у нас там строго уважительно. Если моя бабушка вспоминала своих, то только на «ВЫ» во всех падежах и склонениях: «Наши мама казали... Наши мама нам советовали...». Через кристаллики таких риторических мелочей, между прочим, линии жизни фокусируются, преломляются, искривляются…

…Над Иваном не смеялись. Сталинская зима уходила капелью хрущевской оттепели, и Есенина только-только начинали мелкими порциями печатать. Звягинцев, правда, заметил, что Запорожье – оно все-таки за порогом. Их Мелитополя, конечно же. А студенту Купцову, действительно, знать опального поэта не мешало бы, стихи его всегда ходили в рукописях. Но нет, Иван не из той когорты, до института он на стройке бульдозером котлованы рыл. Он из тех, кто за настоящую литературу держит книги сугубо реалистические, «Трактор ХТЗ-НАТИ», например.

…Я застал ту «догутенберговскую» эпоху самописных журналов с поэмами пушкинского времени о Луке да похлеще, фронтовых стихотворных «плейбоев», до которых современные

эротические коммерческие опусы не дотягивают и близко; там была нерастраченная, окопная сила страсти, а не клубничка надуманных грез в местах полного их отсутствия. Реакция Вождя на это, стоящее вне классовой борьбы, направление самиздата неизвестна, хотя кремлевский азиат, в отличие от современных ему цивилизованных европейцев, ни одну книгу не спалил. По запасникам – да, штабелевал…

Перечитали мы белокурого рязанца от корки до корки, особенно его письма: к роковой женщине – неоднократно, к своему деду, поэтам Грузии, собаке Качалова… По письмам, как таковым, мы соскучились…

И по периодике тоже. Три уцелевшие газеты за это время основательно изучили, провели комсомольское собрание и объявили выговор Першину за «сужение информационно-культурного поля в условиях оттепели». Его же, пока он был в центре внимания, заодно, притом единогласно, избрали комсомольским организатором нашей группы. Братко всучил ему выданный нам в дорогу вышестоящим трестовским комитетом дневник комсорга, своего рода бортовой журнал экипажа на период всей тургайской «одиссеи», и пожелал успехов в работе.

– Интересный народ, – не признавал вины Виктор. – Будто бы газеты можно заготовить впрок, как селедку. Я здесь рассчитывал купить свежие… А вообще, вам бы лучше о материальной пище думать, жратва закончилась… Одна сельдь атлантическая: ешь – не хочу… А эти газеты, кстати, прошу сдать мне. Курево тоже на исходе, я ящик моршанской махорки купил, как предчувствовал. А вы мне выговоры тычете…

…Ничего, скоро уже прораб с продовольствием придет да, может, вывезет нас из этой глухомани на Новый год в Аркалык.

24 декабря

…Утром Братко изучал за столом строительные чертежи из сумки Павловея.

– Вот, – съехидничал Першин, – читать ему нечего… Тут тебе на неделю хватит… Прочти и передай, как говорят, другому…

Борис сидел за бумагами долго. Все обратили внимание: что-то сосредоточенно пишет и считает… Не просто от безделья мается…

– Раз не говорите, что делаете, товарищ начальник, то освободите, к чертям собачим, стол для праздничного ужина, – предложил Першин.

– По случаю годовщины козы твоего прадеда?..

– Эх, народ… Рождество завтра… Запад в огнях… Праздничный Париж весь в елках и Санта-Клаусах… Сочельник, запахи хвои и всякого съестного разносятся…

– Но мы же православными крещенные…

– Да нам лучше в споры церквей не вступать… Кто там прав, они сами тысячу лет разобраться не могут. А нам надо сесть, как людям, в честь исторического лица, мораль мира перевернувшего… Это вам не Наполеон, хотя за него мы тост поднимали…

– А у нас, в Западной Украине, многие так и делают, – поддакнул Шевц. – Там в одной семье муж православный, а жена…

– А братья из лесочков огневым салютом по ним в двенадцать ночи…

– Что у вас за представления такие, – обиделся Роман.

– Мы о Боге говорим, а вы всуе тут... – возвратил всех к теме Першин.

– А ты что, верующий?

– Скоро все мы станем верующими. Ученые приходят к выводу, что Христова плащаница – подлинная. Американцы еще раз обследуют, и пойдем, как в комсомол, записываться к батюшке на покаяние...

– А что после американцев изменится? – спросил я у Виктора. – Во всех учебниках по истории религий и основам атеизма черным по белому написано...

–...религия – опиум народа...

– А у тебя другие мысли?.. Это коммунистический диагноз самого распространенного способа ухода от реальности, но Христа как историческую личность марксизм не отрицает. Так вот, черным по белому в учебниках написано, что при императоре Тиберии в римской провинции Иудее при прокураторе Понтии Пилате был казнен тот самый библейский Иешуа, назаретянин... И что

произойдет, если погребальный саван тоже окажется тем самым... Конечно, эмоциональность факта...

– Так Бог или не Бог?

– Бог его знает...

– Тогда давайте приятное с полезным, – прекратил теологический диспут Борис. – Святую вечерю с производственными делами… Виталий наш, Звягинцев, по утрам на свежую голову с лопатой двор изучает. Так вот он предлагает… А где он, между прочим?..

– А он еще и вечером изучает…

– Давайте серьезно. Он предлагает машину в помещение перекантовать…

– Как это! – изумленно ахнули все.

– Молча, – важно изрек штампованный афоризм Братко. – Но вначале действительно нужно к той половине мира присоединиться по поводу исторического лица... Как-то раньше такое в голову не приходило… Хотя здесь, на краю света, еще не то придет… А ты когда в Париже был?

– Никогда, – ответил Першин. – Что у вас, в Запорожье, телевизоров еще пока нет?..

– Трепло!.. Кинопутешественник… Антон в Париже был – молчит, а он тут нам лапшу на уши вешает. Запах лукового супа в этой бочке из-под селедки уловил...

* * *

Виталий Звягинцев – мелитопольский сноб, я вначале принял его за инженера. Высокий, поджарый, аккуратный. Скупой на слово – то ли вечно недоволен, то ли в претензии ко всем. Малоразговорчивых, их сразу не поймешь, хотя… Он, если скажет, то съязвит… Если съязвит, то видно, что на выношенных мыслях, а не как некоторые простые, о своих эмоциях сразу… Роман, из его компании, говорит, что все они мелитопольцы только по сборочному цеху да по общежитию, а Виталий – коренной горожанин. У них старый дом, и предки покоятся на закрытом теперь кладбище в Филиберовых Садах…

А предложил этот сноб – слесарят такие профессионально – следующее: разобрать переднюю стену здания с воротами до перемычки и затолкать дизель по наращенной ледяной дороге. А затем восстановить строение на растворе из того, похожего на петербургский постамент, монолита, ибо то, скорее всего, кокон с живым цементом внутри.

Вот что значит молчать, но при этом шевелить мозгами! Насчет кокона, правда, предположение было сразу, но разведка не проводилась: «промышленная разработка» при таких объемах добычи интереса не вызывала. Для этой же идеи – наоборот…

А идея, словно по заколдованному кругу, обежав какую-нибудь техническую сторону проблемы, возвращалась к мимолетной фразе Павловея: деньги там немереные… Кто-то предложил измерить их хотя бы примерно.

– Да перестаньте вы, как дети… Нас, в конце концов, Родина-мать позвала. Это Ботнаря с Лопушняком послала. К коммунизму, вам же сказано, идем… Курочка в гнезде, яичко.., а они уже со сковородкой бегают…

Кого имел в виду Борис, о сковороде говоря – нас или Коммунистическую партию, – я не понял. А народ весело паясничал:

– Боря, не отступайся от принципов!

– Кто только что сказал – давайте приятное с полезным!

– Не отрекайся!

– К коммунизму – с деньгами!

– Не будь Иудой на Тайной вечере, – выдал в заключение Макаев. Хорошо, что новый апостол от Бориса сидел далеко…

25–26 декабря

Ко времени обещанного приезда прораба мы стену ломами разворотили. Ну, не разворотили – она была из крупных шлакоблоков, – а аккуратно разобрали на составляющие. Самоуправство было не столь значительным, все можно быстро восстановить, цемент в коконе есть… Но дизель без команды вскрывать не решались.

Поэтому принялись за ледовую дорогу.

Сквозь снег ломами измерили уклон поверхности грунта и шпагатом разметили трассу. Подождали еще день. Может быть, Аркалык нам уже светит, а мы тут пупы на дурной работе рвать будем… Притом, сверху метет и метет, так что заливать придется кусками, сразу же, по свежерасчищенным участкам.

Первый слой льда по земле непосредственно, а затем последующие для образования профиля пути мы собирались нарастить по методу подготовки конькобежных катков. Иногда ими там у нас**,** на юге Украины, в более-менее холодные зимы детвору баловали. Способ простой: к водовозу цепляется короб без дна с мокрым снегом и медленно тащится по земле. Снег по ходу добавляется, вода самотеком из шланга подливается – такова общая, со множеством нюансов, «технологическая цепочка», оставляющая после себя ледовый след… Транспорта у нас не было, волочь конструкцию и готовить в ней «кашу» нужно вручную… Но ничего сложного, нас много…

Павловей то ли задерживался в пути, то ли из Кустаная еще не выбрался…

На следующий день объявили конкурс на лучший рецепт блюда из атлантической сельди. Победителем становится тот, у кого она отдавать своим духом будет наименее. Беспалько предложил за ночь вымочить рыбу, часто меняя воду, и к обеду приготовить пресную уху, а на ужин – жарево. Сомнения насчет съедобности таких блюд он отмел, сославшись на кулинарные секреты жены, оставшиеся у него от их недолгой совместной жизни.

Я этому Беспалько не поверил абсолютно, я его раскусил сразу. Василий – типичный украинский сочинитель небылиц всяких, в общем, брехун… Он и спать залег первым… Остальные по очереди всю ночь воду меняли.

27 декабря

Когда еще уха только варилась и из кухни понесло чем-то непонятным, у Василия спросили, почему он сбежал от жены аж в самый Казахстан?

– Гы-гы, на почве готовки нам развестись не дали… А хотел, даже к отцу пошел на совет, мол, житья нету, жена стряпать не умеет. Она, если лепешку месит, то вот так, – поднимаясь, объясняет уже не отцу, а нам Беспалько и начинает яростно топтать и выкручивать пяткой по полу. – А отец, – продолжает он, присаживаясь, – говорит мне: – Стряпанного, значит, сынок, захотел. А где ж это ты пристрастился к нему-то? У матери нашей, с которой я всю жизнь живу, вас породил и ем, что дают?..

Морщась, мы хлебали уху по рецепту брошенной жены… Да, поживи с ней, если она до такого блюда в мирное время додумалась…

– Значит, Василий, насчет стряпни у вас проблема поколений. Так ты и нам подсиропить решил…

– В тюрьме нам селедочный суп подавали довольно часто, – демонстративно, со свистом хлебая, сообщил Борис. – Уха от Беспалько на порядок выше…

– Посмотрите на них… Предложите вы мне тогда что-нибудь из этого вонючего бочонка… А во вторых строках письма сообщаю, что варить надо было без жабров… или жабер… Безо жабр этих, короче…

– Давайте о машине, – предложил я. – Почему мы должны сидеть и ждать прораба? Он от этой идеи открестится моментально, у него кишка тонка для таких решений. Может быть, заработаем, а так в какую-нибудь дыру снова… Аркалык пока тоже непонятно что. Нужно поставить всех перед фактом! Расчеты у нас нормальные, стена вывалена, Новый год на носу. Закатим дизель, Павловею рапортовать можно будет о возможном пуске объекта, а не только лишь коробки для последующей переделки…

Першин меня моментально поддержал и предложил избрать комсоргом. Потому что должности на тот час имелись лишь у Бориса и Макаева, а у него, Першина, их уже три. Остальные товарищи, по его словам, ни куют, ни мелют…

– Какие же это у тебя, бедного, три должности, – ехидно поинтересовался Звягинцев. – Запарился…

– Как, какие! Казначеем избрали, а снабжение сверх того накинули. Плюс комсомол…

Меня, поднимая руки с ложками, избрали единогласно, и Першин, чтобы потом не было разговоров, предложил всем подписаться под протоколом в дневнике комсорга. Но на бумаге, однако, выходило, что голосовали не единогласно. Не хватало одной подписи…

– Ага, Макаев, попался, контра, – вычислил, наконец, Першин… Спать, сурок, залег… Предлагаю влепить выговор и наряд вне очереди… В таких случаях картошку полагается чистить… Да, была бы… Печеная, в кожурке… Во! Печь пусть два дня кочегарит…

– Братцы, он уже давно за водой пошел, – насторожился Шевц…

– Он радио на столбе ходит слушать…

– Что там слушать, если оно только после полудня говорит. Причем на местном языке… И музыка в основном…

– А я ко второму столбу ходил, – доложил Иван, – когда на улице стихло немного… Он, оказывается, сразу за станцией, на месте для трансформатора. Правда, еле назад добрался... И знаете что? То ведь наши, запорожские опоры! Сюда, родные, вперед нас прибыли, стоят!.. Даже знакомые следы опалубки по окружности! Мы их на практике центрофужировали…

– Центрофугировали, тундра!.. Там, у вас, в Запорожье их тогда на весь СССР фуговали, – сказал Заболотный.

– Радио, – объяснил Звягинцев, – утром слушать нужно на русском… Правда, новости тут странные. Уже два дня, к примеру, штормовое предупреждение передают, будто кто-то по сугробам плавает. Я забыл Трегубу передать, он на Тихом океане три года служил…

– Елки зеленые, Виталий, – отодвинул пустую тарелку Борис. – Ты почему молчал? Это же стандартное объявление о чрезвычайной погодной ситуации.

– Не слышал я такой формулировки для степных районов… А что у нас здесь чрезвычайного? Как дуло, так и дует…

– И дуть будет… Причем, и в Кустанае, и везде на свете тоже. Хрен кто к нам теперь, в том числе и прораб наш с продуктами, доберется… До самого Нового года…

…Интересно, что не слышали такой формулировки многие. Все те, кто родился ближе к Крыму…

– Братцы, вы что, забыли? – снова напомнил Роман. – Мы же вчера с ним в карты проиграли, а условие было – вода на кухню и в умывальник… И Женька ушел… Уже давно …

– Ты играть не умеешь, а на нем воду возишь, – заметил Трегуб.

– Я, как вас теперь величать, товарищ навигатор, свою ходку утром сделал. И, между прочим, пока вы в трюме перископом кверху дрыхли.

Двор мы буквально прочесали. Он хоть и всем ветрам открыт, но, как бросилось в глаза еще по приезде, квадратом стоит – с нашим домом на северной стороне, складом на востоке, станцией на западе и говорящим столбом посредине. Самая «дырявая» – южная сторона, напротив. С вагоном-дизелем, но еще раньше мы опутали ее шнурами. Их первым делом и проверили – целые.

Осмотр ничего не дал, и мы вернулись в дом для подготовки наружного поиска. Хоть и южане, но до некоторых, выстраданных жизнями истин, додумались. Разбились на постоянные пары, чтобы избежать впредь незамеченных «пропаж», чтобы один всегда знал о другом. Ввели запрет на отлучки в пределах видимости.

Колодец между домом и складом – место, откуда нужно начинать. Там, за двором, снежная кутерьма – пяти метров достаточно, чтобы потерять всякие ориентиры и пойти черт знает куда… Во все горло ори – ничего не слышно.

Привязав конец бухты оставшегося шпагата к колодцу, мы, как водолазы, поплыли снегами обследовать пространство. Я, по жребию при составлении пар, был в связке с Романом Шевцом, он и наткнулся на Макаева. Бедный Женька сидел на ведре и уже не мог разогнуться.

...Выходя к колодцу, он накинул на себя лишь фуфайку, а поняв, что заблудился, решил далеко не уходить и дожидаться нас до конца. Это был самый верный для него вариант, хотя руки и лицо он обморозил… Если бы ушел буквально на несколько метров в степь… Он среди нас самый тихий и незаметный.

– А потерялся бы – как объяснишь и кому сообщишь? – риторически сокрушался уже в доме Першин… Молодец все-таки Виктор! Хоть и гнусным образом, но глобально мыслит…

– Как это кому? – удивился Звягинцев. – Его родители почти рядом с моими живут… Другое дело, что ни с кем сообщения нет…

– Так он тоже коренной? А говорил – бердянский…

– Я их гинекологическое древо не изучал… Мелитопольские они, Макаевы… Чего ржете?.. Генеалогическое – одно и то же…

– А чего он тогда нос не задирает так, как ты, – спросил Першин.

– Я разве высказывался на предмет столбового дворянства…

– Намеки чувствуются при умолчании...

– Мы, горожане, просто нормально живем, – едко ответил Виталий. – Но чувствуем ваш натиск и рвение, вы на всё, расталкивая нас локтями, ради денег, славы и власти готовы. Потому что в деревнях ваших места для подвигов нет…

– Ты чего, ненормальный, я родом из города Славянска, из-под Донецка… В опере классической только великим певцам разрешают спеть «Бли-и-и-зко го-о-о-рода Славя-я-я-анска»… Лишь маэстро знаменитым доверяют – Лемешеву, Козловскому… Карузо, на худой конец, чтобы петуха в таком ответственном месте не дали. Так вот, задолго до оперы мой прадед был среди тех, кто на том месте деревню Славянку заложил… Придет час, и нам, основателям, памятники поставят… И никакой нам власти не надо. Детям своим расскажешь, кто тебе махорку давал, они проездом цветы возложат…

– А чего ты, Виталий, имеешь против деревни, – спросил Борис. – Вот говорит Тарапунька Штепселю: «Отгадай, друг мой Штепсель, загадку: два города – посредине село. Что это такое?» – «Не знаю, друг мой Тарапунька, подобного образования». – «Образование такое, – отвечает Тарапунька, – есть Запорожье: старый город и новый город, а между ними село Вознесеновка»… – Так вот я в ней и вырос… Места для подвигов там намного больше, чем в вашем Мелитополе…

– За них тебя от честного народа и изолировали, – не преминул напомнить Виталий.

* * *

При всей полноте власти неожиданно оказался я. Власти, как таковой, у нас не было, но она стала на голом месте появляться, причем в моем лице и независимо от меня. Я по настоянию других возводил в перечень писаных правил все то, о чем говорилось накануне. Добавлял, с их же согласия, некоторые новые нормы для всеобщего исполнения. Даже всякие свои команды, после случая с Макаевым, Борис просил протоколировать решениями для подстраховки. Протоколировал я в своем дневнике комсорга все, но, за неимением инструкций и навыков канцелярской работы, описательно.

Потом мне объявили выговор за то, что я не обеспечиваю исполнение узаконенных правил… Я просил назначить для этого специальные органы, по принципу ветвей власти, иначе мы выстроим автократию... Мне, пригрозив еще одним выговором, приказали руководить…

– Вот так и устанавливаются деспотии. Потом удивляемся, откуда диктаторы…

– Давайте лучше создадим орган Виктору, – снова съязвил Звягинцев. – Для активизации снабжения или там закупок картофеля к сельди…

– Между прочим, – отмахнулся от него Першин, – тебе, Антон, раз деспотом оказался, надо не рассуждать, а решение составить относительно инвентаризации продуктов. Хотя ничего, кроме рыбы, нет, но…

– Зато подсаливать блюда не надо…

– Да соли вон десять мешков на станции лежит, – продолжал Першин. – Насчет селедки предлагаю Антону Билаю в решении записать: до прихода провизии готовится только уха по рецепту жены Беспалько. С одной рыбиной на двоих. Со жабрами…

Решили также по утрам выставлять на русское радио дежурных у столба для прослушивания сводок погоды и провести коллективизацию. Собрать до кучи все, что есть. По списку номер один – обобществить таблетки всякие, одеколоны, кремы и иную парфюмерию для бритья и освежения, чтобы создать аптечку. Макаева, похоже, лечить нужно будет. По списку номер два – все иное бытовое имущество.

По первому списку из всего стерильного, не бывшего еще в употреблении, оказался запечатанный кусок мыла и лосьон «Огуречный». По второму – сборник стихов Есенина, правда, и до этого состоявший в коллективной собственности мелитопольцев, Атлас мира и пять колод новых игральных карт. Справочник по последней модели трактора «ХТЗ», предложенный Купцовым, хотели взять на курево, но он забрал его обратно.

– Давай в анаграмму на «трактор» сыграем, – предложил я.

Он подумал и вырвал замызганный форзац. На его половинках мы записали комбинации.

– Тракт, ор, – начал читать Иван.

– Что такое «ор»? Вспашка?

– Да вы что… Плач вселенский на страшном суде, стенания и скрежет зубовный. Анекдот есть: бабушка горюет, что ей скрежетать при втором пришествии нечем...

– Силён… Давай дальше…

– Всё, – закруглился Иван.

– Конкретный трактор, – заметил Звягинцев.

– А чего сам, если умный такой, против Антона не сел?

– Если у тебя «ор», а в базисе у нас «трактор», то тогда пусть будет «орка»,– начал читать я. – То есть, пахота плантажным плугом с глубокорыхлителем, например... А потом будет рот, рота, акт, кат, кот, карт, рак, рок, ар, акр, тор, тора, откат, кора, ток, Тот…

– Сдаюсь, но зачисляются только существительные…

– Тот – существительное и есть. Бог книжной мудрости в Древнем Египте…

– Нарицательные тоже не в счет, но сдаюсь...

– Не бери его в плен, Антон, на фига он нужен! – посоветовал Виталий. – По женевской конвенции врага одной селедкой кормить нельзя. Сбалансированный рацион нужен…

– Торт, крот, корт, кар, – продолжал добивать я противника, – рота, ротатор…

– Не считается, «о» должно быть одно…

– Пардон… РАО…

– Это еще что такое?

– Районное агропромышленное объединение…

– Это еще только планируется…

– Подавай тогда в суд…

Суд у мелитопольцев был. Судоисполнитель, он же секретарь суда, штатный – Макаев. А вся остальная братия избиралась по жребию.

– Я больной, – предупредил Женька. – Не могу, как Остап Бендер, в любой момент собрать присяжных заседателей.

– Сейчас мы это должностное лицо лечить начнем, аптечка первой помощи у меня есть, – полез под кровать Першин. – Или пускай живет?…

– Давай-давай, мне сейчас антибиотики желательны…

– Медикаменты на тебя переводить вообще-то не стоит. Натрем морду по древним народным рецептам селедочным жиром…

– Ага, чтоб рыгал, – воспротивился потерпевший…

Першин достал серый плотный холщовый мешок, который занимал половину его сумки – на нем красным карандашом был нарисован жирный крест – и принялся вспарывать.

– Отец у меня ветеринар, передал через сестру в дорогу: вскрыть, мол, только в случае болезни…

Обмотанная рушником, в мешке оказалась засургученная бутылка, кажется, на два с половиной литра, именуемая на Украине четвертью. И инструктивное письмо сыну.

«Сынок, твою поездку в Казахстан мы с матерью одобрить никак не можем, потому что отец наш, твой дед родной, царствие небесное, Прокопий, был туда выслан, где пропал тихо и безвестно. Да и Шевченко в те края отправили, чтобы жизнь укоротить...

И мы не хотим, чтобы ты там пропадал. Мы, Першины, основатели здешние, никогда и нигде больше счастья не искали. И ты ничего в той Сибири не потерял.

Но коль уже записался в стахановцы, то передаю тебе бальзам от всех болезней как внутренних, так и наружных, очень сильного воздействия. Принимать не больше чайной ложки в день при сильных недомоганиях, а наружно – только смазать больное место под компресс, тогда его вашей бригаде на весь срок вербовки хватит.

Еще, Витька, прохвост, ума у тебя не густо, если о ём хотя бы по твоей поездке судить. Так вот, предупреждаю тебя, что лекарство на спирту, и не вздумайте, не дай бог, его там гуртом вместо водки выпить. Тогда и расстройства желудка у вас не будет, потому что более ранний исход случится для всего вашего гурта... В настойке тринадцать трав, есть белена и куриная слепота, превышение дозы – заруби на носу: чайная ложка в день – ни в коем разе недопустимо.

Ждем тебя здорового домой, нечего кружить перекати-полем по чужим краям.

Твои отец и мать».

– Строгий у тебя отец-то?..

– У него день рождения второго января. Как отсюда поздравишь? Подумает, что у меня уже исход в ссыльных местах… Подставляй физиономию, Женька. Смазывать будем...

– Ты поосторожнее со своей куриной слепотой, – предупреждает Женька. – Очам не навреди…

– Оставь ему одно ухо несмазанным, потом сравним результаты…

– Мажь все, на себе будете экспериментировать, – потребовал Макаев.

Лицо ему прихватило сильно. Это и не удивительно: оно у него, с носом во главе, на ветру. Вперед вытянуто. Примерно как у вас, когда вы смотрите на себя в зеркальный ёлочный шар или пузатый никелированный чайник. С таким типом лица все светловолосые, с тонкой, конопатой кожей, и слегка лупатые. Дети лесов, продукт подсечно-огневого земледелия…

Мой напарник по звену безопасности Роман Шевц автоматически становился партнером по игре в карты. К Новому году было решено провести пятидневный турнир в подкидного дурака «на высадку» по следующей системе. Начинают игры две пары по жребию. Проигравшие вылетают и оказываются в хвосте очереди, тем же жребием образованной. Победитель определяется по числу побед. Судья – «непарный» Трегуб. Вообще-то он из тройки безопасности, где, кроме него, Вишняков и Звягинцев.

– Вы там, на своей Западной Украине, наверное, карт отродясь не видели, – сказал я Роману. – Будешь все время за моими руками смотреть, а я за твоими. Слегка оттопыренный левый мизинец означает, что у меня есть шестерка. А дальше по остальным пальцам – семерка, восьмерка, девятка, десятка… На правой – мизинец есть валет, и потом по нарастающей. Указательный, стало быть, – туз. Одновременный при этом маячок большим пальцем правой сигналит, что туз не простой, а козырный.

Уединившись, мы потренировались, а после ужина начали триумфальное шествие, одержав к утру сорок две победы…

Трегуб что-то заподозрил, он и так и сяк высматривал… Но мы работали пальцами, как пианисты. Звягинцев с Вишняковым без выигрыша покинули турнир и, обозвав нас шулерами, ушли колотить грушу, а потом, как бы играючи, друг друга.

Морис – мастер спорта, его спарринг-партнер рангом пониже, у него первый разряд. Зато на три весовые категории тяжелее, на голову выше и всегда предельно собран. Словом, Виталий в порядке, а порядок, говорят**,** бьет класс…

Ни черта подобного – физиономия у Звягинцева после тренировок всегда пылала кумачом.

28 декабря

А утром была наша очередь караулить новости под столбом.

В темноте, под завывание ветра, мы прослушали гимны СССР и Казахстана, последние известия на местном языке, за ними последовал продолжительный, в много раз длиннее, чем у Шуберта, музыкальный момент. Заунывные мелодии под однообразный аккомпанемент, за которые в обычной обстановке вряд ли бы зацепился слух, здесь, у этого одинокого, словно вселенская ось, столба, странное дело, щемили сердце, задевали мысли и какие-то ответные струны внутри… Я до сих пор помню ту метель, тот посвист ветра в проводах и тот напев.

– Слушай, Роман! Эта музыка – удивительное отображение необъятной пустынной степи… Или даже воспроизведение сути ее в звуке… Ты как думаешь?

– Да я в музыке не разбираюсь, медведь на ухо наступил…

– Тогда дослушаем…

Перед началом блока русских новостей я спросил:

– А почему вы на русских все время катите? Вы же ни с ними, ни под ними в своем Львове не жили никогда. Нам, левобережным, было бы простительно, мы с ними триста с лишним лет, с Переяславской Рады вместе… А у вас откуда все накопилось…

– Абсолютно ничего не накопились. Живем же вместе, старший брат…

– А чего же вы бегаете: москали, москали…

– Кто бегает?..

– Ладно, ты не бегаешь, я бегал. Я в футбол играл, понял? И ваши со мной играли – Пандяки, Попели всякие бегали, говорили, что москали всю дрогобычскую нефть у них там выкачали и весь закарпатский газ спалили… А газопровод был «Дашава-Киев». Понял? У себя в Киеве все и спалили…

– Ну а где же, как не в Киеве…

– Да, с вами поговоришь в степи, вам в лесах привычнее… Давай радио слушать…

Новости начались в половине седьмого. Великая страна жила предновогодней жизнью, подводила итоги, рапортовала…

В заключение местный диктор сообщил, что ввиду резкого понижения температуры и метелей выезд из областного центра запрещен. И снова зазвучал заунывный задумчивый мотив…

Значит, ни Павловея, ни обоза нам не видать… Мы пошли сообщать информацию коллективу.

– А в Киеве половина москалей, наверное, – рассуждал по дороге Роман. – Киевская Русь…

– Ты чего в историю ударился?

– Да я о том же газе…

Я остановился…

– Не пяль глаза на меня, я сам не совсем львовский… Возможно, даже Шевцов, от метрики только обрывок остался. А мать у меня вроде бы из Киева, по дороге из Германии, из плена, погибла. Но добрые люди во Львове подобрали. Только ходить начинал. Там у нас народ и добрый, и щирый…

До перерыва на ужин мы выиграли все коны второго дня, хотя два-три для отвода глаз планировали сдать… Не вышло, масть поперла…

– Антон, признавайся, – предложил Борис. – Это твоя затея…

– Ну ты же видишь, как везет… Вот вам, быть может, повезет уже завтра…

– С адреналином у вас слабовато, ни азарта, ни запала, – торжествовал Роман, впервые в жизни вкушавший пьянящий нектар победы.

– До Нового года Павловей не приедет, – переключился на дела наши скорбные Борис.

– Значит, никакого Аркалыка не будет – сказал я. – Что для нас, кажется, к лучшему. Кто-нибудь наш Атлас мира смотрел?

– Все смотрели…

– Ну и где там Аркалык этот?

Шевц принес синюю компактную книжицу… Тургай на карте Казахстана кружком обозначен, а вокруг и близко ничего…

– Ты посмотри сзади – подсказал кто-то, – в алфавитный перечень географических названий. Там есть все на свете…

– Так… Аравия… Арарат… Ардатов…

– Дальше смотри, на «арка»…

– Арка есть, вот она…

– Арка – это Колыма, район Магадана, – сообщил Трегуб. – В бассейне Охотского моря… Тихий океан…

– Аркадак, Арканзас, Арканзас, штат, Арканзас-сити… Нет никаких Аркалыков!

– Гляньте на всякий случай «орка». Оркалык – посоветовал с кровати Купцов.

– Ты что? – покрутил пальцем у виска Роман. – У Павловея вон в сумке чертежи лежат аркалыкские…

Тем не менее, и топонимику и карты исследовали еще раз.

– Так в эту сторону железных дорог нет вообще!

– А какого года издания Атлас?

– Москва, 1955 год… Второй год целины, между прочим…

– Видать, город тот пока еще мал, – решили мы. – Примерно такой, как наш… А в нашем ни населения, кроме нас, ни цемента, ни продовольствия…

– Селедки, если экономно, хватит надолго, – доложил Трегуб. – Я там все перелопатил…

– Да не каркай ты лишний раз про эту селедку… Как ее еще экономить, когда ты ее туда, а она назад…

– Прекратить, действительно, – грохнул по столу Першин. –Ужинать сейчас будем, не портите аппетит… Психологически... А потом буду раздавать махорку, некоторые уже по пачке умудрились высмолить. И бычки собирать надо. Сухим способом гасить окурки, а не заплевывать…

– Мою долю давай сейчас, – попросил Женька. – Я, пока рыбу готовил, наелся…

– Как это, а ну-ка повтори, наелся?.. – приподнялся Першин. – А ну-ка выговор ему давайте… Антон, где наш дневник с протоколами?

– А его не скурили случайно? Я сам его ищу…

– На окне дневник ваш. Никто его не возьмет, он примерз там на подтеках...

– Я ел в одиночку потому, – объяснялся Макаев, – что у меня полностью рот не открывается, лицо кожурой взялось… Пришлось мелкими кусочками меж зубов просовывать…

Выговор ему все же вкатали. За отрыв от коллектива…

– Мужики, – прибежал из кухни Вишняков, – Трегуб сошел с ума…

– Как?..

– Где?..

– Каннибал… В углу возле бочки сидит… Селедку прямо оттуда руками ест...

Все высыпали на кухню. Действительно сидит. Действительно ест, закатав рукава.

– Санька, милый, что с тобою, – ласково спросил Борис.

– Да хай они эти помои сами едят. Беспалько со своей женой. Лично мне уха осточертела… Я свежую рыбину с икрой выловил…

Вот он, оказывается, как тут лопатит…

По Трегубу было заметно, что мы голодаем, – у него живот спал. Но взыскание ему тоже записали. Икорки, смотри-ка, захотелось…

Так он решил отыграться на нас:

– Продолжать турнир отныне будем так – руки с картами под стол!

И мы трижды кряду оказались дураками.

– А что, масть не прёт? – как бы невзначай полюбопытствовал Звягинцев.

Нас судили открытым судом, хотя публикой были только мы, подсудимые. Все остальные пристроились к делу. Председательский жребий выпал на Вишнякова, а прокурорский как раз на Виталия. Уж они-то на нас накатались… Трегуб как адвокат – ни рыба, ни мясо. По-моему, даже на руку врага действовал…

Дали нам – спасибо присяжным заседателям – по году условно. Результаты турнира аннулировали, все решили взяться за ум. Отогрелись, засиделись… Завтра и послезавтра займемся машиной, соорудим баню, а также выясним: можно ли, в случае чего, добраться до аула по столбам.

29 декабря

Разобрали деревянный транспортный контейнер, «раздели» дизельную электростанцию. И замерли, раскрывши рты…

Светло-синие переливы перламутра-металлика, матовый блеск хрома-никеля в масле, строгие серебряно-черные, на сферических заклепках фирменные паспорта-шильды; призывающие к

бдительности яркие контуры опасных зон, пугающая громами-молниями и костями-черепами осклабившаяся пиктография...

– Не лезь, бо убьет! – ткнул в нее обмороженным пальцем Макаев.

– Уйди хоть ты с первых ролей, – ругнулся Виталий. – Перелинял бы пока в хате, возле ухи. Без тебя мурашки по спине, а машина слабых в коленках не любит. Ей надо состоятельность доказать.

Машина то ли слушала, то ли надменно молчала, монументально и самоуверенно плывя в океанической поземке степи, словно незабвенный «Титаник» в своем первом и последнем круизе. Упаси нас бог от таких аналогий, но они напрашивались. Полуголодные, с одними ломиками в руках и приомороженным Макаевым впереди, мы, видимо, представляли жалкое зрелище. Сгрудившись кучкой сбоку, мы демонстрировали состоятельность... Хотя было как-то не по себе…

Но, с другой стороны, если наш вариант не пройдет, то летом по земле затащить эту громаду на вечный прикол будет весьма и весьма проблематично. Это не крейсер «Аврору» по Неве. Даже если половину здания станции разобрать… Недаром в разговорах на эту тему Павловей всегда чесал пятерней свою светлую жидкую шевелюру…

…Почешешься, машина, тогда и ты, если хоть немного людей понимаешь...

Кантовать тебя и расхлебывать кашу придется едокам безо всяких премиальных, возможно, и без зарплаты, а это уже не дело. Отстегают тебя в хвост и гриву вечно растрепанными стропами, пройдешь ты все их «виры» и «майны», обдирая великолепный заграничный прикид о зубчатые контуры спешно протараненного проема и торчащую в разломах арматуру. Так что положиться бы тебе на нас...

Машина величественно плыла в поземке. Соображала...

Из отличного тёса – видать, не зря говорят, что сибирский лес на всей заграничной упаковке, – изготовили короб для наращивания льда и баню. Сооружение это, по предложению Беспалько, срубили прямо внутри станции вокруг кухни без колес. Взяли ее под колпак, плотно подогнали доски, устроили скамейки и полок, предварительно выяснив, не очередная ли это идея от его изобретательной украинской жены.

…Аул искать по столбам бесполезно. Шнура не хватило, чтобы найти следующий, запорожский, на который тогда наткнулся Купцов. Проводов не видно, не всегда даже их трепет-шелест сверху слышен так, чтобы на звуковую лоцию полагаться.

Сматывая шнуры, я подошел к машине и спросил у Звягинцева, чего он тут стоит под ней, что еще надумал.

– Ничего не надумал, не мешай, я с ней разговариваю…

30 декабря

Проложили первый след – нижний слой льда по всему пути передвижения дизеля… Невзрачная ледяная корка, но основа всего последующего. И снег с нее теперь сдувает.

Ползали весь непродолжительный в этих местах световой день... Большая часть времени ушла на расчистку. Впрочем, и с водой были проблемы, водоносы – руки заняты – носы и щеки слегка подморозили. Натирались бальзамом и через ходку менялись. Комфортная работа была только у больного Макаева – он топил в котлах снег для выравнивания ледяной подошвы и заодно прогревал на завтра мерзлый банный сруб. Баня, кажется, будет отличная…

31 декабря

– Мужики, лошадь ржет…

– Тебе по приезду в Кустанай психиатру показаться надо. Вчера ты крик поднял, что я сдурел, сегодня тебе красные конники мерещатся…

В окно постучали кнутом.

Мы вскочили, как образцовая рота.

…Приезжий нас не понимал. Мы его тоже.

– Антон, давай словарь…

– У меня же все книги конфисковали из-за Сталина…

– А словарь им зачем понадобился… В Кустанае казахи владеют русским лучше нас с тобой…

Что правда, то правда – у меня сильный украинский акцент.

Бритоголовый старик, колоритный сухой азиат с восковым лицом и седой жиденькой бородкой, сел с нами пить кипяток.

– Нам-ням у нас жок, – объяснил Беспалько.

– Ия! – ответил аксакал.

Мы вылупили глаза.

– Продолжай дальше, – толкнул Василия плечом Борис.

Беспалько развел руками…

Старик начал чертить кнутовищем условные фигуры по полу и тыкать им туда же: «Орысаул – Тыныштал – Орысаул».

Размахивать своим батогом и жестикулировать ему пришлось довольно долго, пока мы уяснили, что наше подворье есть Русский аул при их Тыныштале. И что зовут его Ибрагим… И что он не просто случайный ездок кобылий… Простирая вдаль свободную от кнутовища руку а затем стуча ею в грудь, он очерчивал не только контуры здешнего пространства, но и каких-то особых в нем полномочий, обещая вернуться…

…Господи, он забирал нас к себе...

Надев огромный малахай, маленький старик уехал на маленькой лошадке в своих маленьких санях. Как они тут эти дороги находят?

– Видение оттудова спасителю нашему дадено, – воздел руки кверху Першин. – Как раз к кризису подоспел…

Баня была великолепная. Изнутри ее стены и потолок из каленого дерева курились фимиамом пряной терпкой смолы. Жгучий дух лета и леса выгонял вместе с обильным потом въевшийся в тело мороз. Веника, жалко, нет… Ну, нет так нет, и не нужно тогда веника: на улицу, в сугроб, в метель с ее ледяной шрапнелью. А от нее ни холодно, ни жарко, лишь покалывание по всему телу легкое. В сугробах метельных с головой барахтаться, что в горячих песках каракумских… Хотя нет, какое может быть сравнение, у нас кровь на морозе играет…

Вот почему собаки в ненастье куражатся… У них кровь тогда кипит… Жить, кажется, с бурлящей кровью надо…

Потом пили чай на тринадцати травах, включая белену и куриную слепоту. На кружку кипятка – чайную ложку микстуры Першина-старшего. Аромат необычайный, на время даже селедочный дух забил…

А в четыре часа за нами на двух санях появились казахи, молодые парни Жумагали и Еркен. Они все в Тынаштале думали, что тут до сих пор никого нет. Тем более что кладовщик Тимур, у них квартировавший, весь цемент еще до снега, якобы по команде свыше, переправил челябинцам. А на самом деле продал и пропал. Теперь его, как известило радио, по заявлению Павловея разыскивает милиция. Даже особые приметы сообщались – горбатый…

Вот таким образом развивались события в мире во время нашего, по существу, в нем отсутствия…

Мы загрузили свой довольно еще тяжелый бочонок с сельдью, спирт и с предвкушением домашней кухни отправились отмечать Новый год. Радовались, как пионеры в поездке на Кремлевскую елку. Пока не узнали, что наши джигиты везут нас прямо в свой половецкий стан…

– А вы нас там не того?.. Не будет финала арии половецкого гостя? Как у князя Игоря?..

– Так мы же его тогда в живых оставили…

* * *

Еркен, правя санями, как усадил меня рядом, так больше от себя и не отпускал. Молодой совсем еще, сплошной пушок по мальчишескому лицу. Оканчивает школу в райцентре Октябрьск, за сто километров отсюда. Мы для него люди из далеких миров. Еле уговорил его перейти на «ты»…

– А я в «Артеке» был в пятом классе. В ваших краях… Там субтропики, море, дельфины… А что от вас так рыбой пахнет?..

Я заметил специфику минусовых температур, запахи на холоде резко усиливаются. И отодвинулся.

– …И вас, геологов, оттуда нашу степь исследовать прислали?

– Еркен, запомни – теперь пока никто никого никуда не посылает, а направляет по желанию. Ты вот вырос уже и пойдешь куда захочешь… А путевки в края ваши обетованные нам достались по блату, последние. Лично для нас выхлопотал их Козыбаев Оразалы Абилович… Для подъема своей тургайской целины. У нас специальности редкие…

– Я знаю его, он наш родственник, и с моим отцом на фронте был. А насчет того, куда захочешь, то не совсем все так. Как раз они вдвоем мне уже запланировали.

– Невесту закалымили?…

– Да нет, – переменил тему Еркен. – У нас – вы, наверное, не знаете – едят, сидя на полу за разостланной скатертью – дастарханом. И, в основном, руками. Стариков, их же не переделаешь… Наоборот, что они сказали, то и закон… Каждый со своим ножичком фамильным, зубам помогает, тут от нашей воды они портятся и выпадают… Зато зубочистки у каждого при себе…

– Что, тоже от отца к сыну переходят?..

– Ну вы даете… В пойме нарезают из арши!.. Ароматные и дезинфицирующие ветки, можжевельник по-вашему… Вы вот лучше запомните: будете рассаживаться – не наступите на скатерть. Это все равно, что на стол ногами…

Ничего мы, конечно же, не знали.

– У вас что, и борща не варят? – спросил Беспалько. – А только то, что руками…

Нам, после голодовки и мороза хотелось густого, в жиринках поверх красного томата, наваристого борща. С ломтями белой квашеной кисло-сладкой капусты, неразваренными картофельными дольками, свекольными палочками и пампушками с чесноком.

– Борщ у нас готовить умеют… Когда есть нечего, варим…

– А ты парень с юмором…

– Ну и вы ведь шутить изволите… Откуда здесь борщ возьмется... В жиринках свиного сала…

Глава пятая

ВЕРСИЯ.

Октябрь, 2003 год.

Слегший в больницу председатель нашей комиссии – известный в городе человек, руководитель важной, но, тем не менее, бюджетной конторы, где все приходы и расходы контролируются властями. Словом, финансовый механизм в его учреждении точно такой же, как и на нашем избирательном участке. Но поскольку государство всегда дает денег меньше, чем на самом деле требуется, то я не знаю, каким образом выходил из положения в своей конторе заболевший председатель. А на нашем избирательном участке, развернутом, как и другие, в здании типовой безденежной средней школы, руководимой Светкой, Светланой Ивановной Купцовой, эта финансовая проблема была сбалансирована за счет включения моей, штатной уже, кандидатуры на должность заместителя председателя.

Рядовой гражданин-избиратель! Если при публичном акте волеизлияния ты видишь праздничный интерьер, стяги и ковры; не трехлитровые, из-под соленых венгерских патиссонов банки с широким горлом, но красивые вазы с живыми, не бутафорскими цветами, то не гордись или, наоборот, не терзайся мыслью, что все это из твоего, налогоплательщика, кармана.

А еще – этого уже избиратель не видит – нужны легковые авто с передвижными урнами. Они часто спасают положение. С их помощью, методом отлова волеизъявителей, как якобы граждан, голосующих в постельном режиме, можно набрать процент явки до установленной законом

нормы. Не доводя дело до повторных выборов. Притом граждане эти, в добром, конечно, здравии, искренне благодарят комиссию за такой жест, ибо кто-то из них забыл, а кому-то некогда… Некоторые голосуют только из сочувствия к нашему неблагодарному занятию, а так на участок в жизнь бы не пошли… А есть и такие, что, прости, господи, обматерят в этот святой для демократии день всю её от и до в нашем лице, несмотря на то, что женщин на передовую посылаем...

И, наконец, деньги нужны на удовлетворение самых первичных потребностей – на завтрак, обед и ужин комиссии, а после опечатывания документов – на основной ужин, с приглашением наблюдателей от различных партий и движений. Они ведь, бедолаги, до самого подведения итогов не евши сидят. Хотя, в случае победы на выборах, весь народ накормить обещают…

За час до открытия участка я провел с комиссией что-то вроде мини-тренинга. Кадры в основном опытные, но есть новички. И некоторые нюансы в процедуру внесены. Взять хотя бы этих наблюдателей. На прошлых выборах они сидели в углу сиротливой троицей, а сейчас заявились аж двенадцать суперактивных... Как, к примеру, и откуда они у нас наблюдать будут? С этим вопросом определились быстро: назначили ответственным преподавателя физкультуры, члена комиссии. Кадр опытный, борец греко-римского стиля, справится...

На кипе офисной бумаги мы отработали процесс подсчета бюллетеней. Они, по десятку, крест-накрест, в процессе предварительного подсчета голосов складываются стопой по каждому кандидату на отведенном месте стола, что обеспечивает визуальный текущий контроль над их числом с точностью до единицы. Что думают по этому поводу остальные члены комиссии – а народ там тоже разношерстный – мне все равно, ибо инструкциям это не противоречит. Но, скорее всего, никаких мыслей и подозрений ни у кого не будет. Сам я займу место во главе стола, мне будут передавать бюллетени, признанные недействительными. Своей подписью я должен удостоверять отнесение их именно в эту категорию.

Я знал, что таковых наберется несколько сотен. Часть из них будет испорчена, а остальные – не тронуты вообще. Есть еще у нас такой народ: идет голосовать – и лишь бы ему идти… А куда и зачем?.. Раньше у некоторых на уме буфет с дефицитной колбасой был, но сейчас голова, слава богу, этим не занята. Ан нет!.. Получил бумагу, опустил в урну и на этом свой гражданский долг исполнил. А ты после них разбирайся, погашай бюллетени… Хотя можно их же для пользы дела пристроить: вместо своей визы об отсутствии там какого-либо результата поставить галочку напротив нужного кандидата. Еще можно на испорченные, неправильно заполненные бюллетени посмотреть, там тоже есть резервы… Кто видит, что ты там черкаешь. Галочка, этот конфессионально нейтральный, в отличие от крестика, официальный пиктографический знак для всякого рода анонимных бумаг, ставится легко, одним движением руки…

Вот так, тщательно изучая поступающий мне материал, и до последнего момента наблюдая за высотой соперничающих стоп, я всегда могу незаметно, но весьма продуктивно вмешаться…

Есть, конечно, много других секретов ремесла… Можно лидирующего кандидата срезать, испортить часть его бюллетеней лишней галочкой, скажем, еще и в графе соперника или «голосую против всех», но это уже… Хотя есть примеры еще более топорной работы, с концами упрятанной в опечатанные мешки…

Как со всем этим бороться? Американской механизацией-компьютеризацией? По радужной оболочке глаз идентификацией? Нет, тогда вообще будет сплошной бардак. У нас путь один – выдвижение в комиссии граждански зрелых и неподкупных людей. Которые лишь в крайнем случае на применение секретного оружия пойдут. Да не из-за своей корысти, а ради тех же избирателей. Как, к примеру, мой товарищ в соседней российской области. Его не подкупишь, он сам кого хочешь… Так они там еле-еле прокатили какого-то местного воротилу, развернувшего небывалой амплитуды PR-кампанию. Вот он подкупил, так подкупил… Все студенческое общежитие на тысячу человек сразу, вместе с персоналом – от сторожа до верхов, причем каждому по сто долларов дал, а сколько коменданту – один бог знает…

Лишь максимальным напряжением сил комиссия смогла ему сделать «до свидания»… И студенты со служащими с приработком остались… Классический пример бескорыстного служения!

* * *

Избиратель потянулся жиденько, но часам к одиннадцати пошел, хоть не плотным, но все же косячком. Господи, как мы запустили с ним работу, как у этих депутатов хватает совести именоваться народными избранниками… На слуху масс лишь несколько запомнившихся неизвестно чем фамилий, массы не знают никаких программ, никаких партий и даже не подозревают о достаточном их наличии, выраженном хотя бы в лице тех же делегированных к нам наблюдателей... У людей куча проблем, элементарных просьб, необходимость в совете. Это же сколько можно собрать голосов, если до выборов со своей командой… Впрочем, у народа много вопросов из разряда «затрудняюсь ответить». Проще с платформой выступить в эфире или голоса скупить…

…Видимо, все же прав был Махно со своим афоризмом. Нет, не «Анархия – мать порядка!» Это не афоризм, это чисто тактический ход и не батькой в оборот запущенный. Хотя ход гроссмейстерский, по нему горбачевская перестройка и все первые постсоветские реформы прошли. Афоризм Махно поглыбистее: «Там, где начинаются партии, там заканчивается народ». Моя бабушка Евдокия Билай (я родом из Гуляй-Поля) в коммуне Нестора Ивановича состояла и эту мысль законспектировала на обложке Нового Завета. В божеские книги всякие цитаты вставлять грешно, но тогда с бумагой напряженка была… Пророчество Махно подтверждается: из несметного когда-то количества партий в цветущих своими народами странах их осталось, как правило, по две. Члены одних – за рулем, члены других из кузова кричат: «Не дрова везете!» Потом те в кузов залазят, на своей заднице ощутить…

А у меня двенадцать наблюдателей от партий, движений, блоков…

С утра начал звонить Купцов, затем из областной комиссии, корреспонденты газет, радио, телевидения. К телефону нужно было идти в отдельную комнату, извиняясь перед очередным избирателем, и скоро я начал отвечать всем в раздраженных тонах. Не поняв, кто на той стороне аппарата, я отбрил было городского главу, а сперва, до него еще, Купцова. Перед этими извинился. Не по долгу службы и дружбы, а потому что они по делу звонили. А остальные просто интересовались. А у нас команда не в полном составе, на разрыв без председателя работаем…

– Не знаю, честно говоря, что делать, – докладывал Иван. – Ты, при таком своем положении и возможностях, спихнул все на меня… А там домашний телефон на автоответчике, как попугай: «Оставьте свое сообщение после гудка»… Оставил уже с десяток… Звонил даже на его мобильник, а оттуда: «Абонент вне зоны досягаемости». Понятно, они с хозяином в иных сферах уже обитают… Всем нашим я сообщил, сказал: сидеть и ждать указаний. А сам ничего сообразить не могу – труп в морге, никто не объявляется…

– А экспертиза что говорит?

– Там тоже хрен разберешься, притом в выходные дни. Уже, понимаешь, версию выдвигают, что и разборок будто бы никаких не было и что не стрелял никто вообще, а, мол, водитель на скорости опрокинулся и сгорел. Вроде баки все по горловины заправлены были…

– А насчет водителя?

– Насчет водителя вот что. Машина, под дулом или нет, но перевернулась. Вывалились не только, как я говорил, бумаги, но и какие-то документы Бориса.

– В общем, занимайся пока сам. Что нужно будет – придешь голосовать, обговорим. Я тут пока без нашего местоблюстителя зашился. И жена твоя ручкой сделала… На кандидата нашего здесь, знаешь, какой накат идет за речь его хамелеонскую? Хорошо, что мало кто слышал…

– А мы же прокатить его собирались?

– Хватит шутить…

– Вот именно… Давай, тащи, а при встрече мы его ориентацию выправим. В традиционном направлении.

Появился Иван с супругой лишь под конец голосования, без всяких вразумительных вестей. Поэтому начал анализировать ситуацию в Казахстане сравнительно с республиками бывших братьев. Это у него хобби.

– Вот ты мне тут, при урне, объясни. В России олигархизм, на Украине у нас там таки анархизм, в Белоруссии анахронизм, а здесь, у нас, официально посткоммунизм...

– Его ни одна система не устраивала, – сказала мне Светлана Ивановна. – Вот Борис, прими, господи, душу его, и там при деле будет, ему даже тюрьма на пользу обратилась. Он вам еще в пример являться будет, подождите... А таким, как Иван, ничего никогда не подходит... Из-за таких и возникают короткие замыкания, а потом подай им быстро свет...

У нас к тому моменту был нужный процент явки избирателей. Машинам, конечно, пришлось поколесить…

Ко времени подсчета бюллетеней в сопровождении человека от избиркома и гражданина в штатском прибыл какой-то заграничный эмиссар.

– Я ест эвропейски наблудател…

Всех наблюдателей мы усадили на стулья по периметру помещения и посоветовали нашим брать пример с европейца. Чтобы преподавателю физкультуры меньше работы было. Потому что наши своего места не знают и сами готовы усесться за стол вместо членов комиссии.

Мелкую оплошность я все же допустил: испорченные и недействительные бюллетени при сортировке и раскладке передавались заместителю директора школы, из вчерашних молодых учителей. В комиссии она, по неизвестным мне причинам, заменила «завсегдатая» Купцову, хотя что тут гадать: ротация кадров у нас происходит, если кому-то удается найти уважительную причину для корректного самоотвода... Эльмира Тимуровна, так звали новую, порциями приносила мне отобранные бумаги и садилась рядом, пока я не отправил ее обратно за общий стол… Коллегиально соучаствовать в погашении собиралась, что ли…

Мы составляли протокол под бдительным надзором чертовой дюжины наблюдателей: доморощенных и одного заезжего.

– У нас почти нет недействительных бюллетеней, – тихо сообщила мне заместитель директора. – А ведь были…

– Вы плохо смотрели, – сделал я ей громкое замечание.

– Но это же неэтично...

– Сядьте для конфиденциальности ближе… А зачем вам нужен тот столичный кандидат? Почему он у себя не баллотировался? Потому, что его там знают, как облупленного? И нечего бизнесмену корячиться на два фронта, ему просто нужна депутатская неприкосновенность, чтобы уйти от ответственности. По закону, при депутатстве с бизнесом ему придется завязать, и он сделает вид, все на жену перепишет. А жена киллера наймет… Нам с вами, как говорят евреи, это надо?

– Зачем вы все это рассказываете мне сейчас? А не всем, громко, вслух и накануне. По крайней мере, было бы честно…

– А этого нам, комиссии, как раз и нельзя… Но выборы есть борьба за власть. Вот вы за какую сегодня власть боролись?

– Как я понимаю, мы интересы народа представляем…

– Народ вы имеете в виду, полагаю, казахстанский? Он и победил, из иностранцев у нас здесь только нейтральный наблюдатель сидит, а вокруг – одни наши борцы. Наш нормальный народ проголосовал до обеда, а затем я полтонны дорогого бензина сжег в поисках остального, тоже нормального народа, чтобы ему повторные выборы не пришлось финансировать из своего скудного кошелька... Но которому абсолютно все равно, кто там, в палатах, сидеть будет. А нам ведь не все равно?.. Но это теоретическая часть, заложенная в избирательные законы, а как человек я вам, Эльмира Тимуровна, будто на исповеди скажу: этому столичному просто не повезло. Победивший его кандидат – мой давний друг, и пусть меня простят, я не могу иначе... Готовьте лучше стол, у нас есть прекрасное крымское шампанское. Вы пили шампанское из царских погребов? Нет? А я в ваши годы пил только его…

– В самих погребах?..

– Да нет, в Тургае…

– Все равно, надо таких одолевать честно и гласно…

– Да гласность еще будет, погодите…

Мы пригласили всех на традиционный чай с устатку.

– Эльмира Тимуровна, всё теперь тут ложится на вас… Пока гости разомнутся, пока в туалет, пока руки помоют, мы за это время сдадим бюллетени в избирком и вернемся.

«Эвропейски наблудател» крепко пожал всем руки, поблагодарил за службу, за любезное приглашение и удалился вместе с парой своих ординарцев.

А мы, по приезде, со своими наблюдателями в неофициальной обстановке по-человечески посидели и конструктивно обсудили вопросы дальнейшего совершенствования выборов как основного механизма демократии. Ничего нового, кстати, предложено не было, кроме свежей идеи, поданной кем-то в разгар застолья: повсеместно учреждать комиссии исключительно из европейских наблюдателей.

* * *

...Еркен позвонил мне по мобильному телефону.

– Что сообщишь о Борисе? А потом обо мне? Ты еще при исполнении?

– О Борисе ничего нового, будь до выяснения на связи. А сам ты нам работенки поддал языком своим… Дипломатическим… Не могу говорить... Я, да, при исполнении... За столом я, при народе, ты понял?.. Без окон, без дверей, полна горница людей. Чужих… Короче, обнимаю…

– Понял я, чего ты там расходился… Я сразу же после эфира понял… Куча звонков была, я их на пленку записал и своих пиарщиков усадил переписывать всё каллиграфически на бумагу. Учить уроки… Мы же на них полагаемся, я по заграницам больше сижу…

Я ушел с трубкой в другой кабинет:

– Да гони ты их в шею, где ты таких набрал… Они же тебя подставили. Разве можно держать людей, которые твоими устами свою демагогию озвучивают... А если еще и чью-то чужую, тогда…

– Антон, хватит… Тебе, между прочим, тоже не нужно было диссертацию выбрасывать. Нельзя информационное поле уступать. Как будто нам самим, кроме щелкоперов этих, нечего сказать… Как по другим участкам, если известно?.. А это бросим в копилку опыта…

– Диссертации об историческом значении чего-либо нужно писать тогда, когда это значение нужно будет ради истины, а не для политики. История есть документальная хроника, а политика – ее изложение в личных целях. Ну, ладно, давай о копилке. Мусорным контейнером называется. Не пора ли вам туда закон о выборах выбросить? Что вы все американцев копируете? Они декларации на заре принимали, когда еще и граждан, как таковых, не было. Пришли на выборы – стали гражданами, проголосовали – стала страна… Такую страну отстояли, обустроили, процветает… Им самим теперь уже тот закон серьезно подправить следовало бы, но он свое дело сделал и плетется по инерции. А мы, не сути, но формы ради, своих граждан заманиваем, подкупаем, вылавливаем. И процветать хотим...

– Думаем, старик, над этим, думаем… Общая проблема всей мировой демократии…

– Да переписываете вы… Перепишите тогда у греков, как- никак колыбель демократии. Там на выборы не пришел – не гражданин, зачем ты и кому такой красивый нужен… Тебе – дай то, подай это, выучи детей, обеспечь пособием, дорогу построй, а ты, рыло поросячье, пройтись по ней ленишься, игнорируешь демонстративно… А если голосовали бы граждане!.. И мухлевки не было бы…

– У тебя всё?..

– В отношении граждан – всё! А что касается вас, то вам граждан этих, социально активных, размножать надо. А у вас курс на экономически шустрых: купи-продай... Вы и сами в их ряды записались, притом сверху всего сословия… Но это не курс, вы естественное выживание за плод титанической деятельности выдаете... Они, граждане эти, тоже, кстати, вас не знают, зачем вы им сдались. Они сами по себе, без вас выжили, хотя вы им мешали всячески... Им границы на замке, мытари да таможни всякие поперек горла... Вот такой у нас теперь электорат, и вы ему абсолютно не нужны... В смысле персоналий – людям не важно, кто кресла, уже бюджетом оплаченные, займет. Это мы вот сидим, за страну думаем… Чтобы там меньше было тех, кому закон менять пока слабо, кому пока по инерции лучше…

– Да ладно тебе, завёлся… Не всё у нас еще так... И в колыбели демократии не всё еще так... За уклонение от выборов упечь в Греции могут, за бизнес в храме... Но не совсем там всё так…

– А вы сделайте совсем так! Нет, не так, вы лучше сделайте, государство у нас барсом вздыбилось... На картинке пока, но способно ведь, мы с тобою истинный потенциал его с самих низов знаем... Ну, ладно, тут меньше слов, больше дела… Отвечаю на твой вопрос насчет других

участков: нам известно всё! Это вам ничего не известно, вы еще долго в неведении томиться будете. А наш брат протоколы вместе в городскую комиссию сдает. Мнениями обмениваемся на ходу… Можешь салютовать шампанским. Ты располагаешь крымским шампанским?

– А как же! Между прочим, три бутылки еще из Тынышталa держу. Только по величайшим событиям…

– Господи, это же сколько ему лет…

Глава шестая

ТЫНЫШТАЛ.

Новый, 1962 год.

…Тынышталл… Тихая заводь, вроде бы, в примерном переводе… С высокой кручи в обозе Жумагали и Еркена мы нырнули в их аул – небольшое поселение из одной улицы в низине, заваленной снегами. Тут затишек: хотя и метет, но белый свет виден. Попутные опоры с обесточенными электрическими проводами служат пока что верстовыми столбами и главной достопримечательностью здешнего ландшафта... Деревьев нет вообще, в небо ничего более не устремлено.

Встречал нас Ибрагим. Откуда-то появилась шумная ватага детишек. Мы начали разгружаться. Старик обрадовался селедке. Хоть нам она и надоела дальше некуда, но по тем временам это был все-таки дефицит… Тогда многое в этом разряде пребывало…

– Нам ее года два не завозили, – переводил Еркен. Он, оказывается, внук Ибрагима, но по здешней традиции считается как бы его сыном и даже на него записан… Мы не поняли смысла таких генеалогических маневров, но это, как говорится, не нашего ума дело…

– Ребята, – попросили мы своих извозчиков, – скажите хозяевам, чтобы селедку к столу не подавали… Если, конечно, не будет вопросов…

Еркен перевел. Дед утвердительно закивал головой…

– Да, он говорит, что оставит на завтра, под чай…

– А можно, когда мы уедем отсюда. Если дед поймет, скажи, что у нас на нее аллергия…

Старик нас понял. Ответил, что при таком снабжении ни у кого тут никакой аллергии никогда не будет, и спросил, может ли он рыбу поделить на весь аул…

– Это самый лучший на данный момент вариант…

Ватага исчезла.

– Дед послал гонцов по домам сообщить насчет селедки, – объяснил Еркен. – Почти ко всем гости из городов понаехали, к столу не помешает. И для зубов полезно…

Мы облегченно вздохнули.

Того, что в жаркой просторной комнате было навалено на внушительных размеров дастархан, мы не видели отродясь. Баурсаки, батончики розоватого овечьего и шарики белого коровьего курта, деликатесы из конины, густой – не провернуть ложкой – каймак, чай, заваренный в выпаренном молоке, айран, местная халва с наполнителем из проса. Это единственная культура, которую возделывают здесь на поливных пойменных землях.

Неспешно прибывали и рассаживались по сторонам местные. Знакомились с нами и принимались с морозца за горячий чай со снедью вприкуску…

– Вы лишь пробуйте слегка, не налегайте, – тихонько предупредил нас Еркен. – Бешбармак скоро подадут, его начинают готовить по приезде гостей, а мясо варится два часа…

Пьянящие запахи уже давно доносились из кухни. До сих пор о существовании этого блюда никто из нас не ведал, как говорят, ни сном ни духом. Тем более, в его праздничном, по полному раскладу, варианте.

Знаете ли вы казахский бешбармак?

Примерно так спрашивал малоросс Гоголь насчет украинской ночи у россиян. И, ничего о ней не ведающим, отвечал популярно...

Не знаете вы казахского бешбармака!

Спорить о вкусах с горячими почитателями душистого, ароматного, тем же Гоголем упоминаемого наваристого украинского борща мы не будем. Это блюда совершенно разных категорий, церемониалов приема добытой в поте лица пищи, а также способов мобилизации организма в неодинаковых условиях обитания… Словом, как говорил один казахстанский хохол по поводу такого рода сравнений, – не надо путать, хлопцы, брынзу с сыром…

Бешбармак! Это скирда сваренных в густом бульоне тонких, сочных, не слипающихся лепешек на глубоком, с полметра в диаметре, из старой утвари блюде. Тут же, при нас, на него сверху горкой нарезали ломтиками всех мыслимых видов и сортов горячее мясо: свежее, вяленое и в колбасе, казы и карту, бросали колобки тающего, не застывающего конского жира. И поливали наваром с крупными кольцами томленого лука и черным перцем. Затем под руку вам поставят большую пиалу прозрачной сорпы, слитой после варки мяса. Она лишь слегка замутнена внизу белизной толченого курта для кислинки…

Такое кушанье в доме Ибрагима было подано на двух медных подносах сразу.

Нам снова принесли теплую воду в высоких кувшинах и полотенца. Затем старый Ибрагим, держа ладони перед собой, произнес какое-то заклинание, на которое все таким же образом откликнулись, после чего поворошил длинным, похожим на узкую деревянную ложку половником со дна посуды национальное кулинарное сооружение, попробовал его и предоставил слово человеку в черном костюме. Это был его сын, отец Еркена, Валихан. Председатель здешнего колхоза и, судя по наградам на обоих лацканах, фронтовик…

– Слово у нас есть основная часть ритуала, – начал, почти без акцента и грамотно строя речь, председатель. – Но я скажу коротко: лично я провожаю сегодня год, ставший после Победы сорок пятого в моей жизни самым важным. Мы боялись, что целинная кампания Тургай обойдет. Мы ездили с расчетами в Алма-Ату и Москву, нас принимал Хрущев лично… Это был год еще одной нашей с Козыбаевым победы, степь тургайскую надо пахать и преображать. Наши дети уже так жить и работать не хотят, а мы с аксакалами за ними в города не угонимся, землю свою не покинем… Предлагаю достойно проводить этот год, поблагодарить прибывших на подмогу друзей наших и, поскольку они голодные, отец мой Ибрагим предлагает мне закругляться и начинать трапезу… За целинную степь!

…Это, как сейчас помню, было в восемь часов вечера. Мы постигали древний метод поедания сочного, подтопленного в густой сорпе блюда руками – брали щепоткой ломтики теста и на весу ловили его ртом. Казахи никаких инструкций не давали – голодных есть не учат, – а сами ловко, как ложкой, орудовали сложенной в совочек ладонью, подавая затем себе с нее почерпнутое одним движением большого пальца... В восемь часов пятнадцать минут мы полностью освоили манеры хозяев.

Прибывали новые гости и вытесняли из-за дастархана молодежь. Впрочем, люди помоложе по каким-то неписанным правилам сами уступали свое место старшим, и вскоре мы оказались в кругу солидных аксакалов, в большинстве фронтовиков. Интересно для небольшого аула…

Мы долго отвечали на расспросы: кто откуда, каких фамилий и специальностей… Странно распорядилась судьбами война – одни прошли с боями там, где мы родились, у других однополчане из числа отцов наших… Мы поняли, что вот эти люди и есть революционное поколение, грамотное, многое повидавшее, решившееся склонить верховные власти на кардинальные перемены… В первоначальные планы освоения целины тургайские тюльпанные степи не входили.

…Пришло время Еркена уступить свое место. Тем более что он, как я заметил, уже давно куда-то собирался.

– Я схожу на разведку в клуб, – сообщил он мне по секрету – а потом приду за тобой, там вся молодежь. Вот те куски жира конского видишь? Смотри, пока я ходить буду, дед начнет раздавать их прямо руками в рот… Такой обычай называется «асату»… Так ты можешь свободно отказаться. Ребром ладони по горлу: мол, большой рахмат, дедушка, но уже некуда… Мы так делаем…

А мы, жертвы затянувшегося надолго рыбного дня, на самом деле наелись по эту, у самого горла черту, под завязку… Всем нам подсунули под бока подушки, под какой-нибудь очередной тост или новогодние здравицы мы, как кисейные барышни, вяло и нехотя закусывали…

Откуда-то появился молодой, с тонкими, словно у девушки, чертами лица джигит с домброй и начал наигрывать те самые мелодии, которые мы слышали у своего столба… Причем, когда он начинал, даже старшие почтительно умолкали… Оказывается, слова каждой песни парень сочиняет экспромтом, на ходу, восхваляя присутствующих, подтрунивая над кем-то из отсутствующих и даже пересказывая последние новости степи. Вот почему так много песен по местному радио… Судя по ритму напева и одобрительным восклицаниям слушателей, расторопный, шустрый на язык музыкант был профессионалом и имел, скорее всего, массу домашних заготовок. Один из кюев, этих своих искусных наигрышей, исполнитель посвятил нам. Объявил и объяснил коротко, что собирается воспеть.

– Кюй назваться будет высокопарно, почти как у Абая: «Да будет свет!», – сообщил автор. – Но речь пойдет о прозе жизни – доколе мы сидеть будем при этих коптящих каганцах. Электричество – это не только кровь в жилах мощных машин, это не просто свет, это сияние другого мира – мира знаний и прогресса, он манит и зовет нас к себе… Это освещенная дорога к слепящим вершинам будущего. И вот среди нас появись славные украинские батыры, укротившие дома древний Славутич, воздвигшие Днепрогес, и отныне вся надежда наша на них… То есть на вас…Позвольте исполнить?..

Мы, куда деваться, позволили. Но почесали затылки… Вот это и есть великая сила искусства. Сочинит он про нас свой кюй, и мы как бы оказываемся в долгу перед человечеством… А ведь мы можем, как те самые батыры, преподнести им сюрприз, о котором они не подозревают… И что, действительно, у них за жизнь без электричества. За полмесяца мы почувствовали все ее прелести на себе…

Посвящение нам было исполнено виртуозно. Автор жонглировал домброй, как хотел, крутил ее вокруг оси и вращал вокруг тела. Инструмент то исчезал у него за спиной, то появлялся оттуда или из-за плеча уже с противоположной стороны... Но изумительно – при всем при этом ни песня, ни аккомпанемент не прерывались. Тонкими пальцами той руки, которая на миг принимала легкий инструмент, музыкант каким-то образом умудрялся на лету извлекать звуки струн, перебирать лады, да к тому же, подмигивая, петь…

– Я слышал, что за такие дела можно деньгами благодарить, – спросил после аплодисментов Вишняков.

Сэкономленных при скудном образе жизни денег у нас было много, и мы щедро вознаградили степного самородка. Темирхан, так звали его.

…Сзади подобрался Еркен:

– Там такие классные танцы… Раньше хозяев вставать из-за стола нельзя, но даже тогда всех вас вместе отсюда не отпустят ни за что… Я подам деду знак, и мы сходим с тобой…

– Асату! – сказал дед, уловив знак. Его внук или сын Еркен чиркнул ладонью по кадыку: – Рахмет!

Аксакал вопросительно взглянул на меня. Я кивнул головой… Председатель Валихан что-то шепнул отцу, может, хотел отговорить его от неизвестного европейцам обряда, но старый Ибрагим только махнул рукой. Он снял халат и остался в белой косоворотке, белых шароварах, совсем сухой и маленький. А ведь это он по бурану на лошади нас нашел… Ему подали полотенце…

– Ты не жуй, а сразу глотай, – шептал сзади Еркен.

Ибрагим вытер руки и на своей узкой ладони совочком поднес мне ко рту небольшой кусок жира и большим пальцем подтолкнул. Я глотнул… И все дела, лишь сладковатый привкус во рту остался. Мы были свободны. Дед напутствовал нас вослед…

– Что он говорит?

– Да он меня ругает… Я говорил ему, что асату городские ни за что не возьмут…

В приземистом и длинном глинобитном клубе собралось много молодежи. Темирхан был уже тут как тут, играл и пел на домбре «Амурские волны» для танцующих.

– Из городов на праздник понаехали, – объяснил Еркен. – Потом снова одни аксакалы да дети останутся…

– А как они по непогоде добрались? Наш Павловей со своим обозом в Кустанае на полмесяца застрял…

– Это в каждом случае отдельная история. Я, к примеру, до буранов приехал… Большинство тоже…

1 января 1962 года

Часа в два ночи нас потчевали чаем. Местные гости Ибрагима пили этот, благоговейный здесь напиток подчеркнуто церемониально. Сделав глоток из мелко наполненной пиалы, каждый из них блаженно, нараспев выдыхал: ш-а-а-а-а-й, и ему тут же доливали из горячего чайника. Перенимать манеру было бесполезно, мы напились по-своему и, поблагодарив приветливых и щедрых хозяев, отправились в соседний дом на ночлег. С нами было еще несколько приезжих молодых джигитов с шампанским. Спать легли утром, даже не заметив, что многодневная метель утихла совсем. А к обеду, по законам всякого скопления людей, «жаворонки» начали мешать спать «совам», пошла возня и состоялся всеобщий подъем.

…И впервые мы, без привычной снежной пелены, могли окинуть взором места своего пребывания. Под низко висящим, большим ярким солнцем к востоку расстилалась гигантская, сливающаяся где-то там, на горизонте с синим небом, божественно белая равнина. Ни скотины, ни зверя, ни птицы… Ни лесочка, ни пригорка, ни темнеющего откосом буерака… Весьма символически, предвещая грядущие перемены, оживляла арктическое безмолвие холодной степи индустриальная цепочка столбов, взбирающаяся по пригорку туда, к нам, на запад. Пригорок подрезала пойма реки, она полосою торчащего над снегом камыша извилиной уходила вдаль. Самого аула вокруг нас почти не видно, только сизые струйки сизых кизячных дымов из-за холмиков-сугробов. По ним, натаптывая свежие тропки, кое-где мельтешили люди. Ничто здесь не изменилось после стихии, никто ничего не расчищал, не копошился, не суетился, как не суетятся в наших местах жители после дождика в четверг… Никого страшные продолжительные бураны не выбивают из колеи, люди со стихией не состязаются, они знают, что мудро ее пересидят. Останутся целыми, и скот свой сохранят. Хоть погода, хоть непогода, хоть вчера, хоть сегодня – его нужно накормить-напоить… Поэтому и кормили, и поили… От волков охраняли... Лично свой скот и остальной – в колхозных кошарах.

На легковых санях, в одну лошадиную силу запряженного серого жеребца, за которыми катился горох мелкой пацанвы, вернулся председатель. На сугробе вровень с крышей своей династической хаты он что-то живо обсуждал с дедом, и Еркен направился к ним… Снизу появилась жена Ибрагима с подносом и скинула с него горстями прямо на снег какие-то новогодние сладости детской ватаге.

– Давайте мы вам двор вместо физзарядки расчистим, – крикнул Звягинцев. – Еркен, неси лопаты…

Валихан Ибрагимович перешел на наши сугробы и открыл пачку дорогих папирос «Герцеговина Флор».

– Сталин такие курил, угощайтесь…

Мы угостились, и в коробке почти ничего не осталось.

– Извините, но мы на махре сидим…

– А мы это дело поправим, у нас в магазине курево есть. Сталин уже откурился, а нам с вами пока хватит.

– У вас много скота в хозяйстве? – спросил потомственный знаток отрасли, сын ветеринара Першин.

– Давайте мы лучше «Интернационал», гимн коммунистов мира, споем по случаю вступления в новый год. Или вы слов не знаете?

– Подпоем, если что, начинайте, – согласился Трегуб. Он в хоре флотилии пел.

– Слова там такие – «владыкой мира будет труд». И поем мы, не уточняя качество труда. Рутинный ручной, не дающий количества, у нас владыка уже давно, его надо не в мир нести, а наоборот – вперед ногами выносить. Потому и немощные мы здесь. Тысяча овец, пятьсот коров, сто лошадей. Свыше трети всего – в личных подворьях. Дальше поголовье увеличивать нельзя… Ни механизации, ни фуража, ни даже силоса-сенажа. Как ты его в такие бураны полгода прокормишь?..

– А я вот честь имел, – кашлянул Борис, – некоторое время в Саратове проживать… Так там ведь легенды ходят о несметных стадах в заволжских степях...

– Насчет несметных – не знаю… А, между прочим, то же самое говорил нам Хрущев. Агитировал нас тут второй Техас организовать. Молодец, сам нас в Москву позвал, а так бы мы до сих пор в ходоках состояли. Доказали мы ему всю пользу создания здесь фуражной базы. Между прочим, Никита Сергеевич поначалу насчет Тургая упрямился, но ведь наши прерии совсем не в американских широтах, и скот там не на одной траве держат...

– Все равно скота раньше много было, мне дед рассказывал, – вроде как в пику заметил Еркен. В пику и ответ получил:

– Когда до дедовских лет, слава Аллаху, доживешь, то тоже будешь много кое-кому рассказывать. Потом постепенно во все сам поверишь... Я Хрущева агитировал, между прочим, и на твое будущее, и на дедово прошлое ссылаясь...

– Он вас зовет,– сказал Борис председателю.

Легкий на помине Ибрагим со своего подворья что-то кричал и махал руками в нашу сторону.

– Ругается, когда я курю, да еще при молодежи, – покорно затоптал окурок сын. – Да и врачи мне после лечения не рекомендуют… А еще дед говорит, чтобы вы сегодня, когда развиднелось, к себе по столбам не убежали. Мы вас сами отвезем завтра… И насчет станции подумайте. Весной, как только сойдет снег, начнем степь пахать и сеять. Двадцать тысяч гектаров с нуля!.. Надо монтировать механизированный ток, погрузчики, нефтебазу, пилораму… А без электричества, как вам наш акын пел, и как тот акын-водовоз в кино поет – и ни туды, и ни сюды…

– Похоже, ссылаться на себя дед вас принуждает, – заметил Беспалько. – А вы что, с Хрущевым один на один?

– Нет, мы втроем на одного. Впрочем, с ним еще Шевченко был, аграрный советник. Нас поддерживал, вроде бы сам из села… А сказали мы им следующее. Скот у нас в степи – всё национальное богатство. И текущий, и неприкосновенный запас, и валютный резерв, и основные и оборотные фонды… Если за зеленой травкой с юга на север кочевать, а на зиму – в укрытые поймы, то поголовье прирастить можно. Правда, до какой-нибудь первой стихии: засухи, джута или мора… Но те же ковбои по Америке не кочуют. И у нас никто уже не хочет... Вы в клубе вчера были, видели, чего они там хотят… И это нормально, мой отец откочевался за них. Вперед на всю оставшуюся жизнь. Кстати, низина, где мы сейчас стоим, исконное наше зимовье в урочище. Это наш тысячелетний, так сказать, Кремль, а всё вокруг – наша Красная площадь… Думаете, куда аксакал ездил, когда на вас наткнулся? По урочищу вдоль да поперек, посмотреть, не забился ли куда в непогоду чей-нибудь скот. Всю жизнь на высшей должности прослужил. Чабаном…

– Так, а сам «У-2», Никита Сергеич, что ли, правда, малограмотный?.. За спинами, при Шевченках сидит?..

Хрущева кличкой «У-2» прозвали в честь марки самолета, именуемого в народе «кукурузником». За фанатизм в повсеместном насаждении этой культуры.

...Председатель посмотрел на свое подворье – отца там уже не было – и достал еще одну, из оставшихся, папиросу...

– Вы еще молодые, не знаю, как объяснить эти материи... Пророк наш, лицо, как вам известно, реальное, ни царем, ни богом земным себя не объявил. Нами же правили посмертно, по гроб жизни своей, цари и земные боги. Мудрейшие из мудрейших... А зароют – оказывается, зря молились... А сколько закланий было во имя... Сейчас пришел нормальный человек, может быть, такой, как мы с вами. Или, может, такой, как американский президент... Там ведь тоже попадались люди всякие – и Вашингтоны, и так себе, но свои, из граждан! К тому же у них ведь:

пришел – ушел, пришел – ушел, и получается нормальная, усредненная линия руководства... С Хрущева, может быть, и у нас образуется усредненная, нормальная линия руководства. Пожалуй, выше среднего уровня. Смог же Никита Сергеевич начать с принципиального осуждения культа, а это мужественная программа – отвечай за все не как бог, а как делегированное лицо... Шараханьями его реформы я бы не называл. Реформы бывают либо удачными, либо неудачными, но их кому-то надо делать. Вот он и проявляет инициативу, а ее у него – через край... А вы что, бога опять хотите?..

– Нет, бога – ну его... Просто многие говорят, что Хрущев – дилетант.

– О, видимо, это говорят не дилетанты!.. Жаль только, что о них самих никто ничего не говорит. Вообще!

Во дворе появился дед Ибрагим. Председатель спрятал в рукав папиросу.

– А за кукурузу Хрущеву памятник поставить надо, – сказал он, собираясь.

– Ну, мы, строители, в землепашестве не волокём, – пояснил Першин.

– А чего тут волочь – или хилая былинка с плевелами тянется, или оглобля целая с початками прет...

И Валихан Ибрагимович уехал, а мы пошли чистить двор. Отец его, однако, не разрешил делать дурную работу. Степь научила его всем тонкостям ремесла выживания и мудрому умению экономить силы.

– Снег по весне растает сам, – перевел его предсказание Еркен. – И вы увидите, как вся степь зацветет после Наурыза тюльпанами…

– А отец твой их трактором, дыр-дыр… А какое у него образование? – спросил я.

– Техникум сельскохозяйственный до войны, – ответил Еркен.

– Техникум до войны – это очень круто, это академия… Мой отец тоже техникум до войны окончил, а послевоенные институтские учителя к нему бегают задачку на очередной урок решить, чтобы самим потом школьникам объяснять…

– Так мой, знаешь, сколько еще курсов всяких прошел? Последние годы – по месяцу в Москве. Может, перепашут все-таки эти тюльпаны...

Специально для нас открыли запертый на праздники магазин. И здесь тоже, как на Узкой колее, всё для целины. Курево на выбор: сталинские папиросы, сигары «Север», правда, подопревшие, и даже неизвестные нам болгарские сигареты «Пчелка». Их мы и закупили, восхищаясь медвяным духом и рекламой на пачке: «Это пакет содержит двадцать круглых, ароматизированных, соусированных и трижды обеспыленных сигарет».

– Поняли, – спросил Беспалько, – что они тут курят?

Кроме престижных табаков, в боковой подсобке египетской пирамидой возвышалось марочное крымское шампанское, и мы взяли про запас три его картонных – по четыре бутылки в каждой – коробки. Для встречи теперь уже православного Рождества и старого Нового года. Купили ящик конфет детворе – она нас сопровождает везде. Ожидает на крыльце, в магазине все не втиснулись…

– Детей у вас любят, – заметил Беспалько продавцу. – Видно по их плотности на душу населения… И по отношению…

– А как не любить, – ответила Майра. – До четвертого класса, и вся любовь… Потом интернат… И в дальний путь, на долгие года…

Майра смахнула слезу…

– Что-то случилось?

– Да нет, ничего… до буранов не успели забрать своего на каникулы, остался у деда в Октябрьске. Теперь уже до лета…

Раздачу гостинцев устроили на крыльце… Конфеты огромные, в ярких знакомых фантиках.

– Конфеты «Кіт у чоботях» нашей запорожской кондитерской фабрики, – объявил я продавцу и всем своим. Детям было все равно, чей кот, главное – конфеты-великаны, с вафельной начинкой в шоколаде! За родину не стыдно…

Детям все равно, а у меня сердце заныло. Я жил неподалеку от фабрики. Улицы с вековыми дубами, их большие осенние листья под ногами… Они долго осыпаются в мягкой приднепровской

мгле… Там у меня осталось все – детство, школа, футбол, друзья, родители. Здесь пока почти ничего… Кроме азиатских впечатлений. Ну и бог с ним. Будет что вспомнить…

Затем мы сходили в клуб, на дневные танцы под домбру и баян, перезнакомились с местными кадрами. Большинство – студенты из Кустаная. Обменивались адресами.

На ужин был бешбармак, и мне как начальству по политической части – комсомол тогда гремел авторитетом – преподнесли баранью голову на блюде. Я начал соображать, с какой стороны к ней подступиться, но Еркен подсказал:

– Надрежь и передай мне…

– А зачем ее мне тогда церемониально вручили?

– Символически, как высокому гостю… Ты что, отужинать черепной коробкой собрался?

Вечером появились наши друзья по ночлегу, и вновь – мы теперь поняли почему – с марочным крымским, которое после водки пилось за милую душу… Потом мы сделали ответный жест…

Глава седьмая

СТРАНА
СТЕПНЫХ ТЮЛЬПАНОВ.

1962 год.

Над Азией – весенние туманы,
И яркие до ужаса тюльпаны,
Ковром заткали много сотен миль.
Анна Ахматова

2 января

Утром нас еле поставили на ноги и препроводили в подъехавший обоз. Пиная пустые коробки из-под вина, председатель назидательно говорил:

– Шампанское с водкой – это каратэ…

Мы возлежали телами на двух санях. Еще на двух находилась провизия в большом ассортименте: каждая семья чем-нибудь отблагодарила нас за атлантическую сельдь. И сверх того надавали…

– Першин, организуй легкое похмелье, – попросил Борис по возвращению к своему задубевшему очагу. – Ты смотри, какая штука коварная это шампанское безобидное… Еле вползли… И башка чугунная…

– Так по ведру выпили… Откуда эти подстрекатели взялись…

– Я уже обыскал все, – доложил Беспалько, разжигая плиту. – Ничего не организуем. Спирт мы увезли весь туда, а шампанское оттуда не довезли. Нашатырь есть, нам аптечку дали. Кому совсем невмочь – есть обобществленный флакон огуречного лосьона…

– Лучше бы рассола…

– Надо организовать обратный поход в магазин по столбам…

Охотников, а скорее – дееспособных, не нашлось. К тому же снова просить продавца на праздники неудобно. Нам и так открыли вчера в виде исключения…

– А ты тщательно искал? – переспросил у Беспалько Борис.

– Конечно… Бутылка – это же не иголка…

– Я имел ввиду, что, могло быть, аульные где-нибудь бутылочку чего-нибудь вместе с аптечкой подложили…

– Не практикуется, видать, здесь такое. Перещупали всё, что привезли…

Першин листал свою записную книжку:

– Ну и денек, ядрена Матрена… Выпить нечего. Но, главное, не за что… Ни одной красной даты почему-то не значится…

– Так ты же говорил, что день рождения отца твоего второго января, – удивился Борис. – Еще звонить откуда-то собирался... Я почему запомнил, потому что сам насчет телефона узнавал. Можно было бы в институт позвонить, но из Тыныштала на межгород выхода нет. Теоретически есть, но чуть ли не за неделю заказывать надо…

– …Вот это допился, мужики, – долго соображая, произнес наконец Першин. – Конечно же, день рождения отца… У меня это число календаря ничем не засорено специально… Так-так, ладно, черт побери, как же это я…

Он сокрушался сидя, обхватив голову руками. Думали – с похмелья… Но нет, оказывается, позу мыслителя принял…

– Сесть всем за стол! – внезапно скомандовал он…

…Ай да Першин! Ай да Витек! Припас все-таки заначку! Ему простилось даже то, что он так долго всех мурыжил. Ну, запамятовал человек, дописался до того, что сам же и запутался…

И все, кто до этого вяленой воблой выглядел, мигом уселись за стол… Кроме меня, Вишнякова и Шевца. Нас поташнивало, мы лежачие.

И Першин торжественно выставил на стол четвертной бутыль отцовского бальзама…

– Ты что, – после продолжительной паузы спросил Борис, – этим своим крысидом нас отхаживать собираешься?..

Минут за пятнадцать оставшиеся за столом Першин, Купцов, Беспалько и Заболотный восстановились настолько, что начали громко чавкать жирным конским салом. А затем, тарахтя конфорками заполыхавшей жаром печи, стали заваривать плиточный чай, обнаруженный среди прочих продуктов, и бодро зазывать в свою компанию остальных. За здравие и многие лета Першина-старшего...

Когда все ходячие вновь были за столом, они принялись за нас:

– А что, бледнотики-тошнотики, в отрыве от коллектива выжить захотели… Садитесь лучше лечиться…

* * *

К вечеру кто проспался, кто излечился бальзамом. Солидный его остаток для наружного лечения припрятал Макаев. Он был, кстати, среди тех, кто принимал зелье и вовнутрь. А мы втроем оздоровились плиточным чаем. За чаем же на ночь и совещались. План вырисовался следующий.

Завтра с утра – разборка и раскладка провизии. Затем – обследование территории двора, может, что нужное попадется. Потом баня, обед и составление плана работ по станции. Срок установки дизеля – двенадцатое января, к старому Новому году. Можно было тринадцатого, но тогда, с этим чертовым числом, точно не успеем… Павловея с продуктами по приезде решено сразу же отправить обратно. За электриками, наладчиками, если, конечно, в этой срочности есть надобность. Нам это не известно, строительство, оно, как и Восток здешний, дело тонкое… Даже еще тоньше. Мы знаем, что Валихану Ибрагимовичу станция нужна позарез, но не он ее возводит. У строителей сам факт сдачи объекта всегда имел самодовлеющую ценность: есть сроки и не рассуждать. В случае срыва на уши ставится вся исполнительная цепочка, вплоть до самого Министерства финансов и Госстроя, и тогда головы вместе с ушами этими долой летят. Не исключено поэтому, что объект, затерянный в степи, на бумаге уже оформили.

Но в любом случае за нос водить можно до начала лета. Дальше будет завал строительства нового целинного совхоза и комплекса зернохранилищ… И тогда все-все, по цепочке, будут иметь дело не с конторским Госпланом или Минфином, а со всесильным ЦК. А там быстро найдут, кто закрутил клубок вокруг простого дела. Это сейчас вроде все в стороне…

Если мы дизель не затащим, то так и будет. Пока весенняя распутица и половодье сотен здешних речушек, пока краны, пока наладка… Полгода вылетит, а это тот самый вариант с ЦК.

* * *

Я часто вспоминаю эту историю и думаю: мы что, полуголодные альтруисты, в той глуши кого-то хотели спасти от расплаты? Или выручить председателя, сделать подарок автохтонам? Или проверить себя, заработать деньги и благодарность – вот, мол, до чего, молодцы, додумались…

Или были просто беззаветными патриотами, строителями коммунизма? Нет, беззаветных как таковых я даже и не знаю... Фанатиков знаю, но обобщить их пользу для общества могу разве что в негативном плане. И если они сбились в гурт – то поберегись!

…Коммунизм был для нас абсолютно будничной реалией. Особой беззаветности его созидание е требовало. Восьмичасовой рабочий день, два выходных, минимальный двухнедельный отпуск. Никакой, в отличие от капитализма, эксплуатации человека человеком, а, как шутили тогда, наоборот. Поэтому и завалили дело… Тем не менее, первая его ступень – социализм – уже построена. Вот она, везде и всюду: всеобщее равенство скудной усредненности с белой завистью к «загнивавшему Западу». Партия поставила правильную цель – превратить нашу белую зависть, вместе взятую, в светлую патриотическую идею и, закусив удила, обойти всех. Это и будет коммунизм… Мы теснили Запад в космосе, подняли планку всеобщей грамотности, причем Казахстан прочно утверждался на первом месте в мире по уровню образования. Страна превзошла остальных землян в унификации мышления как наипервейшего условия коммунистического общежития. Инакомыслящие – с ними сожительствовать никак – получали взлетного пинка для посадки как в местах не столь отдаленных, так и в отдаленных, в дальнем зарубежье… Верили мы и во вторую стадию, в коммунизм непосредственно. Верили в него тогда точно так же, как и в светлое будущее теперь: идем же мы, черт нас побери, все-таки куда-то и к чему-то…

А еще мы были теми, предыдущими, с которых я всю эту философию начал. Готовые выручить, помочь, отличиться. Можешь – спаси, даже если не знаешь кого, ибо головы полетят у наименее виновных. Можешь – помоги людям и председателю, они к тебе со всей искренностью и надеждой. Можешь, не можешь – пытайся, проявляй себя, отличайся, зарабатывай… Или ты в иждивенцы, обиженные на мир за то, что подают мало, с молодости записаться хочешь?

А потому мы, быть может, с оговорками, подлежали зачислению в ряды героев нашего времени.

3 января

Все шло по плану: великолепная баня, шашлык из баранины, плиточный чай. Вне плана приехали Жумагали с Еркеном. Привезли еще какую-то снедь и привет от Павловея: он позвонил, что продукты для нас получил, но прибудет не раньше десятого в связи с уголовным делом.

– А куда стена на станции подевалась, – недоумевал Жумагали. – Завалилась, что ли… Я еще тот раз хотел спросить, но думал, померещилось в метели…

– Переделываем, от нечего делать, – ответил Беспалько.

– Вы только председателю ничего не говорите, пока мы на место не поставим, – попросил Борис.

– Ладно. Только отец завтра к вам собирается…

– Отговорите как-нибудь… Скажите – эпидемия гриппа…

– Тогда он сегодня приедет… Но если надо – отговорим.

Было у нас своего рода суеверие: стена станции разобрана, упаковка дизеля раскурочена, проект пока в идее – чем хвалиться? Скорее, у председателя глаза на лоб полезут. Еще шум поднимет – доверили такое дело соплякам, загубят всё… А когда со стороны неуверенности напустят – дело не выгорит…

– Никакого шума он не поднимет, – сказал Звягинцев. – Он в наших годах на фронте был… Может, наоборот, подмогу взять, чем корячиться самим?..

К общему мнению мы не пришли. Решили завтра, с утра пораньше, форсировать свой план…

4 января

Мы завтракали, когда в дом зашел Валихан Ибрагимович. Поздоровался…

– А упаковку дизеля вы зря на дрова разобрали. Укрывать все равно придется, у нас есть брезентовые полога. Тут, знаете, какая весна… То дождь, то мороз, то снова дождь… Так оставлять нельзя… А что со стеной станции случилось, не пойму… Я туда лошадь через пролом завел…

…Слушал нас председатель молча. Раскрыл «Герцеговину Флор», от которой снова почти ничего не осталось. Мы, как школьники, объяснялись. Вот что значит встреча не к месту.

...Все несколько раз выходили во двор – мерили, считали, прикидывали. Перемеряли, пересчитывали, переприкидывали…

– У вас есть что выпить? – спросил председатель. – У меня, честно говоря, состояние стрессовое…

– У меня есть, – доложил Макаев.

– Да сиди ты с ним... – оборвал Борис. – Оставь намазываться…

– Пойдем со мною, – предложил мне председатель.

Мы собрались к его саням. Под возмущение Макаева:

– Как это – «сиди ты с ним»? И посижу… Зато лицо стало, как новая копейка…

– Облез, как ящерка. Тебе на мороз нельзя…

– Вот именно, что можно, спасибо бальзаму…

В помещении станции председатель снял с лошади попону, поправил амуницию, насыпал мешочек овса. А мне из недр своих саней достал бутылку спирта.

– С осени вожу, этикетка уже стерлась… Но при себе держим в пути на всякий случай.

…Спирт понемногу снимал стресс.

– Как вы решились, а главное, додумались… На войне за такие идеи награждали…

– Так уж и награждали… За штыковые атаки, когда патроны кончились, ордена давали….

– Повторяю, – сказал председатель, – самые высокие награды вручали за разработку операций. Полководец саблю именную не для рукопашной носит… А для внутренней мобилизации – как победить умом, а не руками… И если доходит до того, что он ее из ножен вынимает, то это финал… Сразу отсекут вместе с рукой по плечо для трофея…

– На войне, наверное, самое страшное – эти харакири рукопашные… Или втягиваешься, не страшно?..

– Нет, не страшно… Самое страшное на войне – четыре года без кровати… В грязи, в снегу прикорнул и – в рукопашную… Ладно вам про войну, этот кошмар пересказать нельзя... Выгорит ваша операция – даже не знаю как благодарить буду… А на подкрепление десять лучших джигитов вместе с сыном даю.

– Нет, он несовершеннолетний. Привезите лучше нам еще шампанского на Рождество…

– Я же не приказом его к вам оформляю. Пусть каникулы поработает с вами, он крепкий…

Уехал от нас Валихан Ибрагимович к вечеру, пообещав лично прибыть с утра во главе отряда.

* * *

Не ради неуклюжей попытки продемонстрировать на примере решения мелкой в мировом пространстве ситуации значение братства народов как символа и дорожного указателя единственно верного, спасительного для человечества пути я хотел сообщить следующее… И не ради перехода затем исподволь к мысли о том, что при всех реалиях самостийности она, самостийность, относительна в системе международного разделения и объединения труда, природных и людских ресурсов, в сети всяких глобальных институтов и прожектов, где, в конце концов, и дуба даст как явление экономическое, я хотел сказать следующее…

Я просто хотел сказать, что без аульного отряда мы бы дизель не перекантовали.

5-6 января

Ребят председатель привез на самом деле крепких и понятливых. После буранов встали сильные морозы – самый подходящий момент наращивать лед, но мы долго на улице не выдерживали. А подкрепление холодов не боялось… Еще одна немаловажная деталь: в первом обозе, на санях Жумагали среди торчащих в разные стороны задубевших культей освежеванных бараньих туш с большим казаном и надраенным медным подносом сидела Балкия. С ежедневными затем ее появлениями духом казахской кухни был изгнан вселившийся, казалось, навсегда, в наше жилище запах атлантической сельди. А исцеленный было бальзамом Макаев вновь оказался больным и попросился на кухню в дневальные.

Мы разгрузили провиант, основательно позавтракали и принялись за машину. Руководил проектом Звягинцев, автор идеи. С бутылкой привезенного крымского шампанского под мышкой он напоследок обошел дизель.

– Хватит тебе шаманить, – хотел отнять у него шампанское Борис. – Холодно. Давай по капле символически и поехали… У кого стаканы?

– Какие еще стаканы! – возмутился Виталий. – О борт бить будем и – в дорогу…

– О борт бьют, когда все закончено, – заметил тихоокеанец Трегуб. – А мы только начинаем. Здесь полагается распить…

– На счастливое плавание разбивают, – ответил Виталий. – А открывают за удачный финиш…

И, как всегда, язвительно заключил:

– Понял, матрос Кошка?..

После того как Звягинцев переговорил с машиной и разбил о ее массивное основание шампанское, мы постучали по деревянному поддону и, трижды сплюнув через левое плечо, с богом двинулись в путь. Однако через какую-то пядь со скрипом остановились…

– Братья казахи! – обратился Виталий. – Все ли плевали через левое плечо? Или переплевывать будем?..

– Плевали, плевали, – дружно заверили аульные.

– Ну, тогда переделывать будем. Салазки, как и предполагалось…

Дело в том, что зарубежные братья не предусмотрели такого казахстанского варианта и в транспортном контейнере закрепили свое изделие на поддоне с короткими поперечными брусьями. А они теперь не елозили по шершавому льду и по ходу движения стали подламываться вовнутрь.

Подвешивая махину поочередно в разных местах рычагами, мы просунули взамен мощные полозья. Разумеется, продольные… Где мы взяли рычаги и полозья? На крыше дома своего… Часть стропил сняли. Потом на место поставим, с них не стрелять… А испортим, так истопим, жертва невелика во имя великой цели…

7 января – Рождество православное

Не работаем. На улице, как сообщили вчера аульные, сорок градусов мороза, лучше день рождения Господа Бога отметить вечерей в тепле. А он нам затем поможет в самый ответственный момент. Религиозный уклонизм уравновесили отчетно-выборным комсомольским собранием. Высокому собранию я зачитал свой дневник комсорга. Народ активизировался, поступило предложение убрать из документации словесные портреты, но я отказался, сославшись на прецедент с письмом гоголевского Хлестакова, которое даже не комсомольцы, а какой-то реакционный земский сброд не решился корректировать.

После дискуссии мою деятельность одобрили в целом.

8-10 января

Температура на улице точно не известна, но ледовый путь начал от нее трескаться поперек и колоться. Мы заливали швы и продвигались вперед. На нашем, похожем на коробочку ваксы, с какой-то чувствительной биметаллической спиралью градуснике – далеко за сорок. У председателя дома спиртовой, так он и придерживался с утра своего водочного стандарта где-то в

районе сорока. Все такие градусники нужно дружно взять и выкинуть. Но если нет взамен ртутного, то выкидывать не стоит, надо выяснить коэффициент погрешности.

После полуденной казахской передачи поняли, что и наш термометр врет на пять делений шкалы вперед, а председательский – ровно на столько же назад. Ему, спиртом накачанному, видать, жарко стало. А синоптики через динамик с улицы обещали на ночь дальнейшее понижение… Но носовая часть двигателя уже к вечеру была в створе демонтированной вместе с воротами стены.

План на ближайшие дни – затолкать дизель в помещение и восстановить стену. А там, в затишке, будет видно.

11 января

Казахстанская сторона приехала рано утром, словно на финиш автогонок «Формулы-1», с ящиком шампанского. И, кажется, чего-то покрепче. И с новыми коробками провианта. И Балкия не одна – с нею еще и Батима со вторым казаном и глубоким медным подносом. А председатель обещал явиться попозже, он провожал Еркена в Октябрьск…

Сыном он занимался вплотную, готовил в московский институт международных отношений, там у него кафедрой заведует однополчанин. А тут Хрущев всё чуть было не испортил – заставил абитуриентов предварительно два года отработать на стройках коммунизма. Еркен горел желанием исполнить волю лидера страны, но отец был поближе и пыл его остудил… А дядя Козыбаев с кем-то из помощников Хрущева, между делом, договорился об исключении из этого правила.

…Вместо Еркена приехал Темирхан, мы не видели его с Нового года. Толку, правда, с него мало. Машину кантовать – не на домбре играть.

Самые большие проблемы оказались с этим собачьим холодом. А дизель – расчет был верным – после съема с поддона встал на место, как в кино. Концы матово белеющих в толще льда стальных анкерных болтов точно совпадали с крепежными отверстиями станины. Оставалось аккуратно вырубить лед.

Согрелись крепким чаем, кто-то предложил по сто грамм… Идею подавили в зародыше из-за здоровых комсомольских предрассудков. Дело, хотя и сделано, но не зачищено... Тем более, все шло как по маслу, не хватало на финише какой-нибудь холеры.

Договорились, что откроем шампанское и прочее, когда поставим дизель на основание. Вначале бутылку поручим разбить председателю – теперь уже, как при спуске корабля на воду. Благословим в новый, предначертанный машине путь. С этим шампанским, несмотря на новогодний перебор, нам, кажется, везет. Дело ведь было рисковое. А если бы утонуло оно в снегах, как тот «Титаник»... Корабль ведь в сто раз лучше просчитывали…

И вряд ли бы кто из начальства под нашим планом подписался. Потому что ответственность за эту самодеятельность ложилась целиком и полностью на подписанта. Любой из них, едва за пером привставши, в штаны бы сразу наклал. Любой!.. Насчет канувшего в пространстве и во времени Павловея даже гадать не нужно. Да и относительно всемогущего Ковырняги, скорее всего, тоже... Хотя кто его, нам незнакомого, знает, этому-то можно пойти ва-банк, у него больше полномочий для списания риска на издержки… Но вряд ли бы мы к нему достучались. Это же скольких обделавшихся нужно было на пути к нему перешагнуть…

Разогревшись, мы ринулись в последний бой… Вырубили дюжину проемов, вбили в них прочные деревянные клинья по периметру машины и принялись крушить под ней лед. Брызги крошева летели в лицо, мы мешали друг другу в сутолоке, стоял победный шум-гам и всеобщее ликование.

– Тихо, Темирхан поет, – крикнул кто-то.

Все умолкли. Раздавался лишь скрежет ломов о бетонное основание, хруст ледового нароста и глухое дребезжание струн. И с хрипотцой уже голос Темирхана.

Бедный акын… Он, оказывается, пел уже давно. Он воспевал путь к свету, он прославлял смекалистых, полных силы днепровских батыров, он помогал нам, как мог, а мы его и не слышали…

– Сложить инструмент! – скомандовал я всем долбающим.

Темирхан продолжал… По-моему, замерз основательно… И мы тоже, стоя, начали коченеть.

Я подошел к нему. Он сидел в пустом углу здания на доске поверх кучки кирпича, у него были тонкие, белые, уже с синевой пальцы…

– Мы тебе очень благодарны, даже слеза навернулась… Извини, что вслушались не сразу. Нужно было объявить, сам же видишь: сплошной шум и никакой акустики. А по такому холоду голыми руками да еще сидячую работу делать нельзя. Пойдем в дом…

– Нет, пока вы, пока и я… И объявлять номера при работе нельзя…

– Тогда всё, на сегодня шабаш, – предложил я. – А то вместо обеда будем ужинать при каганцах.

…Макаев бальзамом растирал акыну руки.

– Э, брат, ты, кажется, доигрался… Весь горишь… Ложись в кровать и раздевайся, компресс делать буду…

Обед все-таки, после совета с кухарками, отложили еще на часок. До приезда председателя.

…Подрубленный со всех сторон ледовый панцирь начал поддеваться пластами, мы подходили к завершению эпопеи. Усталые и голодные – где этого председателя носит? – мы, орудуя рычагами, начали выколачивать клинья, и машина плавно садилась на место. Вскоре, нарисовав углями на ее корпусе мишень для бутылки шампанского, мы все дела на сегодня закончили…

Ставшая для нас одушевленным существом, мощная, готовая источить людям энергию и свет машина завершила свой далекий и сложный путь, получив на всю оставшуюся жизнь казахстанскую прописку…

Обед наш превратился в довольно людный сабантуй. Наличный состав любого коллектива, в работе несколько распыленный, наиболее зримо предстает именно за столом или же в очереди за зарплатой. Батима с Балкией были в центре внимания и под комплименты вкалывали в поте лица. Одну из них кто-то пытался ущипнуть сзади на ходу, но получил по рукам – не до того…

Было совсем темно, когда появился председатель. Первым делом он отчитал своих за акына, лишь недавно вылечившегося от туберкулеза.

– Мы говорили ему, так он на вас сослался…

Председатель осмотрел Темирхана, поговорил с ним, успокоился понемногу, и мы с фонарем повели его метать в цель, как бывало на фронте, разогретую до пены бутылку шампанского, но Валихан Ибрагимович упорно не хотел занимать атакующую позицию, говорил, что отметался, а мы, навеселе, подбадривали его, настаивали на передаче ратного опыта молодежи посредством личного примера… Пока мы балагурили, председатель тюкнул о ребро дизеля горлышком и, отколов его ниже пробки, слегка прикрыл пальцем. Пенные шлейфы шампанского по траектории ракеты взлетали и живописно оседали на скованной морозом железной машине…

– Класс! – похвально отозвался кто-то. – Боевой опыт…

Председатель рассмеялся:

– Само так вышло… Разве можно такой тяжестью по такой машине?.. Это же не танк…

– Все равно класс!..

12 - 13 января

Актированные дни – это время вынужденного простоя из-за сильных морозов или по другим погодным условиям, о чем составляется акт и начисляется заработная плата. Никаких актов мы не составляли – это дело Павловея, – но и не работали. Стену можно класть градусах хотя бы при двадцати, на ней ворота увесистые…

Тринадцатого – баня и встреча Нового года…. Не жизнь, а сплошные, как говорят сибариты, праздники…

14 января

Новый год по старому стилю ознаменовался явлением Павловея с обозом из двух машин. Груза в них хватило бы и на одну, вторая сопровождала для подстраховки. Заехав с парадной стороны, от колодца, откуда не видно пролома стены, но хорошо видно, что отсутствует главный

«градообразующий объект» – контейнер станции, закрывавший одну сторону двора, прораб встал, как вкопанный. Потом повернулся вокруг, протер глаза на крышу без стропил и с криками: – Увели, бля-я-я-я, последнее!.. Проспали!.. – вломился в дом, нагнав на нас страху спросонья… А за ним два водителя, тоже напуганные, не соображающие еще, чем…

…Не поверил нам Павловей, побежал проверять. Вернулся. Как ненормальный начал что-то писать, вскакивал и ходил по комнате туда-сюда, утрясая мысли. Конечно, думал насчет досрочного пуска объекта – свалилась с неба в новом году ему такая удача…

– У тебя, Федор Павлович, сегодня про-о-огиб умственный… Никак не въедешь…

– Чего сидите, разгружайте машины, – «въехал» наконец Федор. – Хотя нет, постойте, перекурим с дороги…

– Так это ты с дороги… А мы пока натощак, чайку выпьем…

– Ну, попейте. А я вам табачка флотского привез…

Достав несколько трубок и две размером с кирпич упаковки табака с прокуренными усатыми боцманами на картинках, Федор Павлович, расслабившись – нога на ногу, – колечками задымил. Аромат – куда там французским духам – облачками поплыл по дому.

– Такой пахучий табак у нас на корабле только кавторанг курил, – повел ноздрями Трегуб.

– По боку нам этот Кавто… Кто? – уточнил Павловей.

– Дед Пихто… Капитан второго ранга…

– Чихали мы теперь на ранги! – сделал затяжку прораб. – Счас нам кланяться будут… Мы теперь вроде как у бога за пазухой…

– А я сквозь сон, – говорит Беспалько, – мне как раз дом снился, подумал, что к нам на Новый год кто-то посевать пришел. Нет, слышу, Федор Павлович несется, отборным матом колядует…

Мы разгрузили машины… Мерзлая картошка, ящик сухарей, мука, консервы, крупы, чай, сахар… Почти в соответствии с женевской конвенцией... Обрадовались мы, пожалуй, только мешку ржаного бородинского хлеба. Свежего, не замороженного, – его на месте пассажира везли в кабине второй машины.

– Вы что, – спросил Беспалько, – на таком вот пайке всех своих рабочих содержите? Или только нас?

Павловей пропускал все мимо ушей, он обитал в иных сферах, за божеской пазухой… Выписал нам наряд на отделку помещения внутри и посулил уже не бешеные, но большие, по аккордной системе оплаты, деньги. Тем более, что горбатого Тимура схватили, завели дело, и украденный цемент на удорожание сметы не ляжет… После чего сразу же – нам и предлагать не пришлось – этим же транспортом отбыл в Кустанай. Полушубок свой он так и не снял…

– Забрал бы ты, кроме хлеба, свой провиант обратно, – предложил Беспалько. – Вам с Ковырнягой в аккурат на месяц хватит. Еще и снабженцу своему дадите…

– Съедите, как миленькие, еще и спасибо скажете… Слушайте, я забыл совсем, там, в мешке с хлебом, письма, которые на общежитие вам пришли, – крикнул Павловей уже на ходу…

Я пожалел, что не отправил письмо родителям с кустанайским адресом, а понадеялся сделать это тут. И подумал, что плохой я сын в сравнении со своими друзьями… Зря подумал – все послания были ответами невест по новым адресам своим возлюбленным. Только им сообщить успели…

1962 год. Весна.

Пуск станции назначили на первое мая. Перерезать ленточку должен был Козыбаев, по этому случаю затевался большой той. И хотя в местной газете «Шаруа» о нас написали статью «Еще один аул с лампочкой Ильича», мы уже почувствовали себя сторонними. Какой-то спецмонтаж городил градирню. С чувством важности своей миссии и исключительности собственных персон вокруг машины крутились инженеры и наладчики, чертыхались то на строителей, то на монтажников, пока рот им не заткнул Звягинцев:

– Мы из ничего сделали почти все. А у вас готовое запустить тямы нэма…

В начале апреля сошел снег. Валихан Ибрагимович со дня на день ждал прибытия техники и людей из Кустаная, развернул временную столовую, и мы ходили к нему на обед и ужин. Земля

жиденько и невзрачно зеленела, а в один из солнечных дней на нашем пути яркими брызгами маковок запестрели тюльпаны. Кажется, целую неделю бескрайняя степь буйствовала всеми красками миллионов этих скромных, маленьких цветов.

Жалко будет по такой красоте тракторами. Но тюльпаны к распашке отцвели.

Нас проводили всем аулом, сделали прощальный той и объявили почетными гостями на все времена. Для нас снова играл и пел Темирхан. А рано утром мы отбыли в Кустанай. По обе стороны полевой дороги натужно ревели трактора, а за ними, выклевывая всякую мелкую живность, деловито шествовали невесть откуда взявшиеся стаи ворон, этих извечных спутников землепашца.

Навстречу на своей неторопливой гнедой лошадке со свитой правнуков нам попался старый Ибрагим: перед первой бороздой он читал молитву из Корана за обильный урожай и ниспослание вечной благодати этой, родной для него, земли.

* * *

Денег нам выплатили много. По ведомости, которую тут же убрали, попросив сумму не разглашать. Купюры были исключительно пятирублевые, а рубль тогда котировался выше доллара. Мы с Борисом на глаз, методом примерного выравнивания их по высоте в прижатом к столу виде, разделили на двенадцать стоп и по жребию раздали. Двенадцатая доля пошла на пополнение общего котла.

За какие-то суммы мы просто расписались в получении, поняв со слов Павловея, что другим тоже надо. Зато те, другие, зачислили нас в список серьезных бригад. И, поскольку судьба объекта на разъезде все еще не определилась, нас временно передали Осадчему на «горящий» объект.

Глава восьмая

ВЕСТИ ИЗ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИРОВ.

1999 год.

Я отсыпался после выборов, а точнее сказать, лишь имел такие благие намерения, потому что меня разбудила жена и сунула в руку трубку. Наверное, Еркен уточнить детали решил, не отдыхается ему…

– Который час?

– Половина одиннадцатого. Иван тебе звонит. Что ты спишь, я сказала. – Говорит, срочное дело…

– Алё! Здравствуй! Что-то новое есть?.. – спросил я. – Или тебе делать не фига…

– Беспалько из Москвы, из своего министерства звонил только что. Ты же этого фрукта знаешь, он с молодости маленько того… А с возрастом духовные качества развиваются…

– Да в чем дело?..

– Представляешь, задает этот подлец вопрос: когда, Ваня, похороны, а то зады на чемоданах уже отсидели… А я отвечаю: до обеда сообщат из Челябинска, я с человеком в их администрации связался. А он говорит: ты, мол, Ваня, не суетись, а держи контакт с Антоном, вам по электронной почте письмо придет из параллельных миров с очень подробными инструкциями. А потом, дескать, нас тоже, будьте добры, проинформируйте подробнее… И положил трубку…

– Да ну его, этого Беспалько с его шутками дурацкими… Нашел время… Как остальные?

– Во-первых, хорошо, что все дома оказались. Торопят украинцы, им хоть круть-верть, хоть верть-круть, но Москву не обминуть… С Беспалько кучкуются, он их всех у себя собирает. Министр

ему микроавтобус свой выделил для поездки, вот он и выпендривается. Роман к нему со Львова, Макаев со Звягинцевым со своего Мелитополя, Першин из Донецка, Трегуб из Запорожья едут. Вишняков тоже, он только что в Киев из загранки вернулся. Короче, кто летит, кто на машинах. На иномарке сейчас лучше и быстрее, чем по бортам слоняться. Заболотный своим ходом из Екатеринбурга. Остальные все здесь…

…А что Беспалько хотел сказать, интересно? Он просто так не звонит никогда… Да и некогда ему, он в хозяйственной службе, при министре непосредственно.

Я брился, когда жена мне снова подала трубку.

– Из компьютерного цеха тебе звонят…

– Вам и Купцову срочное сообщение по электронной почте от Бориса Братко.

…Бывает и такое… Когда после похорон человека его письмо приходит… Видел я однажды такую душераздирающую картину. Летчик-испытатель перед вылетом своему отцу, соседу нашему в Гуляй-Поле, всегда письмо посылал...

– А вы почему вовремя не заглядываете в сеть? До выходных еще, небось, получено? Теперь, действительно, как с потусторонних миров…

– Нет, сегодня отправлено, десять минут назад, из министерства…

– Быстро читай!..

– Но я уже ведь все прочитал…

– Что ты все прочитал? Ничего ты еще не читал…

– Читаю еще раз: Купцову и Билаю…

– Дальше?!

– Дальше сплошная матерщина… Это из министерства строительства, с того света такой E-mail не выпустили бы…

* * *

В ярости я набрал Беспалько.

– Как тебя назвать, спрашивается? Мы три дня в полном неведении, а у тебя шуточки дебильные… Что произошло, где Борис?..

– Гы-гы, – мычит в трубку Владимир. – Это бы вас спросить насчет шуточек надо. Я уже министра об отъезде предупредил. А покойник сегодня утром является... Я пончиком, жена на завтрак к чаю всегда только свои кладет, подавился… Померещилось, думаю, но нет, привидение как хряснет меня кулаком по спине, что кусок пончика вылетел…

– Да знаем мы кухню твоей жены, где Борис?

– Хоть и говорят, что пользы человеку от посвященного ему некролога нет, но это не ваш случай. Братко наш на два дня тут в столице забурился и про то, что машину угнали, не знал. А когда узнал, то даже позабыл, что умер. У него там документы важные... Послал из моего компьютера вам сообщение и отбыл аллюром три креста…

– Куда ты его послал, я не понял? На три буквы?…

– Гы-гы… Три креста – это гриф важности донесения на пакете… Нет, а чего вы на меня все там окрысились? Я тоже ему сказал, что только-только у нас появился шанс в кои века собраться, и все уже выехать были готовы, а он – на тебе... Всю обедню испортил… Христос воскресе…

Явился, как предрекла Купцова...

Через несколько минут Беспалько перезвонил.

– Вы мне спасибо скажите за то, что я украинцев от выезда придержал, а вас от обратных проводов избавил. Расхлебывались бы… С этим Борисом уже все мозги набекрень… Я хотел спросить, что там у вас в Казахстане в связи с сорокапятилетием целины происходит? Тут у нас одна аграрная газета предвыборную речь Ермека цитировала, так я понял, что он теперь не хочет против ветра?.. Это потому ты с диссертацией своей повернул оглобли? Ты сядь и допиши, нам же есть что сказать. Ермек, кстати, на выборах прошел?..

* * *

Через неделю мне принесли письмо с уведомлением о вручении. Такие обычно отправляют акционерам с вызовом под подписку на очередное собрание... Нет, там была визитная карточка и точно такого же размера тиснутое золотом приглашение в виньетке.

Ритуальную провокацию
Поддержали все, как один!
Но пусть только кто не явится
В день моих именин!!!

Именины здесь, конечно, при минимуме места для выражения даже лапидарных мыслей, присутствовали ради рифмы. На самом же деле речь шла о приближающейся круглой рубежной дате. Автор стихотворения Борис – среди нас старший. Первый… А потом прокатятся лавиной наши юбилеи по своему скользящему графику. Мимо всех нас подряд и – к другим. В порядке живой очереди, места в которой не продаются… Как-то я сидел на вокзале в ожидании поезда – какие длинные томительные нескончаемые минуты… Но как скоро и незаметно пролетает остальная жизнь...

– После реинкарнации Братко стихи сочинять начал, подобного за ним ранее не замечалось. Анакреонт в прошлой жизни, – продолжал размышлять я на вечную тему философии бытия.
– То ему за пятьсот долларов в какой-то рекламной конторе сочинили и золотом оттиснули, – сообщил мне при сборах в поездку Купцов. – Он только по почте отправил…

Глава девятая

ФОРМУЛА КУСТАНАЯ.

1962 год. Лето.

До чего же хорош, великолепен Кустанай! Мы даже в письмах описали его родителям. Как это он нам поначалу деревней показался… Не вычеркнули ли мы Орысаулом себе полгода здешней полноценной жизни?

Впрочем, никто из нас об этом не думал, потому что такого капитала для безоглядных трат у всех нас было предостаточно…

А в благословенном Кустанае мы пытались истратить самый что ни на есть осязаемый, честно заработанный капитал. Пока шла подготовка фронта работ, мы изучили все немногочисленные точки его овеществления по марксовому коловороту «товар – деньги – товар», усвоенному еще с первых курсов. Если воспринимать этот звукоряд на слух или чисто визуально, то выходит, что товара вдвое больше, чем денег. Деньги одни, по центру, а товара по бокам – два. Словом, деньги в осаде товарной массы.

При социализме понятную каждому суть товарно-денежного обращения запудрили совершенно иным, псевдонаучным макияжем, поэтому Кустанай, впрочем, как все большие и малые города страны, в этот грассирующий алгоритм не вписывался и близко. Клондайком здесь попахивало, но трактирами разными – абсолютно нет... Стояла в центре двухэтажная гостиница царских времен с харчевней на полтора десятка мест, но нас самих одиннадцать... Что это были бы за ужины в одиночку? А друг на друга мы насмотрелись…

Нам, без вариантов, оставался лишь главный городской ресторан имени здешней сибирской реки, с оркестром и танцевальным пятаком, на чем мы и остановились, застолбив места на месяц вперед. Мы не подозревали, что превращение наших денег в товар в этом зале выйдет далеко за пределы прагматических закономерностей Маркса.

Вначале мы хотели занять удобные позиции в дальнем тихом углу, в полузакрытой нише с длинным под кружевной скатертью столом и готическими – я видел подобные в брюссельской ратуше – креслами, но нам предложили столики ближе к центру. Тихий угол, по неписаным

правилам, оставался в распоряжении наезжавшего по делам в областной центр директорского корпуса, и сдавали его другим лишь незадолго до закрытия «в разе отсутствия номенклатуры», хотя такого «раза» при нас не было ни разу.

Расстояние между столами было, по существу, дистанцией, отделявшей на целине народ от VIP-персон: все мы тогда ехали в общем вагоне. Без отдельных купе. Пределы прямой видимости часто замыкались личными контактами. Как строители – а это каким-то образом сразу становилось известным – мы представляли для того стола постоянный интерес. Впрочем, как и он для нас тоже. Нередко мы представителями восседали там в дубовых креслах, иногда директора приходили к нам, как они говорили сами, с конкретными предложениями…

Это были легендарные кадры первого призыва. Все они прошли по списку Хрущева, лично он напутственно пожимал им руки, в его отсутствие это делали видные лица государства, и не ниже! Если мы поехали сюда добровольцами, то они по команде «Вперед!». Со своих высоких постов в обжитых краях, из министерских коридоров, теоретики и практики, ученые и кручёные… Встретился я как-то даже с Евгением Верниковским, другом моего тренера Тищенко, футболистом довоенного столичного «Спартака», основавшего здесь крупное хозяйство… Они вбили первые колышки, с трактористами в кабине проложили первую борозду, а многие сами сидели за рычагами… Месяцами они жили в палатках на сухом пайке… Это были люди, заложившие новые поселения на планете, что навсегда войдет в историю созидания. Нас на земле миллиарды, сколько же отправилось с поверхности в недра ее, но не каждому дано оставить след на географической карте...

Ближе к полуночи прямо до крыльца ресторана за нами каждый день прибывала нанятая машина, и нелегальный таксист Нораир двумя ходками увозил нас в караван-сарай. Часто, в память о несостоявшемся прошлогоднем товарищеском ужине с галушками, мы брали с собою «в свет» наших верных соседок по общежитию, Ольгу и Алму с подругами, но портили такие вечера во время танцев всякие задрипанные кавалеры без капитала даже на собственных партнерш…

В комнате я пока обитал один. На рождество здесь, в Кустанае, тоже стояли холодные «актированные» дни, и еще тогда Лопушняк, говорят, на досуге барышню при деньгах закадрил себе в Киевском поселке, да у нее и застрял. А Ботнарь состоял при нем, как боярин. Уже, как рассказывают здешние, и морозы отпустили, а они там все еще гудели на свадьбе за счет невесты. Давали знать оттуда, что у них трудности с регистрацией брака, хотя как им, беспаспортным, его оформляют вообще? По справкам Амадея, что ли…

* * *

Работа нам предстояла больше по части мелитопольцев – установка и наладка холодильного оборудования. Правда, не своего, отечественного, но аналогичного – югославских заводов из Белграда и Нови Сада, – с которым бригадир наш, перетрухнувший Иван Иванович Осадчий, за тридцать лет своего стажа не встречался ни разу. А поскольку и в документации, и в чертежах он был абсолютный нуль, то на подмогу себе затребовал главного инженера треста Вахтанга Владимировича Ломидзе, с каким-то непонятным мафиозным прозвищем Каключчи. Тот прибыл незамедлительно. Погода стояла прохладная и дождливая, инженер с пригорка въездных ворот на крутом вираже лихо спикировал в низину бетонного крыльца, взбаламутив своей новенькой черной «Волгой» огромную лужу перед ним. Под два метра ростом, он был одет, как всякий уважающий себя грузин, по последней моде и во все заграничное – длиннющий черный плащ со шляпой в ансамбле… Где только они, грузины эти, достают такой дефицит?..

Долго, не обращая на нас никакого внимания, они вдвоем важно прохаживались по огромным пустым цехам, крутили-вертели с умным видом чертежи. А мы, любопытства ради, ходили следом. Насколько я понял, Каключчи в дело вообще не вникал, он явно отбывал миссию высокого гостя, имеющего честь в конце визита всего лишь дать свое высокое благословение да ехать назад. Но Осадчий требовал конкретных ответов, и это главному инженеру стало надоедать. К тому же шли слухи, что он сам ничего не знает и диплом у него купленный. Кто-то даже к его фамилии на двери служебного кабинета дописал буковки так, что получилось с намеком – Дипломидзе… То есть дипломированный по-грузински. Табличка, говорят, с неделю в таком виде провисела, но никакого впечатления на хозяина не произвела...

– Вот как, к примеру, монтировать это одороболо? – задал очередной вопрос Осадчий, разворачивая не той стороной чертежи. – Получается потолочное крепление?.. Или как?..

– Дзелайце как люччи! – властно скомандовал главный. – Как люччи, ви поняли?

Понял и я легенду итальянской клички, но не это меня задело…. Где-то я этот командный окрик в своей жизни слышал.

Подобрав длинные полы заграничного плаща и одновременно придерживая шляпу, высокий гость с трудом втиснулся в машину и обратно, через лужу, уехал в свой трестовский кабинет.

– Вот и строй с ними коммунизм, – плюнул бригадир, – если они не знают, как эту фигню расставить… А Ковырняга приедет, что мы ему докладывать будем? Придется на поклон до самого Смагулова…

– Иван Иванович, берите литру водки и заходите без поклонов со своей макулатурой в нашу хату, – предложили мы бригадиру. – Мы вам все разжуем и в рот на ложечке подадим…

– А я думал, вы недоучки, – заплетался языком в доску пьяный бригадир, – у вас головы на вес золота… А у меня руки в нужном месте растут, не то что у некоторых… Завтра мы эти части тела отоваривать начнем… Я смету всю, как пять пальцев, знаю… Мы ее с утра на абордаж!.. С восьми ноль-ноль, каждому, как штык…

Мы вызвали машину и с трудом загрузили Ивана Ивановича. Он тут же, не сообщив адреса, заснул.

– Я дорогу знаю, уже пару раз отвозил, – хлопнул дверцей Норик и дал по газам…

Мы подтянулись на объект к восьми, предполагая, что бригадиру с похмелья будет не до абордажа…

Мать родная, мы не знали, с кем имеем дело… Восемь ноль-ноль означало начало работы, а не появление на проходной. Иван Иванович объявил всем предупреждение за безответственность и отсутствие профессиональной гордости, формулируя свои обвинения исключительно нецензурными фразами из понятийного аппарата великой строительной науки побеждать… Все это он проделал на ходу, уточнил еще раз забытые по пьянке нюансы чертежа, расставил всех по местам, первым ринулся кантовать ручной талью, принес со двора кислородный баллон, а его, по технике безопасности, весу и габаритам предписано перемещать как минимум двум рабочим. Он резаком кромсал швеллера, искрил сваркой, тарахтел перфоратором, кричал, помогал, подталкивал, бегал с места на место, матерился, как сапожник, пугал Ковырнягой... Он был набит жаждой деятельности, как плюшевый мишка опилками… И, что интересно, дело пошло. Обычно с такими баламутами работается крайне непродуктивно…

Уже к обеду он и нас загнал, и сам выдохся.

– Пятнадцать минут перекура! – объявил он и, пошатываясь, удалился прилечь. Мы же, где стояли, там и упали… Никакие головы здесь не отоваривались. Зачет лопатный: бери больше, кидай дальше – отдыхай, пока летит... Хотя монтаж сложный, кого попало не поставишь…

После обеда все началось сначала…

С понедельника до пятницы, после смены мы трупами валились в кровати и разрешали звонившему метрдотелю отдавать в ресторане наши места.

В пятницу тоже все началось сначала, но, правда, закончилось иначе.

Ближе к концу дня Осадчий зачем-то заперся в своей каптерке, а к нему в это время зашел коллега Токшылык. Из соседней стройки. Парень молодой, скорее всего, посоветоваться хотел, а может, рассчитаться за шифер. Он несколько раз постучал в бригадирский кабинет, больше похожий на берлогу со столом и лежаком, на который заваливался наш обессилевший бугор, но ответа не было.

– Видать, ислам принял, пятничный намаз совершает, – пошутил сосед и ушел.

– Уснул без задних ног, – решили мы.

К концу смены дверь каптерки с грохотом распахнулась, в ее проеме, держась за косяки и покачиваясь, распятием завис хозяин. Потребовав от нас внимания, он произнес речь. Весь сумбур

ее прояснялся четкостью последней фразы. Оказывается, за все тридцать лет своего бригадирства таких, как мы, чудаков он еще не видел. Чудаки у него, как и у шукшинского киногероя Егора Прокудина, начинались на букву «мэ». Закончив выступление, Осадчий в замедленном режиме, пошатываясь, развернулся и пал ниц на лежак.

* * *

В этот вечер все мы вновь валялись в кроватях, но уже находясь в сознании, а не в отрубе. Постепенно адаптировались, хотя сегодня чуть свет жизнь нанесла нам с Романом удар в спину: мы стерли кожу до позвонка на разгрузке машины с шифером, причем, ядрена мать, для того самого Токшылыка, который рассчитываться с бригадиром приходил. А поутру у него, видите ли, людей не нашлось. Шифер этот нам сто лет не нужен, но под ним, на дне кузова лежал наш силовой кабель.

Вот работенка-то! Поочередно – один подавал, другой, почти как человек-сэндвич из рекламного агентства – по пять листов на спине, поддерживая снизу вывернутыми руками, – волок по грязи на штабелёвку. Скоро на последнем листе шифера стала отпечатываться кровь, а мы думали, что у нас сорочки мокрые… Руки-ноги тряслись, мы съели булку хлеба у дежурного на проходной и, защитив хребты фуфайками, продолжили эту тягомотину, уныло наблюдая за диаграммой снижения роста шиферных стоп в кузове. Но что для их высоких колод значил снятый очередной ходкой мизер из нескольких тонких карт?.. Мы еле-еле управились с нарядом до того самого вечернего обращения бригадира к народу.

…С высоты нажитого такелажного опыта разгрузку шифера к высшей категории трудоемкости я бы все же не отнес. Есть еще разгрузка вагонов с негашеной известью в знойный день. Известковая пудра гасится на вашем потном теле, образуя коросту вокруг намордника-респиратора, язвы под контуром пристяжки его к лицу и в вечно трущихся местах… Или монолит из окаменевшего песка, который из балхашских драг мокрым грузят в закрытые хлебные вагоны, а в Кустанай они приходят в сорокаградусный мороз…

Амадей принес мне конфискованные книги, поинтересовался, почему я скрючился на боку, и прислал медсестру. Она залила «потёртости кожного покрова на глубину обнажения костей» перекисью водорода, «активно вступившего в дезинфицирующую реакцию с сукровицей», и уколола против столбняка.

Поздно вечером заявились Ботнарь с Лопушняком. Их прогнала родня так и не состоявшейся жены.

– Так что у вас там не склеилось? – поинтересовался я.

– Да уже, как люди, считай, под венец пошли. Все честь по чести, а сука эта, в загсе, вспомнила, что в прошлом году уже регистрировала Валентину…

– Какую Валентину?

– Какую, какую… Невесту мою…

– Я, хоть убей, ничего не пойму…

– Да что тут понимать! – вмешался Ботнарь.

Брюки у боярина, мои бывшие, пестрели неравномерным, как у земляной жабы, грязным окрасом: аптечная бриллиантовая зелень оказалась нестойкой к выгоранию. По настоящему зелеными оставались лишь труднодоступные для солнечных лучей глубокие складки и части штанин, от колен уходящих клиньями в область промежности.

– Замуж его Валька вышла в прошлый год, – продолжал Игорь, – а фраер ее попил-погулял да слинял с концами. Витька Козловцев ей паспорт почистил, штамп, в смысле, смыл, ну а эта ж сука полезла в свои конторские документы. Если, говорит, в паспорте мы вам, по оплошности, отметку не проставили, то у нас на то свои архивы имеются… И погнали нас конкретно, как последних…

– Так, Антон, смотри внимательно, – перебил его Лопушняк, – чтобы потом разговоров не было. Вот возвращаем твою бритву…

Электроприборы и документы в Тынышталмы с собою не брали, Амадей нас тогда, при отъезде, предупреждал. Он даже предлагал сдать все на хранение, потому что ни света, ни милиции на том объекте нет.

– Я эту бритву искал, а вы оказывается, как денди лондонские, моим «Ремингтоном» лоск себе наводили…

– Нет, мы таким дерьмом не бреемся, мы только лезвия советские признаем, без станка. На палец надеваем… А твою жужелицу боярин мне на застолье в виде подарка вручал, как бы лучшему своему другу от имени себя…

– А-а-а, клуб веселых и находчивых…

– Приходится, что поделаешь… А вот твой паспорт, держи. Смотри – всё в целости и сохранности. Видишь?..

– Господи, с паспортом что делали?

– Расписываться ходили…

– Да кончайте дурака валять. Небось, на мое имя что-нибудь в кредит взяли да продали? Говорите, я оплачу, пока проценты не набежали…

– Обижаешь, начальник, мы ни подставу, ни подлянку не делаем. Расписываться ходили! Кто бы мне без документов брак зарегистрировал…

– Да вы что, совсем идиоты? – кричал я. – Что же тогда, по-вашему, подлянка?

– Ты что на этом потерял? – тоже начал орать Лопушняк. – Ну поставили бы тебе печать днем, а вечером Витька Козловцев…

– Да пошел ты со своим Козловцевым, знаешь куда?.. Хватит того, что он твоей невесте смыл…

– У Валюхи случай другой, ее засекли. А тебя там кто знает, если ты ни разу не женился. Или женился?

–...Да штампы стёр? Нет, это шизофреник какой-то Хрущеву идею подал, сам бы он ни в жизнь не додумался вам зону лагерную на поселение поменять. Это же надо – я теперь тоже вроде бы с вами срок отбываю… Изолировали от общества, называется…

– Обижаешь, начальник! Скоро в изоляции вы тут останетесь одни. А мы в теплую Молдавию поедем. На хрена мы бы эту свадьбу затевали? Прикинь – являемся домой как люди, с женами…

– Вам до звонка еще год сроку тянуть! А за это время вы еще на пару лет сверху раскрутитесь…

– Чё злорадствуешь?.. Нагнись, на ухо… Завтра Хрущев в половине третьего подпишет и других подписаться заставит под указом об амнистии. Мы под него попадаем. Только никому ни гу-гу, потому что тогда всему проекту хана…

Донеслась все та же заунывная песня погрузившегося в нирвану главбуха Никогосяна. Сегодня и завтра – его дни. Воскресенье – отдых, а с понедельника до пятницы головы не поднимет. Слышал я об этом от других. И от Амадея тоже, о том что Соломон – большой человек, да толку теперь… Ни о чем не поговорить, хоть бы насчет ремонта общежития того же… Поломана душа у него. Тело и механизм движения остались. Робот – на счетах клацает, столбиком цифры слагает, все до кучки сбивает…

Я, правда, его лишь один раз видел, когда деньги получали. Не на пенсии еще, но как старик…

Перед сном я проведал Романа, обошел караван-сарай и вернулся в комнату. Эти два молдаванина что-то замышляли на открывшуюся перспективу.

– Скажи мне, – спросил я у Олега, – вот ты бы расписался с ней как Антон Билай. Как другое лицо. Ты тут аферистом проходишь, козе понятно… Но дуре твоей киевской какой в этом прок? Она же знала, что ты Лопушняк. Привез бы ты ее родителям…

– Отец ее на официальный брак деньги дает. Даже большие деньги, если жених путевый… В твоем паспорте отметка института стоит… Мы уехали бы в Молдавию с Валюхой при деньгах, девка она хорошая, дурят ее все… А тебе бы Витька Козловцев…

* * *

В субботу вечером нас, как своих, после длительного отсутствия радушно встречал персонал ресторана. За одним из столиков сидел Каключчи с корреспондентом Людмилой. Тогда в аэропорту она была в зимней одежде, а сейчас – в вечернем наряде с распущенными волосами... Главный инженер что-то ей с серьезным видом рассказывал. Где-то я все-таки с ним встречался…

– Интервью дает, – хитро подмигнул Борис.

– Неизвестно, кто кому, – констатировал Звягинцев.

…Когда я проходил мимо их столика, Ломидзе меня остановил и с сильным акцентом спросил:

– Извините, не могли ли вы присесть на минутку к нашему столику? Не кажется ли вам, что мы с вами знакомы? Не считая стройплощадки…

Как только мы встретились взглядами, я вспомнил все. И Кипр, и весенний тренировочный матч, и забитый мною теперешнему главному инженеру гол. И его гортанные, на весь стадион, дирижерские команды своим.

– А я вас сразу узнал, потому что должен был помнить всех, кто мне мячи забивает, – сказал Ломидзе. – И каким образом, и с какой ноги.

– И у меня что-то крутилось в голове. Но если бы мысль принимала такой вот оборот, то я бы ее отверг. Сроду бы не поверил. Вы, я – и стройплощадка азиатская...

…Это был великолепный вратарь, кумир тбилисской публики, а также тех городов, где ему приходилось выходить на поле. Грузины, они играют в футбол не так, как мы: любой ценою результат. Мы под командой разумеем машину сокрушительного действия. В стратегическом видении некоторых конструкторов игры – это вообще неодолимой инерции товарный состав из десяти мощных пульманов, или, на худой конец, плоских тяжелых платформ с пыхтящим капитаном-паровозом в голове. Наши мастера кожаного мяча лукавят, заявляя, что на публику не играют. Еще как играют, но бездарно – гладиаторами напрягаясь, дыбясь взмыленными конями, корячась, корёжась и упираясь, выторговывая этим вроде бы моральное право психовать и грязно ругаться. Словом, лепят образ таких отверженных сизифов, что иногда смотреть противно…

Между прочим, тренер наш, Тищенко, запрещал нам выражаться… Под страхом отчисления. Он, вообще, не только свои принципы имел, но и неограниченную власть для того, чтобы их насаждать. И насаждал… Водил нас в театр для постижения искусства смежного жанра. Добровольно без него туда никто бы не пошел. Даже при нем поначалу незаметно улизнуть некоторые пытались… А там, оказывается, есть что посмотреть… Вот там актерам нельзя сказать, что они играют не на зрителя. И молодцы, выкладываются… Экспромтом, чувствуя зал, они неутомимо корректируют образы, их дух, характер и манеры в каких-то нюансах и, что примечательно, планку искусства держат, на междометия подворотни не сбиваются. Не приняты такие импровизации там, на подмостках, – и все! И одежда для театра – не штаны и кепи для бейсбола…

– Навязанные, от не хрен делать, условности, – возразил кто-то. – Будто на кепи мир держится…

– За несколько условностей-заповедей, которые он так и не навязал людям, ибо кое до кого очень долго доходит, Христос на Голгофу возошел. За их забвение все наши грехи принял,– ответил тренер. И повел нас на булгаковское «Собачье сердце», дабы посмотреть на мораль революционной эпохи без заповедей, без всяких условностей старорежимных, ограничивающих, скажем, естественное право каждого человека на отправление физиологических потребностей непосредственно по подъездам.

…Грузин выходит на поле с набором известных ему условностей, как на театральную сцену. Он виртуозно исполняет роль и импровизирует, он механически землю носом рыть никогда не будет и не даст повода публике подтрунивать над собою: умения да ума тебе бы, мол, соколик ты наш, так и цены бы не было…

Оттого грузины нам всегда и проигрывали…

Мы сидели долго. Вахтанг Владимирович диплом не покупал, ему через пять лет после зачисления в списки студентов его просто выдали, как и большинству других классных футболистов. Теперь на стройке главный инженер приводил свою квалификацию в частичное соответствие с этим документом. Чертежи Осадчему он читать не намерен, разобрался же бригадир с ними в конце концов, пускай даже с чьей-то помощью. Но это не запрещенный прием, это как раз кредо Ломидзе – ищи поддержки снизу, ибо поддержка сверху, как правило, генерирует только ущербные качества личности. А вообще он возвращается в большой футбол, его приглашают тренером в команду первой лиги.

– Мне за тридцать, – сказал он, – а вы почему в строители подались? У вас и ноги, и голова для игры. Поедем со мной, я собираюсь на матчи второго круга…

– Можно, я о вас напишу? – повернулась ко мне Людмила.

– Я теперь в ауте…

– Моя тема, собственно, не футбол, а люди. Здешние кадры… Вот вы, к примеру. Отчего не расслабитесь, а словно аршин проглотили…

– На объекте у Ломидзе спину сорвал…

– За людей, вместе с футболистами поднимающих этот хрустальный бокал искрящегося, лучшего в мире грузинского вина, – предложил тост Ломидзе, и мы выпили за Людмилу.

– А чем эта тема интересует вас конкретно? – спросил я. – По-моему, мы все просто материал для вашего вида ремесла. У нас, например, кирпич, а у вас герой. Одного кладете в статью о маяках, другого – в проверенную временем по своему воспитательному воздействию рубрику «Вилы в бок», третьего кизяком по опусу размажете. Хотите символ времени по своей формуле выписать, а все смеются…

– Вообще-то кирпичи мы знаем лучше, чем людей, – продолжала Людмила, – но и герои не совсем моя тема. Меня интересует скорее феномен их генерации, взаимосвязь среды и личности. Формула Кустаная интересует… Это совершенно уникальное явление, подобного, пожалуй, и не назовешь. Земля продвинутых людей. Место особой их закваски, вызывающей качественные изменения. С самого рождения в городе скопление мыслящих ссыльных и местных просветителей. Градоначальники и служаки при таком контингенте должны были быть на уровне, поумнее гоголевского городничего, не говоря о чеховском унтере Пришибееве. Для доносов в столицу им нужно было не только строй мысли поднадзорных да не совсем лояльных казахских просветителей знать, но и суть политических дискуссий, эволюцию взглядов, делать резюме, куда они клонят и чем это пахнет… Да что об этих говорить, если простые переселенцы дореволюционные – и те тертые калачи! Попробуй, проедь всю империю на телеге и заведи дело на новом месте.

– В той газете, где о наших подвигах сообщали, была заметка, что один кустанайский крестьянин в переписке с Львом Толстым состоял…

– Состоял, переселенцы не только в своем соку всю жизнь квасились. Могли делать сравнительные выводы… А эвакуированный сюда в войну интеллектуальный корпус? А директорский десант лучших из лучших?..

– Этих мы персонально знаем, вон они там всегда в нише сидят… Скоро подтягиваться начнут…

– О, это ба-а-алшие люди! – подтвердил Ломидзе. – Масштабной мысли люди! Петренко, например... Ми инкубатор в его хозяйстве строим – гаварит, правильный, таварищи, падход. Труды Ленина, том тридцать пятый, страница десятая, статья «О лисе и курятнике», таму падтверждение... А свинарник, гаварит, хоть я туда уже себе сваю Дамилю Жаксалыкову нашел, не совсем правильный падход... Ленин, труды тома пятого, страница сто вторая, в статье «Каждому – свое» называется, пишет…

– И все точь-в-точь совпадает!– предположил я.

– Я приехал, в библиотеке проверил… Нэ-э-эт, и близко не совпадает, савсем другой материал…

– Петренко, между прочим, местный экземпляр! – остановила нас Людмила. – Есть он у меня в картотеке… Но ведь и все иные флаги в гости к нам!.. Это вам не «тут был Вася» и ноги мыл у Ласточкина Гнезда, а Гашек и Бердяев, Чапек и Гарриман, Шолохов и Симонов, Рихтер и Крючков, Айтматов и Сулейменов… На питательной почве местная молодая поросль прет… С самого начала город отличался от европейских уездов, где народ всю жизнь в собственном котле варился да уши развесив удивлялся какому-нибудь Кирилле Петровичу, как тот из Полтавы в Санкт-Петербург и обратно вояжировать отважился. Впервые, последний раз…

– По этому показателю Москва, Киев или Тбилиси уникальнее Кустаная во сто крат, – снова некорректно перебили мы даму.

Дама на нас не обижалась, мы, скорее, разогревали её пыл. Наблюдая мельком, способны ли мы после грузинского вина абстрагировать элементарные факты до уровня теоретических обобщений, она выдавала на-гора открывшуюся ей формулу Кустаная. Как эпицентра очередного – по ходу истории – евразийского взрыва. Свойства необычной его материи, сотканной на стыке социологии и демографии, континентов и рас в водовороте хаотических смешений наиболее активных элементов здешней органической «таблицы Менделеева» и самых свежих катализаторов извне, бурная реакция взаимодействия которых выдает в осадке качественно новое биологическое вещество, обозначенное в её картотеке категорией **«кустанайский народ».**

– Может быть, здесь разлом земной коры, энергетика недр, – выяснял я, – если такой феномен в массовом порядке проявляется…

– Вот этого только нам тут не хватало… У нас нормальные факторы работают…

– Ви, Людмила, балшой патриот своего малэнького города…

– Я – москвичка коренная, между прочим… И если уж речь зашла, то в Москве я не собирала бы картотеку на богему нашу – Русланову и Великанову, Гнатюка-баса и Кобзона, Леонтьеву и Доронину, Броневого и Ланового… Или тех же партайгеноссе наших – Хрущева, Брежнева, Подгорного, Полянского… Дело не в коллекционном зуде, а во впечатлениях от личных встреч, в широком интересе к их персонам. И сами они здесь как бы возвышаются. А для Москвы, извините, это не событие, а сами персоны – это я о богеме говорю, хотя это отчасти и к лидерам относится – во всеобщей толкотне нивелируются и в народ не ходят.

– Тэория Маркса всэсильна, потому что вэрна!

– Это юмор по поводу моих соображений?

– Это, Людмила, соображение о том, что мэжду бокалами вина не должно бить балшого пиририва…

* * *

Из ресторана мы с Заболотным ушли ночевать к Павловеям, завтра они «обмывают» легковую машину. Остальные наши туда приедут с утра.

– Все у них с этим «Москвичем» смешалось, как в доме Облонских, – сокрушался Николай. – И Надька беременная…

Сокрушался он не зря, Павловей ходил по дому явным лидером, а не сбоку, при жене, припекой. Жена вообще ушла на второй план. Акции Федора Павловича подскочили благодаря этому самому «Москвичу», потому что подобный подвиг советские люди, даже из среднего достатка слоев, совершали лишь в конце жизни, экономя честно заработанные деньги на всем... К тому же на товар категории «не первой необходимости» имелась длинная очередь, и подходила она обычно тогда, когда для езды покупателю маячила лишь финишная прямая. Некоторые переуступали очередь за мзду, арендуя затем на эти дармовые деньги транспорт ритуальных контор.

И если кто-то покупал авто в возрасте Федора Павловича, то выжженное молвой тавро «ворюга» красовалось на нем всю оставшуюся жизнь.

В плане ломки устоявшихся психологических стереотипов Павловей был знаковой фигурой. Деньги он заработал за ввод электростанции. Кроме того, премирован льготной очередью. Фото рядового строителя из Кустаная за рулем собственного авто украсило цветную обложку всесоюзного журнала, на его конкретном примере советскому народу было поведано о том, что на целине можно честно заработать деньги.

Мы от души поздравляли Павловея. Денег его не считали, у нас своих было достаточно. Машины тоже нам не надо, да и в очереди мы не состояли. Хотя купить очередь могли…

На застолье возле меня сидела Дуся. Она по рождению киевлянка, живет здесь со своим сожителем, в его доме. Слышно было, что до этого стола соседка уже где-то присаживалась… Но точно, с манерами – ест, как на дипломатическом рауте, видны врожденные навыки, а они не теряются. В прошлый раз поданный к чаю торт все ели руками, а Дуся – чайной ложечкой.

В первом перерыве Федя показывал машину. Затем катал гостей, они снимали обувь (после дождей было все ещё грязновато), почтительно, словно в мечеть, забирались вовнутрь, и водитель с миной собственной значимости на лице делал петлю в сторону затобольского моста.

Затем снова поступила команда: за стол!

С бугра от своего дома к нам спускалась Дуся, она успела переодеться в какой-то странный наряд. Такой я видел только на последней императрице Александре Федоровне в кинохронике накануне отречения от престола ее супруга Николая Второго. Ни у кого странный вид соседки вопросов не вызывал, кроме как у нас.

– Это значит, что сегодня день рождения кого-то из их семьи – отца, матери или брата.

Сидела Дуся на своем месте, снова возле меня, и я долго не мог понять, что за едкий запах копоти исходит от ее пышных нарядов.

– Вы, наверное, старинные платья в каком-то консерванте держите?

– А что, слышно?

– Культурно говоря, – концентрировано…

Дуся открыла ридикюль, достала антикварный флакончик духов и привычным движением безымянного с капелькой духов пальца провела под ушами.

– А мне, знаете ли, ничего не слышно. Я привыкла, это у нас сажа по весне в трубе горела. Трубочистов после отцовского дома я, признаться, нигде больше не видела... У отца сегодня день рождения был бы. В столовой в том доме яблочный торт с миндалем подавали и последний раз тридцать свечей задували… Потом революция, а затем нас уже сюда, в Казахстан сослали… А яблони там в каждом дворе росли… Я помню, как цветут яблони…

Дуся положила на место флакончик и достала семейную фотографию.

– Никого-никого не осталось: ни родных, ни двоюродных, ни троюродных...

Комментировала она монотонно, тихо и горестно.

...Видел я однажды старушку на вокзале, у нее все украли в дороге. Вот также тихо и монотонно рассказывала она обо всем милиционеру, зная, что не вернуть уже ничего. Но делилась бедою и всеми прежними своими невзгодами, бесполезными для оперативного расследования. Делилась откровенно, потому что больше рассказывать было некому. Милиционер то ли по долгу службы, а скорее – из почтения к материнскому возрасту, покорно слушал, ничего и не думая искать, но и на том ему спасибо.

И Дуся, собственно, вспоминала то же, извлекая из совсем недавнего прошлого, но уже ушедшего в небытие вместе с целой эпохой уцелевшие фрагменты украденной жизни, лишь только в ее памяти и оставшейся. И вместе с нею уйдет. В сущем виде потенциал той жизни никак не реализован, и сама она, жизнь, в нарушение всех законов природы, своими же лишена права на продолжение... Ни дворянской усадьбы, ни потомков, ни следа на земле от целой династии, хотя бы в виде неосквернённых надгробий…

Все логично, миллионы не дворянского сословия канули так же... Выгорели целые роды, семьи, традиции… Инерция насилия! Но зачем лично мне, во имя которого грудью прокладывали дорогу, жертвы со стороны этой женщины? Революционная необходимость? Да, была такая, и обосновали ее великие, семи пядей во лбу (а пядь – это предельно широкий, почти в шпагате, шаг пальцами ладони по плоскости) мыслители. Но, кажется, их учение адептам узколобым досталось.

…Дусю с бранью забрал вернувшийся откуда-то пьяный в стельку сожитель.

Я посмотрел на добротную, с виражом сепии, старую фотографию. Уверенные в счастливом будущем молодые респектабельные родители. И мальчик с девочкой – белокурые и безмятежные. Эти в театр в бейсбольных кепках не пойдут, до конца отведенных им дней дворянское воспитание останется. Как и у всякого свое прочее, тоже...

На обороте тисненого паспарту стояла коричневая чернильная надпись.

– Какая у Дуси фамилия? – спросил я Павловея…

Федор Павлович собирался в новый рейс, но для езды уже, пожалуй, был тяжеловат.

– По мужу Ковалевская, он лет пять назад погиб… Вот так вот, из-за стола за руль, и, пожалуйста, вдова Ядвига Ковалевская, – ответил Павловей и пошел катать детей. Начали выяснять, сколько их в машине поместится. Набилось четырнадцать. Подоспевшая Надежда Петровна показала, что еще не полностью отрешена от дел. Хозяин получил внушение, и купцовская Светка полезла мыть уделанный салон.

– Даже на потолке следы, – доложила она оттуда.

Я спрятал фотографию в карман.

* * *

Хроника дальше пошла чередой следующих событий: работа – ресторан – работа – пятничное послание народу Осадчего – ночная песня Никогосяна – работа... Впрочем, с нюансами, как раз и не позволяющими ни жизни, ни самой хронике казаться сухой и пресной.

Добрая половина наших друзей по караван-сараям попала под амнистию, и каждый вечер мы наблюдали за суетой их сборов на абсолютную свободу. Причем, соответствующий указ руководители нашего государства подписали минута в минуту по времени, назначенному уголовником Лопушняком. У него с Ботнарем уже паспорта с кишиневской пропиской, а

бендерскую свою они там, на месте, получат законно. Я посмотрел – документ как документ, без всяких подчисток и подмалевок. На фотографии Олег.

– Вы что, чистые бланки достали?

– Нет, перезаполнили на меня бывший в употреблении.

– Я черчение изучаю в институте! Ответственные чертежи тушью выполняются! Документы только тушью заполняются! Тушь в бумагу въедается, не выгрызешь потом! Ты понял! Это наука! Китайской тысячелетней практикой подтверждена!

– Ты глянь на него! Пойдем к Козловцеву, он тебе покажет практику... Только я с ним договорюсь сначала, перед кем попало он не светится… А нам он еще удостоверения к медалям за целину сделает к отъезду…

* * *

Пятый вызов на сессию телеграммой прислал Радецкий. Предыдущие четыре мы по приезду получили на почте кипой и дали ответ, что к экзаменам не готовы. Теперь наш декан телеграфировал о том, что договорился на вторую половину августа с одним из челябинских вузов. Чтобы мы тут, по соседству, все за четвертый курс сдали... Совсем ума там у них нет...

Купцов составил ответ.

– Где ты таких оборотов нахватался? – накинулся на него Борис. – Как это понимать: «покорнейше просим»? Как волостной писарь… Ты бы еще «с совершеннейшим к вам почтением» в концовку ввернул… Антон, переделай эту челобитную, почему мы им там кланяться должны?

Я переделал. «Челябинский вариант неприемлем категорически из-за непослаблений ни хрена не знаем живы здоровы привет ректору PS Ядвига здесь на фамилии Ковалевская звоните приезжайте заодно примите экзамены Братко Купцов Билай».

– Понял, как писать надо? – строго спросил Борис у Ивана. А потом у меня:

– А Дуся про брата знает?

– Нет, вечером Купцов к Светке поедет, заодно отвезет письмо Радецкого.

– Понял? – снова для порядка прикрикнул Борис на Ивана. – И поосторожней там, начни с намеков…

Посетителей на почте не было, в исконно женском окошке «Прием телеграмм» виднелась негабаритная фигура сбитого мужика. Отложив ворох своих бумаг, он, не советуясь, выкинул аббревиатуру постскриптума, а также исправил «ни хрена» на «ничего».

– Немецких буков у нас нету, а текст должен соответствовать литературным нормам.

– Вы литературные нормы нового толку отслеживаете? – деликатно поинтересовался я у него… – В сочинениях Эдуарда Лимонова, хотя бы... Просачиваться стали оттудова... В стиле гомосексуалистического реализма.

– Пошли они все туда, откуда просачиваются. Псу под хвост...

Здоровый мужик, только на бабской работе сидит...

– Вы по фронтовой контузии место сидячее занимаете?

– Ты телеграмму шлешь или... – сочно выругался он. – Работать мешаешь!

Я тогда не знал, что это есть сам главный кустанайский почтмейстер. Сидел без чванства вместо заболевшей сотрудницы.

Здоровый мужик, без комплексов. И знает, кому, что и где сказать...

* * *

Витька Козловцев из второго корпуса караван-сарая был с каким-то врожденным дефектом – не то сколиоз, не то церебральный паралич, – но с детства определяющим человеку только область умственной деятельности. В Москве он «перелицовывал» документы. Найденные случайно, а большей частью краденые, но кем – это не его дело. Его забота – качественное обслуживание.

В нашем присутствии он расшил на листы паспорт очередного клиента (какой-то нафуфыренной барышни) и начал, комментируя, дозировать реактивы. Я видел много людей, рассуждающих по ходу дела именно о деле.

– Случай типичный, надо убрать штамп о браке, реакция должна пройти непосредственно на тексте, который выпадет вместе со всей сопутствующей мутью в абсолютно прозрачный осадок.

И плеснул пузырящуюся жидкость на жирное супружеское клеймо, оно в тот же момент бесследно испарилось. Затем листок попал под торбу с теплым песком, прошел еще ряд манипуляций и был предъявлен заказчику. Барышня тщательно изучила все в лупу, под углом и на просвет… Не понравилось…

– Этот как пятирублевка банковская, а остальные листы, так сказать, не первой свежести…

– Зацапанные порядком, а не «так сказать». Вот это и есть главная сложность в нашем деле. Кто вас знает, какими руками вы за документы там, при браке, хватаетесь. Сейчас процесс старения этого листика будем прорабатывать…

Мы поблагодарили мастера и ушли...

– Ничего бы он тебе не показал, но когда я начал ему про твоих китайцев… – объяснил мне всю эту историю Олег.

* * *

В один из дней мы с рестораном чуть было не пролетели: все там было занято высокими военными чинами.

– Приказ, – извинился метрдотель.

Генерал, отдавший приказ, как раз выходил из туалета.

– Что за шум, а драки нет? – спросил он. И переприказал всем своим уплотниться для смычки с гражданским населением и отнести все наши расходы за их счет. А сам удалился в директорскую нишу.

Большого ущерба армии мы не нанесли: в счет входила только закуска, а выпивка у них была с собой – свой спирт на глицерине военные наливали прямо из канистр. И нас угощали.

– А что за маневры Советской Армии на вверенной нам территории и вокруг бронированных нами столов? – потребовали объяснений мы.

– Военная тайна! – кивнули они в сторону генерала. – Давайте дербалызнем, а завтра вам все по радио скажут. В программе новостей из космоса.

– Понятно. Только при чем тут аграрный Кустанай?

Кустанай был при том, что космонавт номер один Гагарин должен был приземлиться в наших степях, да промахнулся. А эти, из авиаотряда Свердловского военного округа, ждали космонавта номер два, который «уже болтается на орбите».

– Между прочим, он ваш, кустанайский, в летной школе тут учился...

...Проснулись мы, слабо припоминая вчерашнее, дома, с канистрой, клейменной инвентарным номером поискового отряда, еще хлюпающей жидкостью на дне, и, как это случается раз в жизни, знаменитыми.

Разглашенная военная тайна оправдалась наполовину. Космонавт номер два тоже промахнулся и сел где-то в России. Это уже после него все попадали прямо. Туда, куда и мы. Но по радио подтвердили, что действительно 6-7 августа на корабле «Восток-2» космонавт номер два Герман Степанович Титов, 1935 года рождения, совершил 17 оборотов вокруг планеты и пролетел свыше 700000 километров. И весь караван-сарай ульем загудел: оказывается, вчера, как думалось, мы не по пьяной лавочке о засекреченных аргонавтах да про их канистру, тогда еще почти полную, угощая всех, болтали... И кое с кем, для простых смертных недосягаемых, мы на короткой ноге.

Вечером с орбитальными вестями вышла местная газета.

Пониже, на своем земном месте и более скромным шрифтом излагалось решение местных властей о награждении медалями «За освоение целинных земель» группы передовиков, среди них, вместе с космонавтом, значились и наши фамилии.

А на развороте была большая статья Людмилы о нашей тыныштальской истории. Людмила – молодец! Ее зарисовка, хотя и начиналась героической цитатой из кюя Темирхана о запорожских батырах, но больше смахивала на рассказы Джека Лондона об освоении Клондайка, нежели на типичную тех лет трескотню о героях-бессребрениках.

Были на целине тогда «сознательные», без здорового честолюбия и равнодушные к материальным благам люди, а может, выдавали себя за таковых, но они просто путались под ногами. Равнять их с тем вавилонским каменщиком нельзя никак, тот сознательно таскал камни, а не красиво рассуждал. Наши же более походили на персонажи ранних социалистических коммун, где работяги пахали, а они в горны трубили да стягами размахивали…

Словом, Людмила – молодец! Но что-то подозрительно много у нее подробностей о моей комсомольской деятельности там… А говорила, герои – не моя тема…

– Клинья подбивает, – решил Борис.

* * *

В пятницу Першин с утра предупредил Осадчего, что сорвет его концерт сразу по открытию занавеса. Бригадир божился, что любит нас и что таких ребят у него еще не было. Подобные крайности в выражении чувств известны психологам по клинической картине пациентов подшофе или в белой горячке, но выводы бригадир сделал. Напился и уснул без выступления в уборной своего театра абсурда.

А в это время со свитой явился сам его превосходительство легендарный Ковырняга…

Я сделал вывод: если начальство настоящее, то у вас полная сумятица в голове. Вы ощущаете звон в ушах от перепада высоты, потому что теперь вы на самом дне, вы щуритесь от фейерверка неведомой, скрытой от вас информации из их ясных умов, после чего и у вас, пресмыкающихся внизу, какое-то просветление... Даже Смагулов и Ломидзе, люди не рядовые, на его фоне потерялись.

…Жупел и знамя Осадчего деловито осведомилось, где, собственно, сам Осадчий есть?

– Ну, вы же знаете, как он пашет? Допахался, что сердце схватило...

– Едем навестить, такие люди у меня по пальцам!..

Мы отговорили, Жумабаев пообещал взять опеку больного под личный контроль. Он, конечно, знал, какой спазм случается у Осадчего в конце трудовой недели. И высокий начальник провел совещание без бригадира. Трехминутная его речь была посвящена месту нашего объекта и роли каждого из нас в цепи общих свершений. Нам и раньше было понятно: на нас смотрит вся страна... Но мы не подозревали, что так пристально, причем за каждым...

Потом гость зычно, по-военному гаркнул:

– Есть вопросы?

Вопросы мы ставили ему ребром, Ковырняга тут же тщательно записал все на пачке папирос «Курортные». В заключение он предложил нам закурить… А затем порвал пустую пачку и выкинул, а Смагулов при этом акте сказал: «Правильно, на это мы здесь поставлены...»

Гость оказался полностью осведомленным о наших здесь подвигах, поздравил с наградами, приказал Смагулову премировать всех и пожелал производственных успехов.

– А Осадчего берегите, – наказал он и, проходя мимо его каморки, поинтересовался, кто там так храпит.

– Ночной директор, – ответил Братко.

* * *

Наш караван-сарай наполовину опустел внезапно, амнистированных организованно куда-то увезли на грузовиках. Козловцев не успел даже выписать Ботнарю с Лопушняком удостоверения к медалям. Сам «химик» под указ не попадал. Он москвич, поэтому вроде бы порешили, пусть пока на периферии поживет…

– Не дали попрощаться по-человечески, – сожалел Амадей. – Но, с другой стороны, они пока граждане полностью подневольные. Пенять им можно только на себя, мотайте на ус…

В общежитии стояла неестественная тишина.

– Соломон сейчас нам споет...

– Песен сегодня не будет, – сказал Амадей. – Соломона с работы «Скорая помощь» увезла.

В воскресенье мы пошли в больницу. Никогосян лежал бледный, с квадратом усиков под носом. Голова седая, а усы черные… Извинительно улыбнулся, видать, понемногу отходит... Оклемается – разговорим, человек свой, общежитский… Вот жизнь: бригадиру еле рот заткнули, этот – наоборот…

Когда уже собрались уходить, Никогосян протянул Осадчему письмо:

– Если со мной что-то случится, отправьте, пожалуйста, в Ереван. А, даст бог, вылечат – верните, пожалуйста, мне.

– Вы, случайно, не по-армянски адрес написали? – крутил Осадчий, как тогда чертежи, убористый конверт. Потом отдал его мне. Может, он и читать-то не умеет…

– Улица Маштоца? – спросил я. – У меня там товарищ живет, Аршакян Левон Варданакович, вместе играли в Запорожье. Он всегда, когда я по воротам бил, тряс полусогнутыми руками, со сжатыми по концам волосистыми кулаками и, пружиня в коленях, кричал: «Зачем некрасиво поступил, зачем ты мине пасировку не делал?»

– Я почти сорок лет футбол не видел, не то, что волосатого Аршакяна…

– Это ясно, Левону самому до сорока еще очень далеко. Я думал, фамилия вам что-нибудь скажет… У них вся династия на оккардёне – так он его называл – играла, лишь последний получился футболист. В отца, говорил, только носом вышел. Когда он свой коньяк армянский привозил и угощал, то рюмку сбоку рта пристраивал, по центру нос мешал… Значит, и по этой части они у вас там люди заметные…

– Они все там этим заметные, – показал крючком согнутый палец Осадчий. – Строил я там после армии, не сметы у них, а недоразумение сплошное...

Никогосян снова скупо улыбнулся:

– Ваши футбольные истории похожи на правду. Только на нашей улице такой фамилии не было…

– Нет-нет, Ереван точно… Может, улицу перепутал…

Перепутал или нет – не знаю... Давно надо было с человеком поговорить, что он один, как бирюк... Но не начнешь же с ним, как Амадей, про ремонт общежития. На то есть, как говорит Осадчий, смета…

Глава десятая

КРАЙ ТАСКАНСКИХ ОВЕЦ.

1962 год. Осень.

В один из трудовых дней прибыл гонец от Смагулова. Осадчий под оглушительный треск исправлял строительный брак в бетонной нише, и лишь когда он вырубил свой отбойный молоток, мы поняли, что в шестнадцать ноль-ноль нам нужно быть при полном параде в тресте, на торжестве по случаю вручения медалей. Представляла к наградам нас тургайская власть, и на церемонию приехал сам Козыбаев.

Гонец предложил подвезти желающих на торговую базу. Прибарахлиться дефицитом – Смагулов по блату договорился с ее начальством насчет продажи нам подходящей одежды...

Пожелали, конечно, все. Ассортимент в этом, не для всех доступном месте был приличный, и стало понятно, где Ломидзе отоваривается. Приодевшись, мы стали похожими на футбольную команду – в серых одинаковых бостоновых костюмах и лакированных туфлях. Даже галстуки из одной связки. Снова отъевший животик Трегуб сошел бы за тренера.

Нас посадили в президиум. Такую же честь, в духе бюрократических правил, Смагулов предоставил себе с Козыбаевым да секретарю горкома комсомола Моргуну.

...Козыбаев, кроме Оразалы Абиловича, откликался также на Николая Козыбаевича и оказался добродушным дядькой крупных размеров. Однако ручищами своими он весьма ловко прикрепил нам золотистые медали под аплодисменты конторских крыс, ряды которых пополним и мы, если нас еще из института не исключили.

…После церемониала мы пригласили президиум отужинать вместе в ресторане. Административная тройка к такому повороту не была готова, руководство молча поглядывало друг на друга. Соображало...

– Там все будет на уровне? – спросил после паузы Смагулов.

– У нас там все схвачено...

В ресторане был занят пока лишь один столик и VIP- ниша.

– Сейчас они придут к нам, – сказал Осадчий, – и все испортят. Начнут просить нас у Смагулова на свои свинарники всякие. Были бы у них хоть сметы как сметы…

– А кто такие?

– Это еще те! – ответил бригадир. – Они тебе все нервы вытреплют… С палочкой возле себя – Землянок, бульба минская, а возле него, в кителе, – Цвингер из немецкого колхоза. Высокий напротив – Фиренштейн из киевских, рядом Кухтин, крымский. А в гимнастерке – Шкурин из племсовхоза. Этот фамилию свою оправдывает на сто процентов.

…Козыбаев сразу же забрал целинных директоров к нам, все они тут друг с другом накоротке. Сам тургайский гость оказался человеком с юмором. Нет, он не извлекал моментально, пока накрывали стол, из недр памяти припасенный там на любой случай анекдот. Комически в его изложении выглядела реальная быль, как та самая, по закону жанра, доля правды. Много рассказывал он о здешнем уникуме, руководителе области послевоенных лет Жанбаеве. Слава и легенды об этом Сагалбае, преимущественно на веселые вольные темы, гуляли тогда по степи, как в России про Чапаева.

…Начал играть ресторанный оркестр. Глухо, словно поленом по голове, гумкал контрабас. Козыбаев молча поглядывал в сторону музыкантов.

– Я сейчас попрошу сделать паузу, – среагировал комсомольский секретарь. – Мои комсомолята играют...

– Не нужно, – остановил его Першин. – Люди на работе, я сейчас им заплачу, чтобы не играли.

Першин сходил, и мы снова говорили в тишине. Но музыка вскоре заиграла опять, видно, комсомолята решили заработать больше. От другого стола тоже…

– Пойду, куплю у них этот чертов контрабас, – поднялся с места Першин.

…Первый тост Козыбаева был за степь, в честь которой чеканены медали, и за достойных их кавалеров. Мы окунули награды в водку...

– А ты не быстро там у себя запрягаешь, Оразалы? – осведомился за закуской Смагулов. – Многие в окупаемости затрат сомневаются…

– И ты, Ильяс, как тот Брут, – ответил ему Козыбаев. – Хрущев мне раз пять повторил, что мы не за золотом на Клондайк пошли, а пошли и жито взять, и житницу создать. Кому это нужнее? Хрущеву в Кремле или нам на своей земле? Или друзьям вот этим нашим, обжитые места оставившим?.. У меня чабан в родне есть, Ибрагим… Говорит, если не запряжем сейчас, то на овцах тасканской породы за жизнью не угонимся...

– Какой-какой? – переспросил наш начальник. – Тасманской?

– Ибрагим говорит – тасканской. Таскают они нас всю жизнь по степи, а потом мы тащим их, на зимовьях отощавших, за хвосты. Потом нас тянут «на ковер» к ответу за падеж... Сколько веков наш народ будет оставлять по степи лишь следы волока – от телег, юрт, овец этих... Вот такая эффективность… И приехал я, Ильяс, у тебя этих кавалеров назад забрать, мне объект под задел прямо в Аркалыке дают. Нужны профессионалы. Освоим деньги быстро – профинансируют до конца года остальное...

– Какова общая сметная стоимость? – заинтересовался Осадчий.

Оркестр снова заиграл. Без контрабаса...

– Вот черти, а не комсомолята, – изумился Моргун. – Я их завтра на бюро…

Тихо, не отвлекая внимания, мы с Вишняковым пошли к столу, занимавшемуся провокацией. Раньше этих гостей что-то не видно было, возможно залетные.

– Мужики, – обратился я, – у нас высокие гости города, а вы ставки повышаете…

– Смотри, медали нацепили, – засмеялись они. – По целине кавалеров таких собрать, то на кило по сотне сушеных будет...

– Нам наперегонки с вами некогда, мужики, войдите в положение… Гостей проводим, контрабас даром отдадим, потанцуем… Девушек все равно пока еще нет...

...Нам предложили выйти, не беспокоя своих остальных… Хотя их противная сторона начала подниматься вся. Ушлые официанты оставили под залог расчета последнего, пятого, ростом помельче...

Я посмотрел на свой стол – никто ничего не заметил. Лишь Смагулов прищурился мельком в нашу сторону. А случай такой, что выходить нужно. Не умеют люди вместе культурно да уважительно, не доросли до правил социалистического общежития. Какой коммунизм с такими козлами...

…Идти далеко не пришлось, угол оказался сразу за дверью, от крыльца налево. Я даже не предполагал, что все так быстро, без увертюры, начнется, и еле увернулся от кулака. Меня, при невзрачной фигуре Мориса, видимо, приняли за забойщика. Но на этом все мои подвиги закончились. Я лишь успел заметить, что трое полегло, а один шмыгнул за угол. Мы подождали, может, за дрекольем к ближайшему штакетнику побежал человек, да за своей долей еще вернется, но тщетно. Он словно растворился... Один из лежачих начал крутить головой, ориентируясь в новой обстановке...

И мы вернулись в банкетный зал.

– Ты быстренько выложи на стол все, что есть, – шепнул пятому Вишняков. – Ради оставшихся в живых... Только все-все вынь, честь по чести, чтобы на чай всему персоналу оставалось, я прослежу... Потом своих соберешь, они сразу за крыльцом налево...

– Там все на уровне? Все схвачено? – поинтересовался у нас Смагулов, взятый уже, между прочим, в кольцо приглашенной пятеркой.

– Нормально! Бюро тут экстренное вместо Моргуна пришлось провести...

...Осадчий ударил по рукам с Козыбаевым на двадцать два процента зарплаты от сметной стоимости объекта.

– Все в парадке! – опершись на трость, поднял тост Землянок. – Себе мы тут сами чаго-либо прадумаем, а вы, Ильяс Смагулович, им памажите… Мы також помогём, Тургай в беде не пакинем...

Смагулов ударил по рукам сверху...

И взял слово наш бригадир. День, слава богу, был не пятничным, хотя его уже могло понести. Тем более, что тему он взял злободневную, нам в общих чертах знакомую.

Тост его выражался в тезисах – с какого боку следует заходить на Аркалык, как навести там порядок и совершить прорыв… Тезисы, на первый взгляд сумбурные, исподволь наталкивали на мысль: хотя у Осадчего своей работы невпроворот, он понимает, каково сейчас там без него…

Весной он ездил туда осмечивать новостройку, но не мог сообразить, куда попал: одиноко маячил типовой дорожный указатель «Аркалык», а вокруг голая степь. Только потом под кручей, на которую уже садилось остывающее, одутловатое, но все еще слепящее солнце, увидели они с водителем низкие глинобитные дома, беспорядочно лепившиеся в глубинах камуфляжного пейзажа. Если эти длинные дома поставить на торцы, был бы город небоскребов… Но они лежа, гусеницами лениво окаймляли центральную площадь, в них располагались все властные структуры, райком, райисполком и даже широкоэкранный кинотеатр…

Смысловым центром площади была Доска Почета в луже весеннего паводка, с барельефом вождя и венчающей цитатой Никиты Хрущева о том, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. С края лужи стояли в обнимку два человека – один азиатского, другой европейского антропологического типа – и материли Хрущева за лицемерие и повышение цен на масло. Их заочный спор с лидером страны был сугубо абстрактным – масло никогда в здешних сельских магазинах не продавалось, – но принципиальным. Обутые в резиновые сапоги типы порывались подойти на мужской разговор с глухими и немыми обликами поближе, вброд, но, зачерпнув за голенища, возвращались и крутили с берега дулю автору лозунга дня, пока обоих не погнал оттуда местный милиционер.

Милиционер и Осадчему указал дорогу к месту осмечивания: за семь километров отсюда, в поселок Алюминстрой, большей частью в колышках еще, центр нового Аркалыка и треста по разработке здешних бокситов…

Повторив скороговоркой эту свою историю, Осадчий завершил тост здравицей за улучшение жизни людей данного региона, за эффективное освоение выделенных партией и правительством средств исключительно профессионалами, строителями высшей квалификации. Не нужно народные деньги вверять рвачам и шабашникам всяким. Они их по ветру пустят и себе лишь толику возможного на сухари возьмут… А в Аркалыке он пока только лишь большой шабаш видел… И предложил выпить до дна.

Получалось однако, что мы пьем за «шабаш», поэтому пошло шумное дополнение к сказанному. Осадчий уже не мог вклиниться в свой тост и только выкрикивал:

– Мы им кузькину мать покажем, я все их сметы знаю…

* * *

В усиленном режиме мы заканчивали монтаж югославской линии и готовились к отъезду. Осадчий не работал, он закрывал наряды, сейчас это его святое дело. Братко, заглянувши в те бумаги, по секрету сообщил мне, что не только читать, но и писать наш бригадир мастак. Не говоря уже о таланте считать: методика расценки сделанного у него была весьма скрупулезной, туда Иван Иванович включил даже троекратное сметание пыли с подоконников «перед покрасом».

– Так что, хоть с учебой мы и залетели, – меркантильно рассудил Борис, – но на следующее лето поедем в институт исправлять дело на «Мерседесах». На московских рынках купим, без всяких очередей…

К тому же Соломон, приступив после болезни к исполнению, выписал нам в Аркалык не только командировку, но и «подъемные»… Говорят, в истории треста впервые эти подъемные деньги дали рабочим…

Словом, не гнусные проблемы быта были головной болью для нас троих, а институт. Дело выходило из разряда шуточек. Мы написали обстоятельное письмо с покорнейшей уже теперь просьбой предоставить академический отпуск, так как контракт наш затянулся. Приложили газетную вырезку о своем награждении, статью Людмилы и хвалебное письмо комсомольского секретаря Моргуна… А то, чего доброго…

– Не совсем понимает наш ректорат и целину, и все подвиги ваши, – сообщил нам по телефону Радецкий, собираясь сюда, к сестре в Кустанай. – Пыль пахотную подняли на весь Союз, еще и медали получили вдобавок. Причем, отличились не интеллектом, как наши завтрашние, на вес золота, инженеры, а как ломовые на лесоповале…

Насчет этого институт нас обвиняет зря… Интеллектом мы брали тоже…

Глава одиннадцатая

ДИССЕРТАЦИЯ.
1999 год.

А где, собственно, эта диссертация, недоделанная и забытая? Когда-то я занялся ею, забросив все и засучив рукава. Мне показалось, что есть в ней хоть и мелкое, но открытие, за которое присуждают ученое звание, ибо из таких, мелких, но кораллов произрастают могучие рифы науки. В чем я имел возможность лично убедиться.

«Защитился» и получил ученую степень Ермек. Для него это было крайне важно, он тогда пошел в рост, а мы его, как меньшего, всячески подталкивали… Пошел по способностям и по образованию, но, согласитесь, хороший костюм, галстук, кандидатское звание – аксессуары далеко не второстепенные. Изучал Ермек между делом водный баланс родного Тургая, измерял кубатуру и литраж множества речушек, озер и всяких блюдец, кишащих одноклеточными,

головастиками и коллегами-водомерками... Он снарядил несколько полевых экспедиций и добыл даже материалы стратегических съемок с орбиты, на них можно было различить белые шиферные крыши Тыныштала, разросшегося до космической заметности, правда, через мощные военные объективы.

Я, грешным делом, относил его изыскания вовсе не к разряду научных открытий, с чем Ермек был согласен. Ценность своей работы он видел именно в прикладном ее хозяйственном значении на будущее – в расчетах и суммировании ресурса…

Настоящим открытием в этой области тогда была диссертация одного алма-атинского гидролога, её автореферат случайно привлек внимание знакомым названием – Карасор... Когда-то в пургу с собаками-поводырями я шел по его льду над будто бы затопленными внизу конными сенокосилками, считая, впрочем, вымыслом легенду о внезапном появлении озера. Тем более, что немощные некогда Балыкты, ставшие, надо полагать, тоже заметными из космического пространства, спустили на его водную гладь настоящий морской парусник. Он, во главе кильватерной колонны лодочной флотилии все лето плавал с пионерами и возил всех желающих... Каким образом внушительная посудина была доставлена сюда за тысячи километров от ближних акваторий, для нас, бывалых такелажников, осталось загадкой…

Старожилы, однако, не врали. На нашей памяти уже, в год Обезьяны, Карасора опять не стало. Воды озера также внезапно, как пришли, так и ушли в недра земли… От рыбы причинные и названием ей виновные Балыкты, дабы прекратить насмешки, переименовали в Коянды, в честь зайцев, коими закишела плодородная отдохнувшая котловина. На околице поселка, у бывшего причала, из илистых донных отложений торчали ржавые останки мотовила брошенной когда-то впопыхах косилки, а неподалеку, в зеленых волнах травы, памятником следующих уже поколений, лежал на борту бывший флагманский корабль.

Там же суетился прибывший из Алма-Аты молодой джигит с примитивной буровой установкой. Добытые им керны со спрессованными поочередно отложениями то сапропеля, то следов органики кизяка, были хронограммой цикличности пересыхания озер. Углубился своим несовершенным устройством столичный ученый, ни много ни мало, до времен Абулхаир-хана и императрицы Анны, что подтверждало устойчивость нащупанной закономерности…

Это и есть открытие по интуиции. До Менделеева наличный ресурс элементов суммировали многие, но лишь его сподобил создатель на расстановку их в таблице по известному только себе самому порядку. Чем и нам, земным, приподнял завесу, позволил заглянуть вперед. Узнать, сколько есть еще на свете элементов, нами пока не открытых…

Дай бог, может, и Арал по подобному порядку восстановится. В какие сроки, алмаатинцу, по мелкости шурфа, точно определить не удалось. Озера лишь наводили на мысль о возможной экстраполяции, но трехсотлетняя их циклограмма – сущий пустяк для морей-океанов... Еще они наводили на мысль о том, что подсчеты Ермека, сделанные с привлечением космических технологий, устареют до того, как станут достоянием практиков. Сейчас, когда я листаю переписку вокруг своего несостоявшегося научного труда, Карасор опять превратился в глубоководное озеро, и всё те же старожилы во имя торжества справедливости просят вернуть Кояндам историческое название – Балыкты…

Мне тоже, по озарению, открылась некая закономерность, я ведь к тому времени, как писал когда-то о себе Шевченко, из конца в конец казахстанскую степь исходил… И я, помнится, тоже хотел проверить все на хронологическом срезе веков.

Маститый научный руководитель – они больше нас знают, потому что меньше по степям расхаживают, а в кабинетах корпят, – придрался к одной моей мысли. Не то чтобы крамольной, но чем-то его не устроившей. Она была жирно подчеркнута красным карандашом.

Тысячелетиями в степях Евразии господствовал кочевой способ производства. Кроме обозначенных на местности захоронений, он не оставлял других видимых материальных следов человеческого присутствия на земле. Историческая экспансия воинственных кочевников, их борьба за место под солнцем заключалась в опустошении пространства под новые пастбища. Монгольские орды Чингисхана и внука его Батыя, под девизом «Землю – скотине!» на своих непобедимых знаменах, преобразили суперконтинент, сметая все лишнее с

его лица. Но уже в средневековье, к эпохе новой истории, этот способ производства был обречен.

В течение двух кампаний – вначале робкой, времен протектората, а затем радикальной советской, база кочевого скотоводства Казахстана – Великая Степь – была перепрофилирована в земледельческую. Со всеми, явно выраженными атрибутами обитания здесь такого типа цивилизации. Эпохальные по своему значению перемены на огромных территориях нельзя рассматривать только лишь как масштабное аграрное, хозяйственное предприятие...

На обратной стороне страницы своим витиеватым почерком, но уже чернилами, профессор поставил резюме.

– К чему Вы эту декларацию относите? Вовлечение в оборот новых земель и смена способов производства – это как раз не одно и то же. В Канаде перепрофилирование, как Вы выражаетесь, земель прошло в те же исторические сроки, что и у нас, хотя никакие кочевники там эти процессы не сдерживали, их там просто не было. Эпоха экстенсивного земледелия вызвана целым рядом причин и факторов, в том числе и технической революцией. До нее кочевое хозяйство было системой, тысячелетиями занимавшей свою цивилизационную нишу, со своими структурами и институтами, духовностью и философией. Внутри нее не возникало непримиримых противоречий, иначе она столь длительное время просто не смогла бы господствовать безраздельно на таком пространстве. Дело в том, что мы иногда недостаточно глубоко вникаем в сложные материи трансформации этих самых способов производства и немотивированно вторгаемся в них, особенно посредством социальных опытов на практике… Начатых, кстати, в виде робких попыток еще с колониальных времен и продолжающихся в новейшие времена. Увяжите свою мысль более органично с темой Вашей работы, у Вас богатый и интересный фактический материал.

Так-так… Начал я, действительно, от сотворения мира, но это был заход на посадочную площадку собственной аргументации... Но если такие замечания профессор сделал уже в вводной части, то дальше что будет? И я написал ответ.

Уважаемый профессор, я Вас понял, хотя и не до конца. Потому что вы переносите вопрос в сферы сосуществования объективного и субъективного, материального и духовного, где, как известно, концы с концами не сводятся. Недавно мне один известный мыслитель еще раз напомнил о том, что никто и никогда их вообще не сведет. Даже в изначальных субстанциях, ибо сам Бог не может существовать без постановлений, а постановления без Бога. И оказался прав мыслитель этот, Бенедикт Спиноза: он уже триста лет как умер, а воз и ныне там…

Я тоже считаю, что материальное рвется вперед духовного, что спровоцировала спурт промышленная революция. Но ведь она – плод духа… Мозга, ума-разума, а затем уже рук и остальных конечностей человеческих, как принято полагать. Баланс этих материй существует для нас данностью, и я не совсем согласен с Вами насчет «опытничества» вождей, партий, идеологий. Они – вожди, партии, идеологии – есть лишь видимое внешнее оформление и выражение в лицах происходящих объективных процессов. Они ускоряют их или замедляют, но не порождают. Не партии породили феодализм или капитализм, хотя они его энергично продвигали и законодательно оформляли. Говорят, что социализм – утопическая идея, но именно с его первобытных стартовых колодок человечество рванулось к неравенству... На этот счет профессоров не учат, я просто излагаю свои аргументы.

По-моему, как и в дарвиновской системе естественного отбора видов, так и в естественной смене систем, Ваш так называемый «механизм вторжения» от нас зависит лишь частично и является, по существу, лишь одним из видимых звеньев этой глобальной механики. Более цивилизованным, кстати, в новой истории механизмом, нежели «технологии» прежних времен. Ибо посредством тех же, как Вы говорите, «социальных опытов на практике» кочевники извели земледельцев в Европе, мелкая их популяция оставалась тогда лишь в глухомани лесов. Но, в конечном счете, оттуда, и с помощью «механизма вторжения» и методами демонстрации преимуществ оседлого уклада, земледелие не только

*реваншировалось, но и растворило сотрясавший Евразию кочевой уклад в себе. Уклад, а не народы, они, народы, остались, интегрируясь в иную, **евразийскую** систему. Это нормальный «ход конём», ибо их автаркия, никогда не имевшая более сильных фигур, обречена… И в этой многовековой исторической кутерьме всегда была идеология, партии и вожаки. Они возглавляют борьбу видов за существование под четким идеологическим лозунгом – выжить и победить... Хоть теорию Дарвина читайте, хоть на волчью стаю смотрите…*

Одухотворение истории, очеловечивание лозунгов, на наш взгляд, идет крайне медленно, хотя по глобальным меркам весьма бурно. От биологического закона существования одних за счет других – до цивилизованной нормы выживания вместе. Извините, но я рассуждаю общими категориями. Не хочу сказать, что Вы рассуждаете частностями, реальность в том, что Вы – руководитель. И поэтому я убираю свою, как Вы сказали, «декларацию» целиком, этим мы с Вами не нарушаем нить изложения, ибо в нем еще остается «богатый и интересный фактический материал».

Профессор при ближнем знакомстве оказался тургайцем, что сгладило острые углы и прояснило причину его амбивалентного отношения к проблеме. По молодости он, тогда еще, конечно, не профессор, хоть и не противился лозунгу коллективизации в Тургае, но предлагал какой-то специфический эволюционный путь. И даже Сталину написал. Нет, не посадили… А от работы отстранили. Тем более, что потом, как общая категория, сталинская линия повсеместно и триумфально восторжествовала… А если брать в частностях, то едва ли не весь род ее тургайского оппонента вымер от голода, кажется, в Албар-Бугете.

Наши взгляды не стыковались, как выражался Павел Флоренский, по причине антиномии. Тех противоречий реальности, которые не сводятся к общему знаменателю ни умом, ни законами, ни доказательствами, отчего даже из Книги книг мы не можем понять, каким образом Святая Троица триедина, но все же существует в отдельных своих ипостасях – и Бог Отец, и Бог Сын, и Святой Дух. И опять же-таки, елки-палки, в едином лике… Подобные противоречия, полагал священник-философ, можно устранить лишь «цельным мировоззрением», апеллируя, видимо, к Святому Духу… Видимо – к Святому Духу, как последней ипостаси, поскольку простых решений на этом идеологическом участке, как говорил Горбачев, у нас пока нет.

…Сам архитектор перестройки в подобных случаях, между прочим, ниспослания мудрости у небес не молил. Или молил (почти все руководящие партийцы впоследствии заявили себя скорее верующими, нежели атеистами), да в зуде не дождался результата. Поэтому скатывался к весьма примитивным, по правде сказать, дурацким решениям. Это при нем начали раскорчевку ни в чем неповинной лозы винной ягоды… Кромсать свежесрубленные целинные агрогородки на крестьянские отрубы. Потом только, хоть и поздно, спохватились... Генерацию фермеров не возродили: нельзя возродить то, чего не было. У нас было кулачество, как класс, что далеко не одно и то же. Кулак – это одна жена, две лошади, три коровы, куча детей-батраков собственных и «Домострой»; у меня один из дедов раскулачен.

Любой, кто хоть краем глаза видел, кроме асфальта, еще и пашню, знает, что новый урожай высевается добротными семенами. Упования на самосев вознаграждаются плевелами и падалицей.

Переписку с профессором я храню до сих пор. Под его мысли о роли суфиев в духовной жизни этой части света, о примере их аскетизма и материального самоограничения в пользу разумного согласия с природой и, наконец, о всяческом забвении этого великого учения нынешними поколениями я корректировал диссертацию. В конце концов, от нее остался лишь тот самый «богатый и интересный фактический материал»… Я даже назад ее не забрал, в том виде она напоминала мне голые подсчеты Ермека, зыбкие, как сама тургайская вода. Не соберут, случится, в перманентных, нелегких да мучительных порою реформах урожай вольные землепашцы, и вновь польется с трибун чья-нибудь песнь об ошибках, допущенных при распашке степей, о непродуктивности вовлеченных в оборот земель... И ни при чем тут окажутся твои цифры и выкладки, если выброшены закономерности...

Но от всего этого – и от неурожая, и от старых песен – упаси нас и сохрани...

Глава двенадцатая

ПУЛЬС ПЛАНЕТЫ.

1954-2003 годы.

В ранге почетных гостей Тыныштал мы посетили.

…Все здесь изменилось, ничего не узнать, своим обликом он стал похож на множество других, виданных-перевиданных мною целинных агрогородков, создавших насыщенный топографический фон на карте обширнейших пространств вокруг новой казахстанской столицы.

Но те – другие. А тут, на бывшем, навсегда оставшемся в сердце пустыре, в душе проснулось далекое и позабытое в суете сует радостное чувство победы, испытанное тогда, в выстроенном уютном летнем домике с дымящим камином под монотонным дождем на отцовском подворье. С распахнутым настежь окном и кольцами табачного дыма в промозглый мир… Великое ощущение обжитого пространства, во имя которого человечество всю свою жизнь без устали таскает камни…

Орысаул соединился с поселком, на месте тропинок по тюльпанным местам в вечерних сумерках светились окнами дома. Широкие целинные улицы и проулки с давно вытоптанной травой, будничный рабочий шум, крики неугомонившихся за долгий день детей. Эти, на ноги вставшие, нас уже не знают. Для них все то, что есть вокруг, всегда было и будет всегда. Так строители постепенно становятся безымянными…

Откуда-то долетал прорезавшийся бас и девичий визг… Будь хоть какой рабочий напряг, жизнь не замирает. Жизнь берет свое…

…А был как раз пик напряжения – уборка. С полей доносился ровный гул техники и сполохи огней, на околице пылила освещенная громада механического тока, слышался негромкий рокот электростанции за поселком… Вся атмосфера тихого, теплого вечера благоухала духом созидательного бытия и искрилась волнами энергии, несущей на своих частотах пульс планеты в этот затерянный когда-то в степи аул.

Уехали мы на другой день к обеду. До самого горизонта простирались пшеничные поля.

Post scriptum.

АСТАНА
6 февраля 2004 года

«Те годы, которые сделали Казахстан хлебной житницей, большим аграрным краем, а золотой колос – неиссякаемым источником изобилия и благополучия, стали нашей достойной биографией. И эту общую летопись бескрайних просторов казахской земли мы создавали своим ратным трудом».

Нурсултан Назарбаев

«Важно, что общий труд на целинных просторах связал судьбы молодых людей, укрепил исторически сложившиеся братские связи народов России и Казахстана. Заложил основы сегодняшних отношений стратегического партнерства двух стран».

Владимир Путин

«Тысячи молодых людей разных профессий откликнулись на призыв об освоении целины. Их энтузиазм и самоотверженный труд – это достойный пример оптимизма и мужества молодежи, ее веры в прекрасное будущее».

Александр Лукашенко

«Мы горды тем, что в освоении казахских целинных земель принимали участие более 300 тысяч представителей Украины».

Леонид Кучма

Рассказы и очерки

СБЫВШИЙСЯ И НЕСБЫВШИЙСЯ СОН

Около двухсот книг по истории целины и краеведению, большей частью редких, раритетных даже, в публичных библиотеках отсутствующих, я передал нашей архивной службе. По настоянию ее тогдашней начальницы Лидии Коваленко: «Это ведь хранители прошлого. Хоть и не каменные, но нетленные скрижали».

Да... Без письменных свидетельств о канувших в Лету эпохах устная история начинает склеротически молоть ерунду.

А еще восемьсот книг по курсу всемирной истории отдал родному университету. В то время, когда я грыз по ним гранит наук, он звался Кустанайским педагогическим институтом.

Облегченно вздохнув при виде частично освободившихся шкафов и прижав в атлетической позе кулаки к плечам, я призадумался: что бы еще полезного для общества свершить. И начал ворошить недра прочих заштабелеванных отсеков. Взгляд упал на пожухший листок с автографическими каракулями. Это было начало незаконченного лет двадцать назад рассказа.

«Лето выдалось дождливое. Исходил последними свинцовыми каплями еще один ливень. Мутные потоки скатывались в озерка струящихся теплым маревом низинных луж. Там, среди намытой трухи и водорослью колышущейся подтопленной травы хлопали ресницами глазастые пузыри, скорой суши не предвещая...»

Куда после такого запева закручивался сюжет, помню. Мне снилось, будто бы через этот раскисший луг я догонял огибающий станцию экспресс в надежде перехватить его наперерез.

От поезда я отстал.

Незаконченное мое творение попало в «долгий ящик». Потому что писать тогда приходилось совсем иное. В жестком временном режиме. Деловые и официальные бумаги, публичные речи, выступления в прессе. Для других. Для себя – мелкий остаток. Словом, я делал то, что теперь по-американски именуется спичрайтерством.

Под своим именем в публицистику я пришел. Поздно. Можно было бы пораньше.

И вообще, в жизни я многое сделал с опозданием. Как в том сне, на той станции. Успокаивает несколько то, что подкорочное чувство неудовлетворенности собою присуще большинству из нас. «Всю жизнь свою, – писал Василий, – я рассматриваю как бой в три раунда: молодость, зрелость, старость. Два из этих раунда надо выиграть. Один я уже проиграл».

А проиграл он как раз третий, до которого просто не дожил. Тем не менее, победил. Ибо всех нас нокаутировал во втором.

Василий – это Василий Макарович Шукшин.

* * *

Перед каждым поворотом судьбы я вижу один и тот же сон: догоняю уходящий поезд. Сколько раз это было, сказать не могу, но станцию, которой нет, я знаю, как родину. Ее привокзальную площадь. Имени Марко Поло.

– Мы, что, в Италии? Индии?

– Нет, – отвечают местные. – Просто здесь он останавливался проездом. Других известных людей на станции не было. А вы, кстати, кто такой?

Перронные лавочки, бабульки с вареным, неошкурившимся еще картофелем и малосольными огурцами, гранитный монумент милиционеру с надписью на околыше фуражки «Марко Поло». Москательная лавка.

– Что такое москательная лавка?

– Мездровый клей, дратва, деготь. Туда, куда вы едете, все это не нужно. У вас там бытовая химия. А примус взять советуем.

– Зачем?

– Чай в пути заваривать. Если по вагонам разносить – окупится...

В книжном магазине я застрял. «Слово о полку Игореве». Древний список, оригинал.

– Сколько запрашиваете?

– Уберите из-под носа керосинку. Дышать нечем. Можете ее даже выкинуть: горючее сейчас дороже чая. А рукопись дешевая. Ваши такое не читают, а наши выучили наизусть.

– Вы лучше хватайте свой аппарат, – сказал сошедший с постамента каменный постовой, – а не эти пергаменты. Поезд отходит.

– Так время же еще есть...

– Уже нет. Я дал команду. У нас время другое.

– А какое?

– С вашим расходится на один час сорок пять минут тридцать секунд...

– Елки-палки, исчислять ведь неудобно...

– Ну, так это для вас неудобно... Вы транзитники. Между прочим, ваши особые приметы?

– Переодеваясь, я вешаю одежду на двери, а не в шкаф.

– Все нормальные вешают на дверь. А я об особых приметах спрашиваю.

...Продавец вытащил полотно.

– Так вы насчет Времени... Пожалуйста, картина кисти Сальвадора Дали, можете купить. Поймете, как Оно течет. Часы у него вон сыром плавленым поползли.

– Не нужно. Время не купишь. И копия это, я видел где-то, за вашими кордонами, оригинал.

– Да оттуда и завезли только вчера. Пыль вот вытираю музейную... Для искусства границы нет...

Подтопленный луг я пересек, но паровоз дал прощальный гудок. Местные на мотоцикле с коляской сказали:

– Садись. Мы его сейчас… Никуда не денется, проводим...

Догнали. Но на пути шлагбаум.

– Отворяй, – приказал мотоциклист.

– Не могу, – под шум уходящего поезда кричит дежурный. – Тяжелый он. Не могу дать всем дорогу...

* * *

Отстал или нет? Отстали или нет? Нет, вроде куда-то движемся. Заехали за рубеж тысячелетий, что выпадает на поколение раз в тысячу лет. Встали на путь самоопределения, что случается раз в полтысячи лет. Будто бы успели… Видим, кто как уселся. Кто в мягком купе, кто в тамбуре, кто уцепился за поручни. Кто слез. Кто метится на посадку. Согласно выданным судьбой билетам.

Для сведения тех, кто отстал, – поезд идет вперед.

сентябрь 2001.

ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ

То, что случилось однажды,
неслучившимся быть не может.
Феогнид из Мегар, VI век до н.э.

В ходе недавнего визита Президента Казахстана на Кустанайщину (далее цитирую нашу газету «Печатный двор» №5 от 20 августа 1999 г.) «...на полях ОПХ «Заречное» В. Двуреченский познакомил Н. Назарбаева с продукцией конного завода. Основанный еще в 1888 году завод вел большую селекционную работу, итогом которой стала кустанайская порода лошадей, утвержденная правительством СССР в 1951 году. Эта порода получила мировое признание. И, несмотря на экономические шарахания и падения последнего десятилетия, в ОПХ «Заречное» не только сохранили генофонд породы (единственной, кстати, выведенной в Казахстане), но и выходят на рынок. Президент поддержал предложение В. Двуреченского о переименовании породы в «казахскую верховую», имея в виду, что в перспективе эта порода станет базовой для всей Республики».

Согласился Президент или нет – дело не протокольное. Ответы на вопросы «навскидку» – это скорее намерение их рассмотреть. Но как мог Валентин Иванович Двуреченский, мой бывший обкомовский коллега, еще недавно министр сельского хозяйства Республики, так поставить вопрос: **переименовать породу**?!

Кустанайская лошадь известна, занесена во все реестры и распродана по всему миру. И теперь ее как бы не будет?

Интересно, как совершится сам процесс отмены. «За бугор» телеграммы пошлем: «Лошадь, купленную у нас, просим считать недействительной»?

Отведали мы всяких переименований, но подобных историй – с породами – еще не было. Вывести новую – это знаем. К слову, на кустанайскую три четверти века понадобилось.

Чем знамениты французские местности Шампань и Коньяк? Правильно, слышали, хотя и не каждый пробовал эти рукотворные чудеса натуральными. Подделками довольствуемся. Вот индийский Кашмир – доступнее. В кашемировых тканях щеголяют модницы всего мира.

И чем больше таких творений человеческого ума и рук по городам и весям любой страны, тем страна достойнее.

Мы известны миру уникальной особью кустанайской лошадки.

Пожалуйста, вот что в новом Большом энциклопедическом словаре (Москва – Санкт-Петербург, 1998 г.) сказано о Кустанайщине:

КУСТАНАЙ (в 1893-95 Николаевск), г. в Казахстане, ц. Кустанайской обл., на р. Тобол. Ж.д. уз. 233,9 т.ж. (1991). Пищ., легкая пром-сть. ПО «Химволокно». Металлобработка. 2 вуза. Драм. т-р. Краеведч. музей. Осн. в 1883.

КУСТАНАЙСКАЯ ОБЛАСТЬ, в Казахстане. 114,5 т. км². Нас. 1074 т.ч. (1991), гор. 52%. 4 города. Ц. - Кустанай.

КУСТАНАЙСКАЯ ПОРОДА лошадей, верховая, выведена в нач. 20 в. и разводится в Казахстане. Ж-ные крупные, массивные и выносливые.

КУСТАНАЙСКИЙ ЖЕЛЕЗОРУДНЫЙ РАЙОН, в Казахстане. Открыт в 1930-х гг. М-ния магнетитовых в карбонатных породах (Соколовское, Сарбайское, Качарское, Южно-Сарбайское и др.) и оолитовых бурых железняков (Лисаковское, Аятский железорудный басс.). Разведанные запасы – 14,7 млрд. т, в т.ч. легкообогатимых магнетитовых руд с содержанием 45-47% Fe – 5 млрд. т. Работают Соколовско-Сарбайский, Лисаковский, Качарский горно-обогатит. комб-ты (ГОК).

О нас, между прочим, много написано. Про Петропавловск, к примеру, всего пять строчек. Но, как видим, творение человеческих рук здесь – лошадь. Наша визитная карточка. И гордость Республики Казахстан.

* * *

В институте на историческом факультете студентам предложили сформулировать тему курсовой работы. Я не смог сформулировать. Не назовешь же «Императоры и генсеки в судьбе Кустаная». «Не назовешь! – ответил научный руководитель (дело было еще в бытность КПСС). – Ишь ты, кого в один ряд поставил. А суть-то работы в чем?» Я ответил, что город наш небольшой и далекий от столиц, но никто из руководителей империи, а затем и страны не обходил его вниманием. Что-то в Кустанае особенное, видимо, есть, и я хочу в этом разобраться. У меня имеется несколько сведений о связи Ленина и Сталина с Кустанаем. Не говоря уже о Хрущеве и Брежневе, которые здесь исколесили всё вдоль и поперек. Есть на этот счет предположения о двух последних императорах, но надо покопаться в архивах для подтверждения своих догадок. «Вот о генсеках и напиши, – сказал руководитель. – Интерес к монархам могут не понять».

Я так и поступил, **но без императоров история Кустаная какая-то беспричинная.**

Всяких дел понаделали монархи – и хороших, и плохих. Скажем, Александр Второй, дедушка родимый Николая Второго, морда самодержавная, взял и отменил украинский язык в Малороссии. Чем он ему не понравился, не знаю. Писавший на нем Тарас Шевченко после казахстанской ссылки (где впервые запечатлел в живописи и графике тогдашний казахский быт) к тому времени уже лет пятнадцать как умер. А скорее всего – из-за него, потому что «Кобзарь» поэта с антимановскими пакостями как раз на «мове» пошел гулять по свету.

Вердикт был краткий: чтобы я этого малороссийского наречия не слышал и книжки на нем не видел (Указ от 1876 года). А предки мои никаких других языков не знали.

Николай II в 1906 году глупый Указ деда отменил, сказал: ладно, балакайте... Так бабушка моя Евдокия Владимировна до последних дней молилась на него как на святого.

А кустанайские ровесники моей бабушки во главе с Амангельды Имановым на царя с боем пошли. За унизительную дискриминацию.

Поэтому о монархах мы вспоминаем здесь лишь в связи с городом Кустанаем.

* * *

Император Александр III европейскими делами занимался мало. Ни с кем не воевал. Заключил союз с Францией, видя, какую силу набирают его родственнички в Германии. Зато азиатскими – плотно и ежедневно.

В России после отмены крепостного права бурно развивался капитализм, и ее колониальная политика, как во всех других капиталистических странах, строилась в логике конкуренции за рынки сбыта. Средняя Азия и Степь были гигантскими потребителями товаров: только в Казахстане многомиллионное население регулярно покупало ткани и одежду, предметы быта и обихода и, конечно же, чай и сахар. Нам, снова оказавшимся в условиях рынка, теперь более понятны интересы товаропроизводителей и их наступательный дух. Поэтому Средняя Азия в своих южных границах была «застолблена» Александром III в итоге сложных силовых и

дипломатических ходов с англичанами. В сферу интересов британцев вошли страны по ту сторону пограничных столбов.

Но если граница обустраивалась, то тылы империи в Степи оставались слабыми: без промышленности, инфраструктуры и дорог.

Наверное, Александр III, могучий с виду, но неизлечимо больной в сорок с лишним лет, говорил сыну: «Тебе скоро на престол. Я подписал решение о новых поселениях в Степи, одно из них – Кустанай. Поднимется, твоим именем назову – Николаевск-на-Тоболе. Ты был в тех краях и наши планы знаешь. А пока посоветуйся с министрами, какое дело там поставить. Чтобы за счет казны быстрее, пока я жив, оно в город выросло».

Никогда царское имя не прилеплялось без высочайшего соизволения, без прицела, расчета, а затем пожизненного внимания. Это монархический закон.

Николай II, как все цесаревичи, обожал лошадей. И в силу их природной аристократичности, и практической пользы. Кавалерия была ударной силой армии и общегосударственным транспортом. Поэтому попросил отца разместить в Кустанае заводскую конюшню.

Другими словами, царь и царевич с далеким прицелом разместили выгодный для развития города военно-промышленный заказ.

Так что лошадь, а не моток шерсти с воткнутой в него не то вязальной спицей, не то веретеном, должна быть на гербе Кустаная, хотя сам завод оказался на территории прилегающего района. Но это уже своенравные затобольцы облюбовали места вокруг вынесенной на вольные луга за реку конюшни.

В 1893 году поселение было названо Николаевском, а в 1894 году Николай II стал Императором Всероссийским. В 1895-м, то есть практически сразу же, новый государь дал поселению статус города, но вернул ему казахское имя Кустанай. Нынешнее объяснение этого шага состоит в том, что в те времена один Николаевск на карте уже был. Но тот, на Амуре, появился в 1856 году в связи с кончиной Николая I для увековечения имени этого царя.

Тем не менее, новый государь не снял с себя обязанности патрона (не в имени было дело) и дотащил до города железную дорогу. Специально, не в качестве пролетной станции, в Кустанае ветка заканчивалась. Причем довольно внушительным для небольшого городка вокзалом. Его снесли, но при нынешнем пассажиропотоке он еще бы служил и служил. Поражает скорость строительства дороги от Троицка до Кустаная протяженностью 166 километров. Она была сооружена за один год. Семнадцатикилометровый же участок от станции Тобол до Лисаковска в 1960-70-х гг. строили девять лет.

Почему так спешил и что хотел Николай II сделать еще в городе, который отец назвал его именем?

К сожалению, кроме затасканных ответов, претендующих на исчерпывающие истины, как-то: «углубление колонизации», «закабаление окраин», «усиление эксплуатации крестьян», – здравых версий нет.

Я предполагаю, что относительно последнего дело обстояло совсем иначе. Александр II (я выше упоминал его неблагодарно) есть Государь-Освободитель. Он отменил крепостное право. Попытки свершить эту историческую миссию начала цивилизованная немка Екатерина II, увидевшая по приезду ужасную российскую дикость.

Но... не все могут короли. И цари. И президенты. Всегда есть скрытая и открытая оппозиция, сопротивление и тихий саботаж, когда на словах все – за, но делают наоборот. А тут воспротивились помещики-крепостники – вся суть государства. Остальные – всего лишь бесправные ничтожества.

Александр II через сто лет уговорил, переломил. Крепостное хозяйство безнадежно отставало от европейского капиталистического, заводя Россию в экономический и политический тупик.

Сын его Александр III, приняв дела, понял, что саботажники и оппозиция переиграли отца полностью. Формально раскрепощенные крестьяне фактически оказались намертво закабаленными у прежних владельцев.

Я еще раз проштудировал всю статистику Российской империи по крестьянскому вопросу. Даже более чем через 50 лет после реформы, к 1917 году, свободным, вышедшим из общины, был лишь один крестьянский двор из десяти! А тогда, в 1880-х, практически ноль.

Лишь переселенцы по Тоболу, в степях, на казенных российских и казахских землях завели свободные крестьянские хозяйства целыми селами.

Весной, летом, осенью работали до изнеможения, а зимой (я читал об этом в нашем архиве) в каком-нибудь Всехсвятском или Борис-Романовке просаживали деньги в кабаках, резались в карты, гонялись за девками – совсем как в американских Штатах.

...Предвидя кончину, Александр III усиленно «натаскивал» сына на царство, преподавал уроки, в том числе и по болезненному для полукрепостнической еще России земельному вопросу. Послал его на крестьянские поселения нового типа за Уралом – от города Тобольска до кустанайского Притоболья – дабы дать понять: империя должна иметь вольных хлебопашцев во имя своего будущего. И во славу царствующей династии да здравие и долгие лета (чего, в конце-концов, не случилось) самого же цесаревича-наследника Николая, поскольку деда его, Александра II, на каждом перекрестке дожидались бомбометатели, пока не исполнили приговор «За землю и волю!», ибо Освободитель толком никого освободить не сумел… Сам же Александр III-отец всю тронную часть жизни просидел в Гатчине, не высовываясь под суленную ему пулю… Что же это за государство такое, если в нем вообще нет благодарных верноподданных, а одни саботажники да бомбисты?

В итоге перед Николаем II была поставлена четкая цель: образовать обильную (по типу английской Канады) свободную хлебную провинцию с центром в Кустанае, обеспечить державу дешевым зерном и мясом. И переварить феодальную степь в капиталистическом котле так, чтобы вся Азия, вплоть до южных пограничных столбов, была высокоразвитым и крепким, уважающим свое государство тылом.

Для переселенцев, тащившихся сюда на своих разномастных клячах, готовилась местная кустанайская лошадь. И по высочайшему повелению проложена ударными темпами железная дорога.

Но началась первая мировая война. Больше «мирскими» делами Николаю II заниматься не пришлось. Завершил начатое Никита Хрущев, но уже в других условиях и иных масштабах.

* * *

Я вряд ли бы написал эту статью, если бы не книгоиздательство Печатного двора. По заказу Министерства сельского хозяйства Казахстана мы выпустили третий том «Государственной племенной книги лошадей кустанайской породы», а издаваемое я обычно читаю.

Так вот, как пишут в книге В. Алейников и В. Попов, с 1888 года перед Кустанайской заводской конюшней ставилась стратегическая задача: на базе мелкой (в результате бессистемной селекции), но очень выносливой казахской степной лошади вывести породу, «годную под воду и под Воеводу», то есть и для сельского хозяйства, и для армии. Отбирались только крупные казахские особи, а затем смешивались с калмыцкой и донской породами, имевшими более ярко выраженный верховой тип. А потом эти помеси – с кровями арабских и орловских рысаков (орлово-растопчинских, стрелецких) и других.

Сразу же после гражданской войны, в 1921 году, ленинское правительство преобразовало заводскую конюшню в Кустанайский конный завод № 48, прирастив его еще и Майкульским конным заводом по выведению рабочей лошади.

К 1950 году работы, проводившиеся на трех заводах (два предыдущих да российский Троицкий) под руководством доктора наук профессора Г. Хитенкова, были «апробированы и утверждены». Председатель Совета Министров СССР Иосиф Сталин издал Постановление.

* * *

Свои молодые годы (с 1947 по 1958 г.) посвятил кустанайской лошади бывший директор завода Михаил Георгиевич Моторико, ставший потом председателем облисполкома, а впоследствии министром сельского хозяйства Казахстана. Это при его руководстве состоялась «апробация и утверждение» от 1951 года. Им написана книга «Кустанайская порода лошадей». В ней есть глава «Кустанайская порода как улучшитель казахской лошади». И констатация того факта, что огромная территория республики не может довольствоваться лишь одной породой. «Поэтому у нас, наряду

с местной казахской, кушумской, донской и рысистой породами, широкое распространение получила кустанайская...»

Между прочим, «апробацию и утверждение» кустанайской лошади по поручению Сталина вел сам «бог кавалерии» легендарный Семен Михайлович Буденный.

Лошадь получилась верхово-упряжной. И как лошадь состоялась.

* * *

До поездки в Венгрию в начале 80-х я понятия не имел, что такое салями. Прочитал на таможне, что больше чем полкило вывозить нельзя, – ну и не надо. А попал в местность, где именно эту колбасу производят. Угостили. Да, это чудо! Но только там, в той местности, а не доставляемый нам дешевый суррогат.

Как пояснили производители, на вкус и качество влияет весь комплекс факторов: специфика местных кормов, свойства мяса, а главное – состав воздуха в погребах, где продукт обильно зацветает и приобретает особый кисловато-сладкий вкус. Затем плесень с поверхности убирается – и на стол. А вот за пределами этой округи такого эффекта нет. Салями в Венгрии – национальный деликатес и дорогой предмет экспорта.

...«Нежинские» огурчики с наших дач напоминают оригинал из-под Чернигова только по форме. Тот, настоящий, в соленом виде прямо-таки раскалывается на кристаллы во рту при закуске. «Но, – досадует председатель местного колхоза, показывая рукой вперед – за той вот межой он, паразит, уже не какой-то особенный, а обычный «огирок».

Я о том, что кустанайская порода могла случиться только в Кустанае.

«По Н.П. Чирвинскому (1949 г.), из факторов, под действием которых больше всего изменяются животные, главное значение имеют климат, условия питания в период развития, а также упражнение или неупражнение органов (степные расстояния, тебеневка и другие вынужденные действия – *прим. А.Т*). Не случайно лошадей кустанайской породы разводят в десяти областях Казахстана, но 94,7% их сосредоточено на севере Республики». (М. Моторико, вышеназванная книга, Алма-Ата, издательство «Кайнар», 1981 г.).

* * *

Четвероногий представитель области сделал для ее славы ничуть не меньше двуногих. Порода эксплуатируется в России – от Башкортостана до Приморья, в Монголии, Китае, Англии, Италии, Германии...

На московском международном аукционе кустанайские лошади проданы «с молотка» наравне со всемирно известными арабскими и ахалтекинскими скакунами.

Рекорды. Лошади линии Зевса: Зачет – чемпион ВДНХ 1962 года. Закон – чемпион ВДНХ, 1969, 1972, 1976 годов, чемпион Всесоюзных соревнований, 1976 года.

Я решил не продолжать, так как перечень побед и рекордов наших коней на ипподромах мира в третьем томе книги занимает 40 убористых страниц.

* * *

Валентина Ивановича Двуреченского я, конечно, понимаю. Национальное достояние нужно беречь и приумножать, а у него средств на это нет.

Но дело не в «лошадиной фамилии». Потому что есть еще одно кустанайское чудо – порода крупного рогатого скота, за долгие годы поисков выведенная в аулиекольской Москалевке под руководством академика ВАСХНИЛ Никиты Ростовцева, Героя Социалистического Труда. Тоже коровка местная, неказистая, а быки со всего света, даже из Уругвая. И тоже как порода состоялась. Она приняла общегосударственное обозначение – казахская белоголовая.

Но положение ее ничуть не лучше лошадиной.

Стало быть, надо заниматься не словопрениями, а искать средства для осуществления государственных программ сохранения и развития пород.

И для кустанайской лошади, и для казахской белоголовой. Нужно привлечь всенародное внимание к проблеме.

Для того и написана эта статья.

сентябрь 1999 г.

ВЕЛИКИЙ АХМЕТ

Конец второго тысячелетия в духовной жизни Казахстана знаменательно и справедливо завершается возданием должного великому нашему земляку Ахмету Байтурсынову.

* * *

Печатный двор согласился выполнить просьбу оргкомитета о выпуске к юбилею трех книг. Мы восприняли это за честь, а согласие требовалось лишь потому, что до торжеств оставался ровно месяц. Как издатель и вынужденный редактор (кого найдешь еще за это, достойное Книги рекордов Гиннесса, время выдачи книг на-гора?) я прочитал все в черновом и белом вариантах. Тем более что личность ученого интересовала меня, кроме всего прочего, профессионально.

Нам приходится переводить на казахский язык специальную, научную и художественную продукцию. Так вот, когда все вычитано, выверено и вычищено переводчиками и заказчиками и, наконец, издано – а там уже не вырубишь топором, – кто-то посторонний мимоходом обронит: а вот здесь у вас немножко не так, а вот тут совсем не то.

Собирается круг. Защита – те, кто читал и издавал. Оппоненты. Нейтральные арбитры. Нередко после вердикта высокого собрания продукцию приходится пускать под нож. Языковая служба Печатного двора не раз доказывала свою правоту коллегам из других учреждений и даже однажды – кафедре государственного языка. Но не раз терпела поражения. После очередной взбучки за, казалось бы, банальные ошибки, один из переводчиков Нагашибай Муратов устало произнес:

– Хорошо переводить на русский. Там еще два века назад недоросля Митрофанушку учили грамматике как науке. Русский немец Даль полтора века назад составил четырехтомный толковый словарь, немец Фасмер – этимологический, Ушаков и Ожегов – словари современного русского. У нас лишь к нынешним тридцатым это сделано Ахметом. Великим Ахметом. Им одним создано почти все: и фонетика, и морфология, и синтаксис, и словари. Но и после этого колоссального труда его пособия, как наследие врага народа, долго пылились, а словари в рукописях пропали вообще. Вот и толкуем до сих пор еще терминологию, потому что начавшийся процесс был прерван.

* * *

Меня всегда занимал вопрос мотивации сталинских репрессий. Почто так много казнил, с каким умыслом миловал... Почему взял великий грех на душу за просветителя народа? В чем, как выразился Эдвард Радзинский, разгадка подобных зловещих тайн Сталина?

Разгадывать будем еще долго. Непростой Сталин, очень непростой... Отрицая сталинизм как метод управления, неоправдываемый ни теперь, ни тогда, мы не можем отрицать личность Сталина. Отринул его физически Господь Бог в начале пятидесятых, а до этого, пока Сталин жил и, в буквальном смысле, творил, он достиг всех поставленных перед собой целей. Вытекающих из идеологии, ситуации, собственного эгоизма и инстинкта самосохранения. Вождь – он тоже человек.

У Сталина две основные цели. Первая – ему льстит роль в четверке главных личностей всемирной истории. Все пророки низвергнуты, все прошлые герои: Македонский, Чингисхан, Наполеон – жалкие поработители народов. Новые боги – освободители народов. Маркс, Энгельс, Ленин уже канонизированы. Последний мумифицирован – для примера преемникам, как надо поступать с богами и, в частности, с четвертым, а пятому не бывать: все титаническое свершено. (Сравнение идеологии сталинского коммунизма с религией подхвачено на Западе и порядком затаскано. Это антиподы, совершенно противоположные явления, но система «почитание –

повиновение», «личность – массы», «священное писание – ересь, инакомыслие» в них одинакова).

Вторая цель – удержание власти путем расширения числа сторонников веры и обеспечения их хлебом насущным за счет плодов технического, промышленного прогресса и общего экономического развития. Она в большей степени подчинена первой: нельзя недовольством низов нарушить плавность перехода из трона в пантеон. Бешеная гонка за индустриальными лидерами ознаменовалась лагерными стройками по-петровски, на костях. Туда загремели бомжи-матерщинники, нэповская болтающаяся, как сейчас, публика, всякий бывший разночинный люд – посмотрите, сколько для подобных великих дел можно найти свободного народа.

Но глобальные просчеты, случающиеся при единоначалии даже в домашнем хозяйстве, в масштабе громадной страны оборачивались колоссальными издержками, порождали или усугубляли голодные годы. Огромные средства отвлекались на армию: фюрер, кивая на восток, уже заявил, что места под солнцем немцам досталось мало… И хотя переворочено невероятно много, переведя дух, вспотевший вождь трудящихся понял: при жизни не догнать... И он пошел в обход двумя параллельными путями: мифотворчества и создания гвардии подельников путем поощрительной системы доносительства. Доносчики льготировались, занимали освободившиеся государственные посты и становились посмертными бультерьерами власти, обагренные кровью общих жертв.

* * *

Итак, Ахмет и Сталин. Неизбежен ли роковой исход? Почему-то самый расхожий ответ – да, вождю надо было истребить национальную интеллигенцию, чтобы уничтожить историческую память народа и ее корни.

Столь простой ответ не устраивает. Потому что (я говорил выше) достигать цели большевистский генсек умел и на полпути никогда не останавливался.

Почему Ахмета расстрелял, других наградил, а казахскую домбру и патриарха-акына Джамбула превозносил перед всем миром? Это при Сталине – первые национальные театры, оперы и консерватории, издательства и газеты, алфавиты и учебники. И первая блестящая плеяда национальных художников, артистов, композиторов, писателей, в их числе солидное торгайско-кустанайское землячество.

На судьбе Ахмета я еще раз убедился: смертный жребий по политическим мотивам выпадал, прежде всего, на патриотов. Истинный патриот, болея болезнями народа, имеет скорбный взгляд (посмотрите все портреты Байтурсынова) и решительный голос (прочтите его статьи). Он говорит своему народу нелицеприятную правду. Он хочет скорее вовлечь для прогресса весь национальный ресурс, он бьется над путами-тормозами. Патриот – он интернационалист, он апеллирует к опыту других, ему претит и мешает патриархальщина. Он кричит, не думая о последствиях, за достойное будущее своего народ он готов на плаху.

Взглядом и голосом подобный Ахмету великоросс Лермонтов, по стихотворениям которого «На смерть поэта» и «Бородино» школьников учат Родину любить, тоже нередко позволял себе пассажи вроде «Прощай, немытая Россия...» До тридцати не дожил. Его послали, правда, под пулю кавказскую, но встрял свой, Мартынов.

Если строку Лермонтова я процитировал, то Ахмета на эту тему цитировать не хочу. Его дело и право (как и Абая) говорить о своем на повышенных тонах. Может быть, сгоряча, резко. Чтобы остановились и услышали. Это внутренние или даже семейные, так сказать, разборки.

...Вождь народов нейтральным быть не мог. Он только что на съезде победителей объявил миру о триумфе социализма. Миф о том, что нации и народы в едином союзе уже находятся впереди планеты всей... А тут некто, всей нации авторитет, говорит: не впереди, и даже далеко не впереди.

Как моментально за глухой стеной вождь услышал то, что в бескрайней степи сказано даже очень громко? Без переводчика... От ура-патриотов. Они сразу донесли в Кремль: мы, товарищ Сталин, так точно и действительно здесь, в Казахстане, во всех отношениях впереди. А один тут наш говорит такое...

И тома доносов, свидетельств, фактов. Оставалось накладывать резолюцию, в чем вождь мирового пролетариата был необычайно спор.

июль 1999 г.

СУТКИ С БОРОДИНЫМ

По случаю девяностолетия со дня рождения Андрея Михайловича Бородина, легендарного руководителя области времен Советского Союза, собрались на встречу его товарищи и друзья, соратники по партии. Другими словами, высокая номенклатура тех лет, почти четверть века управлявшая Кустанайщиной. Вспомнили, какой она была до их прихода во власть: из поселка в поселок – разве что в кирзовых сапогах да на гусеничном тракторе. И какой стала: можно за день, в любую погоду на легковом автомобиле, при галстуке и туфлях – от Кустаная до Торгая…

Но больше поминали все-таки редкую душевную щедрость и человеколюбие его. Как нравственную основу столь неординарной фигуры и судьбы.

Я не из тех, кто находился с Дедом (так звали его в кругах приходившей на смену молодежи) совсем рядом. И во времени, и в пространстве. Хотя благословлял меня он лично и решение о переводе в Кустанай сам подписал. Однако, на встрече в таком именитом кругу я не мог сказать, что, дескать, и я… Но почти сутки у Андрея Михайловича мне однажды быть довелось. Возле него, в смысле. Перед проводами в последний путь. Много примечательного произошло тогда у его застывшего, набальзамированного в кремлевской больнице тела.

Некролог, подписанный высшими лицами государства, был опубликован в «Правде» – рупоре КПСС. Сообщалось, что 9 июля 1984 года из жизни ушел действующий член Центрального Комитета, бывший первый секретарь Кустанайского обкома Компартии Казахстана, Герой Социалистического Труда…

А в Кустанае была создана комиссия по организации похорон, которая составила мероприятия. Все написанное в них, естественно, надлежало исполнять городским властям. Под руководством властей областных, естественно.

Коллизия в этом имелась.

В городе везде сидели «птенцы гнезда Петрова», воспитанники и выдвиженцы Бородина. В обкоме – североказахстанский десант с Василием Демиденко во главе, как раз и сменившего весьма «неудобного в обращении» для верхов Бородина.

Не буду возводить грех целиком на новую власть, ибо принятие его и отпущение заранее освятила Москва. Но нужно было все-таки здесь, на месте, понимать, с кем ты имеешь дело, даже если полномочий тебе дали немерено.

Городские власти оперативно определились относительно порядка и ритуала выноса, движения процессии и гражданской панихиды… Драматический театр, где должно было состояться прощание с покойным, находился «в епархии» нашего идеологического отдела, поэтому и отправился с предложениями по проведению скорбного церемониала в областной комитет партии.

Принимая там «на карандаш» указания секретаря обкома, идущие впоперек наших планов, я нутром почуял, что в театре может состояться внерепертуарный спектакль. Весь подтекст обкомовских поправок заключался в том, чтобы не превратить похороны в событие областного масштаба. Нужно быстро и четко, по-демиденковски, по полувоенному отдать оставшийся протокольный должок Герою, и не более…

«Мавр свое дело сделал, и ну его, этого мавра», – произнес я про себя. Не подумайте, что вслух. Вслух бесполезно, самый непререкаемый метод управления – коллегиальное руководство, от имени которого и выступал высокий обкомовский функционер.

«Может, какой-то резон в твоих соображениях имеется, – ответил бы он мне. – Но это же не моя выдумка. Это коллективное, всесторонне взвешенное, политическое, если угодно, решение. А наше с тобою дело – под козырек…»

Записывая дальше, я думал о том, как, откозырявши, все это выполнять. Как всего за один час – с одиннадцати до двенадцати – пропустить массу народа и всю номенклатурную рать. Как ограничить число официальных делегаций, венков и даже круг родственников.

– Каким образом родню регулировать? Впускать по пригласительным?

– Числом стульев у гроба, не знаешь как! Остальных вывести оттуда культурно под ручку… Посмотришь завтра, сколько там самозванцев соберется.

…Это – завтра. А сегодня с обеда – подготовка помещения, технические вопросы, доставка покойного.

Специалисты из художественных мастерских подготовили эскизы оформления фойе, сделали расчет потребности материалов для драпировки. Службы снабжения привезли тюль и бархат, но забыли гипюр на банты. Пока нашли и доставили – исчезли дизайнеры. Еле на машине разыскали.

– Мы, пока там у вас неувязки, перекусили, – ответили они уже навеселе. – Да помянули перед ответственным делом нашего Андрея Михайловича.

Работа закипела – плотники, декораторы, радиотехники, осветители, технички. Постоянные телефонные звонки насчет хода дел, указания – сколько мест для родни добавить, сколько для гостей убавить…

Когда привезли покойного, я даже не понимал, который час. Сопровождавшие тело местные врачи, напоследок понюхав воздух и отметив исключительное качество неизвестных им доселе бальзамирующих смол, удалились.

К делу невидимо и безмолвно приступили две женщины в темном, с черными, белыми и красными невесомыми траурными тканями. Я присел неподалеку. Есть возможность, помолчав, отдать последнюю дань. Завтра не будет.

Когда я познакомился с Дедом лично?.. Тогда, когда предстал перед ним в качестве кандидатуры. Раньше я видел его издалека, в каких-то дорожных хламидах и огромных сапогах. Ничем, кроме роста и веса, он от сельских начальников не отличался. Теперь же Дед восседал за массивным столом, в стального цвета ладном костюме, сверкая тонким произведением ювелирного искусства – золотой звездочкой Героя Труда. «А ведь он интеллигент», – промелькнуло в голове.

– Значит, к картошке ты уже, я вижу, привык …

Я не нашелся с ответом.

– Да говорю, – тыча пальцем в мое личное дело, пояснял Бородин сидящим рядом коллегам по бюро, – что прижился он уже в Кустанае. У нас ведь те, кто с юга, если три года без винограда выдержат, значит, остаются…

А в последний раз я виделся с ним на уборке хлебов уже накануне его ухода. Из обкома в Джетыгаринский район первый секретарь ехал бесконечными полями с обильными пшеничными валками, стожками вымолоченных стеблей мимо сновавших повсюду машин и комбайнов. Ни с чем не сравнимая по силе воздействия на человека картина. А если еще человек эти земли в поту распахивал, обживал и благоустраивал…

По намеченному маршруту во второй половине дня, после обеда где-то на тарановских полевых станах, Бородин должен был захватить проездом край денисовских земель в районе станции Зааятской, где сходятся границы четырех крупных хозяйств. Их руководители, молодые и расторопные, на встречу по пути следования были приглашены Бородиным лично. Никого выше директоров совхозов на нашей земле, как я понимал, он не ставил и близко, а тут редкий случай увидеться по дороге сразу с четверыми на их хлебных нивах. Я же находился в этом месте, как недремлющее око районных властей. А если говорить серьезно, то в этой земледельческой зоне с крупным железнодорожным узлом внутри различные хозяйственные интересы переплетались так, что на полевых кампаниях всегда требовался арбитр свыше.

В ожидании мы плескались в чистой каменистой речушке с песчаной отмелью у ажурного железнодорожного моста на Россию. Жара стояла ненормальная.

– Можете съесть свои харчи и сниматься с поста, – сообщили из района по радиосвязи, – Они пообедали и уехали от тарановцев по другому маршруту.

И мы, проголодавшиеся на природе у прохладной водицы, зажарили на сгодившихся даже бы для фехтования шпагах представительский шашлык из огромных кусков баранины, загодя

замаринованной бывшим коком пиратского судна в Южно-Китайском море, а ныне поваром местной столовой Ван Фасяном. Для сдабривания уже готового мяса был израсходован весь скромный запас армянского коньяка, после чего нас снова потянуло в реку. В это время бородинский кортеж остановился у мангала с остатками тлеющих углей и воткнутыми вокруг в землю шампурами-клинками…

– Извините, Андрей Михайлович, нас дезориентировали, – с трудом натягивая штаны на мокрое тело, оправдывался кто-то из директоров.

– Да нет, это мы вас с толку сбили… Жара невыносимая, искупаться, что ли…

И Бородин искупался.

– Это сколько же времени я в реке ноги не мочил? – спросил он самого себя, выходя из воды на горячий песок. Продрог даже. Давайте по рюмке для сугрева…

Эта была редчайшая с его стороны насчет ста граммов личная инициатива.

Анатолий Усик, хозяин песка под нами на смыкающихся здесь клином землях, выразил полную готовность.

– Сейчас, Андрей Михайлович, мы быстро на машине мотнемся в поселок…

Лица, сопровождавшие партийного босса, презрительно уставились на нас, а Бородин от души рассмеялся, пытаясь что-то сказать. Смех у него низкий, хриплый. Похожий на миролюбивый рык:

– А что, может, и сбегать в магазин за бутылкой? Как нормальным мужикам. От мужика ведь отмежевываться нельзя. Он страну кормит…

Между этими двумя встречами-эпизодами было много других, позволяющих иметь свое личное мнение о Первом.

Всем известна была его, с годами растущая, неуступчивость Центру, если дело касалось интересов области. И раздражительность по поводу наезда гостей кустанайской земли с замашками хозяев…

Желающих поставить Деда на место было достаточно, но не так-то все просто. А в Кустанае хлеб, влияющий на зерновой баланс страны. Поэтому к изъятию его сверх всякой меры они ненавязчиво подключали самого Брежнева.

Контрдоводы Бородина, как правило, действовали на Генсека, и тот на хозяина-землепашца, гораздо опытнее его самого, не давил. Потому, в обмен на хлеб «заготовители» стали предлагать Деду взаимный интерес – вторую Золотую Звезду. Достойнейший венец карьеры и всей активной жизни. Обеспеченная старость, слава и почет, каменные скрижали и бронзовый бюст. Кто такое без раздумья отвергнет?

Бородин подумал и дал ответ: торг здесь неуместен.

Конечно же, окружение Брежнева роняло ненароком в его присутствии мысли о том, что расположением Генсека кустанайский лидер злоупотребляет. Ведет себя так, как будто уже с ним вровень стоит. Брежнев уехал в Чехословакию и оттуда, вне телефонной досягаемости, сдал строптивого соратника своего по великим делам в Казахстане.

Что все-таки стояло за демонстративным упорством и антицентристскими демаршами Бородина? Что-то ведь стояло! Не оторвался же он от всякой реальности, бравируя связями с генсеком и дружбой с ним еще по молодости в Алма-Ате.

За всем стояло различие в видении коренных государственных проблем. Если отбросить эмоциональную шелуху, методику хлебосдачи и прочее, то, в сущности, Бородин практически в одиночку во всей огромной стране отстаивал хоть какую-то самостоятельность регионов. О чем думать даже, не то, что говорить, тогда было крамольно. Он пытался изменить положение вещей в эпоху тотального центризма, когда буквально все было в ведении Москвы. Потому что только там находились верные ленинцы – уже ничего не соображающие ни в ленинизме, ни в диалектике развития старцы.

С этой точки зрения Бородин для меня – личность историческая.

Посмотрите на Кустанай сейчас. Есть у нас чем гордиться. А почему всеми оттенками серости он «процветал» еще недавно? В те времена? Потому что, отдавая все в общегосударственный котел, мы клянчили оттуда, как сирые и убогие, на жизнь.

Составляли сметы и челобитные всесоюзным столоначальникам. Случалось, они неведомому им захолустному Кустанаю что-нибудь выделяли сверх прожиточного минимума.

Погубила социализм гиперцентрализация, а не Горбачев. Ненужным при ней оказался рассуждающий хозяин. Напротив, он мешал и не тот пример подавал. Надобен был всего-навсего исполнительный наместник. Поэтому на Кустанайщине, зиявшей белым пятном на карте государства как непокоренная территория, вакансия для него была создана.

Миллионы пудов каждого очередного урожая отныне полностью распределялись Москвой. В стране произошло полное и окончательное, если говорить по Марксу, отчуждение интересов производителей от результатов своего труда. Что еще до социализма погубило рабовладельческий и крепостной строй.

Как начал свой жизненный путь социализм с продразверсткой (тогда, правда, вынужденно), так и закончил с нею в обнимку…

– Мы все сделали, – доложили женщины в темном. – Утром принесем свежие цветы.

И тихо удалились. Не было уже почти никого, лишь на дальней стене возились с ритуальным интерьером дизайнеры. В июле ночи короткие. Кажется, рассветало.

С восьми утра появился обслуживающий персонал, служба скорой помощи, словом, все шло по расписанию. Прибывала опечаленная родня. Без самозванцев.

В одиннадцать ноль-ноль в распахнувшиеся двери валом хлынул народ. Но вскоре почувствовалось, что на улице что-то неладно. Слышался гул многотысячной толпы. По входящим внутрь было видно, что они продирались с боями. Из громкоговорителей доносились призывы соблюдать порядок.

В отведенной комнате венки и цветочные корзины не помещались, их складывали на кресла в соседнем зрительном зале. На лентах – надписи от городов и районов области, хотя официальные делегации от них не приглашались вообще. Не понять, где почетный караул, где родня, где похоронные службы. Подоспела помощь обкомовских работников – и вовсе ничего не разобрать. Но к последней смене почетного караула порядок мы все же обеспечили и места у гроба заняли руководители области. Отдав почести, они тем же путем – через служебный вход внутреннего двора – незаметно удалились с указаниями по завершению прощания и выносу тела.

Мы остались в полупустом помещении, но, как нам казалось, наглухо осажденном. Изнутри у входа с нами стояли службы безопасности, снаружи сквозь стеклянные филенки виднелись милицейские мундиры. Сплошной гул, затем треск, и дубовая парадная дверь, открывающаяся на улицу, проламывается в обратную сторону прямо на нас. В образовавшийся проем спинами вперед вваливается милиция, а за ними – разъяренный народ. В первых рядах штурмующих я запомнил негодующего директора механико-технологического техникума Кавааза Тажмакина. В одной руке у него была измятая корзина цветов, в другой – скомканный пиджак. И траурный черный галстук через плечо на спине.

– Впустите людей, открывайте двери, – поступила через кого-то запоздалая команда обкома. Мы в это время уже убирали с навесов ее остатки, чтобы никто не поранился.

Сколько времени доступ со стекольным хрустом под ногами продолжался, сказать не могу. Помню лишь, что прекратился он внезапно. На улице будто бы удалось договориться о выносе тела на более просторное место снаружи, чтобы прекратить давку в помещении.

На этом моя часть церемониала закончилась. Претензий ни тогда, ни потом мне не предъявлял никто. Потому что провал был точно таким же, как и политическое решение бюро. Коллегиальным…

Кустанайская земля на смерть своего преданного сеятеля и хранителя отозвалась скорбью. Не захотела рожать в тот год. Торжественное собрание, посвященное дню работника сельского хозяйства в октябре, отменили. За неимением трудовых подарков Родине.

Но приуроченное к этому празднику открытие монумента первоцелинникам – детища Деда – состоялось. Через три месяца после его смерти. А через семнадцать лет улица у площади с бронзовыми сеятелями получила имя Бородина.

октябрь 2002 г.

БРОНЗОВЫЕ
И ЖИВЫЕ СЕЯТЕЛИ

Exegi monumentum. (Из Горация).
А. Пушкин. «Памятник»

Комсомолу, словно старому деду, исполняется девяносто... Для общественного организма это не срок, но судьба некогда могучего Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи больше напоминает скоротечную человеческую жизнь: в возрасте за семьдесят он отстранился ото всех дел, ушел в себя, и теперь только лишь в связи с годовщинами да юбилеями мы вспоминаем о нем. Нам такой потери одного из самых своих близких искренне жаль, но никто ничем помочь не может, в прошлое возврата нет. Рассказать новому поколению, чем мы в том ВЛКСМ занимались, сложно, оно, кажется, уже весьма смутно понимает, о чем идет речь…

Я и сам в свое время не очень понимал, поскольку в школьные годы в нем не состоял. Это было редким исключением, видимо, комсомольские активисты просто не могли меня поймать, чтобы вовлечь: со старших классов я уже был при гуляйпольской городской футбольной команде. Но, скорее, не ловили вовсе – мы, участники чемпионата Украины, от той школьной суеты были далеко-далеко, а они, вечно занятые там своими двоечниками да сопливыми табакурами, нас как бы и не замечали. Впрочем, мы их тоже.

Более близко с этим помощником Коммунистической партии (инициаторами распашки казахстанской степи они стали вдвоем) судьба свела меня на Кустанайщине. Здесь, за три тысячи километров от Гуляйполя, в поселке Крымский Денисовского района я получил комсомольский билет. Двадцати четырех лет от роду, я прошел к тому времени свою тургайскую целину и Бюйректал, стройплощадки Аркалыка и Челгашинского элеватора. Комсомольская «бюрократическая» вертикаль надо мною тогда располагалась так: секретарями обкома были Петр Черныш и Святослав Медведев, райкома – Галина Юрченко и Бахитжан Жумабаев, комитета комсомола – Людмила Мацупа. Я назвал этих людей поименно в знак своей особой благодарности к ним, а нарицательный вроде бы ярлык к столь солидной кадровой обойме тут как раз уместен – все свои дела на всех уровнях мы коллегиально решали «на бюро».

В том возрасте я уже довольно четко понимал, что именно нашей целинной молодежи нужно. А что ей, собственно, нужно? Образовательный и профессиональный рост, трудовые достижения, общественная активность… Но это скорее то, что требовалось от нее. У нее же самой, конечно, имелись личные устремления и заботы – в эту пору люди преисполнены больших планов и радужных надежд… А то, что от нее нужно было – она в основной своей массе делала, притом делала самоотверженно. Как-то в выходной день я заглянул с проезжим обкомовским начальством на видневшуюся с дороги животноводческую ферму, взятую в управление одной из наших комсомольско-молодежных бригад. А там непредвиденное обстоятельство – досрочный опорос. Я никогда не забуду ту потрясающую картину: огромная свиноматка, двенадцать крошечных розовых поросят, а на коленях перед ними бригадир по фамилии, помнится, Риксен – руки и щеки в крови – перегрызает зубами пуповины. Да…

Тот наш социализм, как строй, дискредитировали вовсе не безответственные, лишенные всякой личной заинтересованности исполнители – капиталистическая система тоже держится на труде наемных работников. Социализм доконала практика управления предприятиями через «железные» сметы, централизованно обсчитанные в Москве. Поощрить какое-нибудь новаторство, вознаградить прорыв, как, впрочем, и наказать материально бездельника, управляющему любого ранга было невозможно. Конечно, все шло от нашей бедности, но уравниловка, пригодная для времен «военного коммунизма» и послевоенной разрухи, не срабатывала в условиях мирного созидания. Инициативу следовало бы уже отдавать на места, идея хозрасчетной системы управления и экономической самостоятельности тогда витала в обществе и будоражила умы, новое, грамотное поколение было готово к ее реализации. Размышляя сегодня о том, какая сила подвигала нас в те времена вперед, я понимаю, что это

было не простое желание, как принято считать, *сделать больше,* а все-таки *качественно реформировать жизнь к лучшему***.** Молодежи, особенно на селе, недоставало условий для отдыха и занятий спортом, нормального досуга и общения, именуемого ныне «тусовками» – юношам и девушкам, наводнившим здешние степи, нужно было знакомиться, дружить, создавать семьи, рожать детей, а при их наличии – не закиснуть в домашних делах, показываться «в свет»… Свет, которого чаще всего не было – у государства, затеявшего распашку новых земель в невиданных еще человечеством масштабах, на это попросту не оставалось денег.

Когда я был рядовым комсомольцем, то критиковал выборных функционеров за то, что они в этом направлении делали крайне мало. Когда меня самого выдвинули туда по принципу «делай сам», я, наконец, разобрался, что же такое комсомол. Политическая его риторика была атрибутом нешуточным, но вовсе не обременительным, а далее предоставлялись широчайшие возможности для инициативы и даже для «привлечения средств» – именно так формулировался этот род деятельности в уставных документах организации.

Наше низовое «бюро» называлось комитетом, там мы и решили сосредоточиться, как тогда говорили, над претворением в жизнь последнего, связанного с финансами, положения. Попробовали проводить субботники, зарабатывая деньги на сборе металлолома, благоустройстве и строительстве, подряжались везде, где не хватало рабочих рук. Руководство хозяйства – директор Геннадий Малков, парторг Анатолий Батуев, профсоюзный лидер Владимир Дудкевич, прораб Борис Хлыстун – сочли нашу инициативу обоюдно полезной.

Половину заработанных средств мы обращали на серьезные дела. В 1968 году, к 50-летию комсомола, построили в Крымском площадку для хоккея с шайбой, скопировав ее в несколько уменьшенном виде с рудненской, команда этого города выступала тогда в первенстве страны. Больше таких кортов, за исключением, кажется, Карабалыка, в области не было ни у кого, а о ледовых дворцах у нас тут еще и разговоры не велись. Центральный Комитет комсомола, заметив ударное предъюбилейное движение в далекой казахстанской степи (благодаря нашему же туда донесению), пожаловал нас в виде исключения (так было написано в ответе) из складов Реутовской спортивной базы команд профессиональной лиги СССР защитной хоккейной амуницией для взрослого и детского состава с ярко-синей верхней формой и коньками «Экстра» на ботинках, их хромированными лезвиями на заклепках тогда блистала легендарная советская сборная. И мы... Она – с экранов телевизора, а мы перед односельчанами – в режиме реального времени. Многие наши игроки (и я в том числе) представляли затем спортивную Кустанайщину на республиканских соревнованиях, а Крымская средняя школа – наш детский состав – достойно защищала честь области в первенстве Казахстана. Дети целинного села, которого пятнадцать лет назад не было не то что на географических картах, но даже на геодезических планах местности, соревновались со своими сверстниками при командах мастеров Караганды, Алматы, Усть-Каменогорска, где ледовые дворцы к тому времени имелись, и неизменно занимали призовые места.

Другая половина заработанных денег – по принципу генералиссимуса Суворова, то есть немедленно после «подвига» – тратилась на стимуляцию энтузиастов: оплату «молодежного кафе», эдаких развлекательных посиделок в местной столовой после трудов праведных – с танцами, музыкой, играми, призами, закуской. На «огонек», после рытья какой-нибудь траншеи для фундамента под зерносклад, собиралось до сотни человек. Приходили и семейные пары, и сам директор совхоза Геннадий Малков с супругой. Это были не те эпизодические сельские торжества вроде свадеб или проводов в армию, а рядовые вечера отдыха, на которые молодежь готова была ходить ежедневно. Поэтому и не отказывалась от предложений заработать прежде для этого деньги.

Подобное свое видение задач Союза Молодежи, несколько расходившееся в акцентах с программной речью Ленина на III съезде РКСМ, я изложил уже в качестве секретаря райкома на одном из пленумов обкома комсомола, чем навлек на себя гнев его первого секретаря Святослава Медведева. – «Хорошо, что не все мыслят так, как Тарасенко, – резюмировал он. – Будто бы нет у нас более важных проблем».

Святослав Медведев в то время тоже был (после Петра Черныша) вновь избранным, он призывал к началу новых больших дел и к продолжению всех прежних – тогда проектировались Качары, достраивались Рудный и Аркалык, возводился Лисаковск. Я же говорил о материях более

мелких, но именно сочетание большого и малого гармонизировало сферу комсомольских интересов так, что к нему тянулась вся молодежь.

В своем Денисовском районе мы нашу тему тогда «раскрутили» основательно. Тем более что она поддерживалась районным руководством в лице Якова Буца, Файзуллы Жаксылыкова, Сейткали Амантаева, Владимира Кулиша, Анатолия Сподина, Есета Мусагулова, то есть теми людьми, которые меня с такой «программой» в свои ряды допустили. Их психологию нужно было понимать – в большинстве своем они выросли в здешних, разбросанных и затерянных в степи аулах, без электричества и радио, дорог и техники, но попали в самый эпицентр переустройства степи, в молодежное половодье, оказались у руля и подвижнически несли свою историческую миссию. Они столбили новые поселки – форпосты, как тогда предполагалось, будущих городов, распахивали громадные площади ковылей, насыпали дороги, возводили мосты… Село – оно и производственный цех и квартира одновременно, поэтому им приходилось выполнять и жестко установленный план и обустраивать современное бытие. Тут они хватались за любую инициативу снизу. Мы строили стадионы и хоккейные корты, приобретали спортивный инвентарь, учреждали собственные призы и премии молодежным коллективам и передовикам… Сменили убогий интерьер своих райкомовских кабинетов с мебелью знаменательного 1936-го (года образования области) и даже просили товарища Медведева разрешить нам покупку по рыночным ценам автомобиля «Волга». В то время эта машина поставлялась в районы только по заводской стоимости и в таком количестве, что очереди дожидались даже персоны из числа высшего руководства. «Привлеченных» рублей у нас, денисовских комсомольцев, тогда было больше, чем на два таких авто – наверное, около тридцати тысяч долларов в пересчете по тому курсу, что для середины семидесятых было тут астрономической суммой.

– Не будет вам никакой «Волги», успокойтесь! – ответил мне по поручению первого секретаря их финансист Николай Шаповал. – У вас нет денег, все комсомольские средства по просьбе обкома партии централизованно перечислены на возведение монумента первоцелинникам в областном центре… У тебя что, есть вопросы?

На счетах всех райкомов и горкомов комсомола лежали определенные суммы от всеобщего областного месячника по сбору металлолома для оплаты памятника, но это был мизер против наших накоплений – таких денег, как у нас, не было ни у кого. Я это знал, поскольку как раз в это время был избран председателем ревизионной комиссии Кустанайского обкома комсомола. Поскольку наши «закрома» зачистили полностью, то вопрос насчет равномерного вклада в солидарное дело напрашивался.

– Перерасчета не будет. Гордитесь тем, что ваша лепта будет весомая!

Как тургайский, удостоенный медали, первоцелинник, я гордился: а что – сами себя в бронзе запечатлели. «Не слабо!?» – если померяться высотой парения с современниками на сегодняшней их тусовке… Впрочем, память о нашем поколении будет связываться даже не с бронзой, но с самим комсомолом, прежде всего. Пожелаем и нынешней поросли своего союза молодежи, который бы оставил такой же неизгладимый след в ее жизни. Да еще – ее же усилиями – и в истории государства…

январь, 2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Повесть
ЦЕЛИННАЯ ХРОНИКА

Глава первая
Версия. Октябрь, 2003 год 6

Глава вторая
Блага цивилизации. 1999 год. 16

Глава третья
Узкая колея. Кустанай. 1961 год 29

Глава четвертая
Орысаул. 1961 год 60
Глава пятая
Искусство политического консалтинга.
1999 год 100
Глава шестая
Тыныштал. Новый, 1962 год 111
Глава седьмая
Страна степных тюльпанов. 1962 год 130
Глава восьмая
Вести из параллельных миров. 1999 год 151
Глава девятая
Формула Кустаная. 1962 год 156
Глава десятая
Край тасканских овец. 1962 год 185
Глава одиннадцатая
Диссертация. 1999 год 193
Глава двенадцатая
Пульс планеты. 1954-2003 годы 201
Post scriptum
Астана. 6 февраля 2004 года 204

Рассказы и очерки

Сбывшийся несбывшийся сон 206
Лошадиная фамилия 210
Великий Ахмет 222
Сутки с Бородиным 227
Бронзовые и живые сеятели 237

Анатолий Владимирович Тарасенко
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТИ ТОМАХ
ТОМ ТРЕТИЙ

Ответственный редактор *И.П. Милокумова*
Литературный редактор *В.И. Жаркова*
кандидат филологических наук, доцент
Корректор *С.А. Красиворон*
Художник *Г.М. Соков*
член Союза художников Казахстана,
член Союза художников СССР
Технический редактор *Г.А. Жаворонок*

Художественный редактор *А.В. Князев*
Компьютерная верстка *Е.В. Сивирин*

Формат 84 х 108 . Гарнитура NewtonC.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,02 п. л.
Тираж 1000. Заказ № 2184

Республика Казахстан
110003, г. Костанай, ул. Темирбаева, 39
ТОО “Костанайский печатный двор”
Тел./факс: 8 (7142) 535-492, 535-460
E-mail: kpdvor@mail.kz